

А. Аджубей

«СЕРЕБРЯНАЯ КОШКА»

*или
путешествие
по Америке*

Алексей Иванович Аджубей «Серебряная кошка», или путешествие по Америке

Сканирование, распознавание и вычитка: Syrchik (syrchik@rambler.ru)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160454

«Серебряная кошка», или путешествие по Америке: Молодая гвардия;
Москва; 1956

Аннотация

Книга известного российского журналиста, главного редактора «Комсомольской правды» А.И. Аджубея повествует о поездке делегации советских литераторов по США, о встречах и беседах с известными людьми, о жизни Америки 50-х годов.

Содержание

С ПАРАДНОГО ВХОДА	7
«СЕРЕБРЯНАЯ КОШКА»	7
ТАМ, ГДЕ ДЕЛАЮТ ДЕНЬГИ	23
ШУМИТ НОЧНОЙ БРОДВЕЙ	45
ВОЙНИЧ ЖИВЕТ В НЬЮ-ЙОРКЕ	57
В ЦЕНТРЕ АМЕРИКИ	69
НЕ ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА	69
ГОРОД СОЛЕННОГО ОЗЕРА	83
ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛЫЙ ВЕК	97
ЗДЕСЬ ПЛЕЩЕТ ТИХИЙ ОКЕАН	106
ДВОЙНАЯ ИГРА	106
ЛАССО В ВОЗДУХЕ	116
НА РОДИНЕ ТАРЗАНА	135
БОРОДАТЫЕ АМЕРИКАНЦЫ	145
ДОМИК НА БЕРЕГУ ОКЕАНА	154
НА ОБРАТНОМ ПУТИ	162
АМЕРИКАНСКАЯ ГЛУБИНКА	162
ПЛОХАЯ ПОГОДА В ВАШИНГТОНЕ	190
ПОЕТ ПОЛЬ РОБСОН	203

**Алексей Иванович Аджубей
«Серебряная кошка», или
путешествие по Америке**

«СЕРЕБРЯНАЯ КОШКА»

или
путешествие
по Америке

С ПАРАДНОГО ВХОДА

«СЕРЕБРЯНАЯ КОШКА»

Кошки бывают разные – дикие и домашние. Одних только домашних можно назвать множество: сибирские, ангорские, простые короткошерстные. В каждой стране, наверное, есть свои породы кошек. Но когда я сейчас день за днем перебираю в памяти поездку по Соединенным Штатам Америки, которую совершил вместе с группой советских журналистов, мне хочется начать рассказ с кошки особого рода, с «серебряной кошки».

Такой кошки не существует в природе. Но в Америке, вернее в одном ее городе, Сан-Франциско, есть веселое предание, которое кое-что объяснит вам.

На западном побережье Америки случаются землетрясения. Последнее землетрясение, коснувшееся Сан-Франциско, было довольно сильным. Масса былей и небылиц распространялось в городе по поводу этого происшествия. Давали интервью все, кто хотел. Какой-то сметливый журналист установил, что молчала о землетрясении одна только черная кошка. Шутка эта понравилась журналистам города, и теперь изображение черной кошки является эмблемой Сан-Францисского прессклуба. Если фигурку черной кошки ставят на

стол во время беседы или если кто-нибудь заявляет о том, что он просит помнить о «черной кошке», содержание беседы не должно попасть в газеты. Американские журналисты довольно часто пользуются правом «черной кошки». Но при чем же здесь «серебряная кошка»?

В том-то и дело, что обойтись одной «черной кошкой» оказалось невозможным, и тогда журналисты придумали... «серебряную кошку». Когда серебряная фигурка кошки стоит на столе или когда кто-нибудь предупреждает, что он говорит в присутствии «серебряной кошки», все может быть опубликовано.

Такова эта короткая история.

На моем столе нет сейчас фигурки серебряной кошки. Но я мысленно представляю ее себе такой, какой запомнил в Сан-Францисском клубе журналистов. Помня о ней, я напишу обо всем, что видел. Позади более двадцати пяти тысяч километров пути, – в наше время это большое расстояние легко преодолеть, – позади много памятных встреч и событий. Они промчались перед нами стремительной кинолентой, которую сейчас стоит просмотреть и осмыслить заново.

Рассказ хочется начать не с того часа, когда пассажиры пакетбота «Иль де Франс» разглядели в туманной дали узенькую, колыхавшуюся полоску американского берега, а несколько раньше, так сказать, по порядку.

Позавтракав в Москве, мы к вечеру были уже на аэродроме Орли в Париже. Разместились мы в маленькой старинной

гостинице с громким названием «Пале-Рояль». Гостиница эта находится неподалеку от Лувра и, по рассказам, была когда-то одним из дворцов всемогущего кардинала Ришелье.

Несколько дней ушло на оформление билетов. Наконец мы простились с Парижем.

Было раннее утро. Хотя листок календаря показывал 11 октября, стояла теплая, еще зеленая осень. Скорый поезд мчал нашу делегацию в Гавр. Туман, но не молочно-белый, а какой-то сиренево-розовый, все время меняющий свои оттенки, скрывал от нас дома, деревья. Даже близкие станционные постройки будто плавали в кипении цветных облаков. Но скоро солнце прогнало с земли туманное покрывало. Замелькали обильные сады Нормандии, чуть почерневшие от времени красные, оранжевые, зеленые черепичные крыши крестьянских домиков. Охлажденный скоростью воздух рвался в окна и наполнял вагон хмельными запахами вспаханной земли и подопревших яблок.

Все дальше Париж, но он не хочет расставаться с нами. Перед глазами еще стоят его бульвары, площади, улицы, с которыми связано очень многое.

Можно на лифте подняться к самой вершине Эйфелевой башни и с трехсотметровой высоты увидеть как на ладони весь город: Елисейские поля, по которым в воскресный день не пробиться ни человеку, ни автомобилю, сероголубоватую улицу Парижа – прекрасную Сену, Монмартр, Булонский лес, напоминающий сверху огромную зеленую заплату,

лес, в котором фашисты расстреливали борцов Сопротивления, площадь Согласия, Марсово поле и где-то совсем рядом, прямо за рекой, дворец Шайо...

Было время, в этом дворце проходили заседания Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций. Теперь в фанерной пристройке, претенциозно выкрашенной под гранит, помещается штаб агрессивного Северо-атлантического союза. Но он не олицетворяет собой ни Франции, ни Парижа.

Париж – это бессмертие героев Коммуны, это гений Гюго, это мужество бойцов Сопротивления. Париж – город, про который Маяковский сказал:

Я хотел бы жить и умереть в Париже,
Если б не было такой земли –
Москва.

А поезд уже приближался к океану. То и дело мелькают среди зелени холмов серо-белые остатки полуразрушенных и покинутых зданий. Около ржавого железа – дикие осенние цветы. Почему они растут так буйно на могилах? Кто-то из наших поэтов задумчиво произносит:

Остатки Атлантического вала¹
Еще видны у Гавра на холмах...

---

¹ Укрепления гитлеровцев во Франции против десанта союзников.

Да, старым нормандским крестьянам, которые знают, что такое война, не вычеркнуть из памяти родные лица погибших сыновей! И, наверное, если бы поднялись те, кто погиб у дотов Атлантического вала, под Сталинградом, Гавром, – они присоединились бы к миллионам людей, которые хорошо понимают смысл фанерной пристройки у дворца Шайо.

Мы не успели заметить, как миновали Руан, взметнувшийся к небу стрелы башен своих готических соборов, обогнули Гавр, и поезд остановился почти у самого борта «Иль де Франса». Океана не видно. Проходим несколько длинных коридоров, минуем какие-то комнаты, показываем паспорта, билеты. Только когда перед нами открыли двери каюты, мы поняли, что находимся уже на борту пакетбота.

«Кэбин класс» – что-то среднее между первым и вторым.

В каюте четыре места, койки расположены в два яруса. Потолок и стены металлические, усыпаны для красоты, а может быть и для звукоизоляции, побеленной пробковой крошкой. Сквозь два шарообразных вентилятора поступает в каюту свежий океанский воздух. Иллюминатор небольшой, света пропускает мало, и в нашем жилище почти весь день горят электрические лампочки.

Все в каюте миниатюрное, прямо-таки в половину натуральной величины: и душевая комнатка, и умывальник, и даже тяжелые металлические кресла из гнутых труб. При наших русских «габаритах» пользоваться всеми этими удобствами не легко. Зато пароходная компания сумела рацио-

нально использовать каждый метр «производственной» площади. Борис Романович Изаков, Анатолий Владимирович Софронов, Николай Матвеевич Грибачев и я плывем в одной каюте. Борис Николаевич Полевой, Виктор Васильевич Полторацкий и Валентин Михайлович Бережков – этажом выше, но тоже в «кэбин классе».

В каюте прежде всего знакомимся с правилами для морских путешествий. Эти правила, напечатанные на трех языках (французском, английском, немецком), висят на стене. В случае тревоги, говорится в них, все мы должны: 1) одеться теплее, 2) опоясать себя пробковыми приспособлениями, 3) спешить к спасательной лодке № 3.

Сначала эти советы кажутся нам несколько наивными, но будущее показало, что они могут пригодиться.

Палубы и переходы гудят: устраиваются пассажиры, – а их свыше тысячи, – укладывается багаж. В первые минуты трудно разобраться в том, что происходит на судне, – проходы заставлены чемоданами всех размеров, цветов, фасонов.

Но вот два крепыша – морские буксиры (как ни велики они, но их пятнадцатиметровые трубы едва достают до первой палубы «Иль де Франса»), поднатужившись, потянули белоснежную громадину водоизмещением в сорок четыре тысячи тонн на простор океанской волны. Пассажиры на корме прощаются с друзьями, родственниками. С берега кому-то долго машут белыми платочками четыре монахини в черном. Ветер треплет их одежду, и кажется, сидят на при-

чале четыре большущие вороны. Кружатся в синем воздухе чайки. Они еще долго будут лететь с нами – вестники земли, а потом и они отстанут.

Скрылся, растаял в предвечерней дымке Гавр. Стало прохладнее. Послышались мелодичные звуки гонга, призывающие пассажиров к обеду. В большой светлой столовой на четыреста мест мы сидим вместе с американским коммерсантом мистером Скарром и его женой. Мистеру Скарру лет сорок, жене, видимо, лет тридцать. Супруги под стать друг другу: худые, высокие. Стоит мистеру Скарру повернуть голову с намерением позвать кого-нибудь из обслуживающего персонала, как к нему моментально подбегает официант.

– Необыкновенное преимущество роста, – улыбаясь, объясняет он. – Я вижу вас из самого дальнего угла зала.

Скары из Бостона. Это первые американцы на нашем пути, и нам интересно их отношение к поездке советских журналистов.

– Вери гуд!² – вступает в разговор с нами мистер Скар. – Я давно мечтал сидеть за одним столом с советским человеком.

Мы отвечаем, что с охотой едем в Соединенные Штаты, потому что советские люди всегда испытывали дружеские чувства к американцам.

– Я полагаю так, – продолжает наш сосед, – если парни беседуют друг с другом спокойно, они успевают подумать, о

---

² Вери гуд – очень хорошо.

чем говорят; если же, – американец выразительно щелкает пальцами, – парни спешат стрелять, можно не разобрать, в кого стреляешь, а главное – зачем!

Первый обед заканчивается поздно. Пассажиры знакомятся и не спешат покидать столики. На палубе «Иль де Франса» тоже многолюдно. Тихий вечер с ярко горящей алой зарей, зеленая ширь океана настраивают пассажиров на спокойный и даже лирический лад. Широкая и просторная палуба (длина «Иль де Франса» около четверти километра) напоминает улицу или, скорее, бульвар. Гуляет по палубе народ степенно, потому что в большинстве своем едут на пакетботе люди солидные и, конечно, обеспеченные. Особенно в первом классе – его палуба отгорожена от всех остальных классов. Пассажиром здесь может быть только совсем богатый человек.

Те, кто постарше, устраиваются в удобных шезлонгах, кто-то начал партию шахмат, но большинство режется в карты, которые, как нам показалось, куда более популярны на Западе, чем шахматы.

К нашей семерке подходят попутчики.

– Первая скрипка нью-йоркского оркестра, – представляется веселый, общительный мужчина небольшого роста, с покатым дынеобразным животиком под плотным серым свитером.

– Первый гобой того же оркестра, – вступает еще один, несколько мрачноватый на вид мистер.

Оба прежде всего сообщают нам, что в репертуаре их оркестра произведения Шостаковича, Хачатуряна, Прокофьева.

– Очень хочется поехать в Москву, – мечтательно тянет «первый гобой».

– О да! – поддерживает его «первая скрипка».

Между тем уже совсем темнеет, и мы вместе со всеми спускаемся в салон. Он декорирован в каком-то путаном стиле. Зеркальные стены расписаны в ярко-красный и золотой тона на старинные темы, зато ступеньки лестницы, которая ведет на второй этаж салона, вполне современные. Они сделаны из толстого небьющегося авиационного стекла и подсвечены изнутри.

Играет маленький джаз-оркестр. Десятки глаз посматривают в нашу сторону: «А умеют и, главное, решатся ли русские танцевать?» Еще не многие, видно, знают, что мы – советские журналисты. Во время танца у Валентина Бережкова происходит с партнершей следующий разговор:

– Вы из какой страны?

– А вы как думаете? – спрашивает, в свою очередь, Бережков по-английски.

– Из Англии?

– Нет, не угадали, – отвечает он девушке уже по-французски.

– Из Франции? – Теперь американка ведет себя несколько нерешительно.

– Нет, – произносит Валентин по-немецки, – берите восточнее, даже восточнее Германии.

– А что же там восточнее? – Девушка в затруднении.

– Советский Союз! – отвечает ей наш товарищ.

– Советский Союз? – Американка искренне удивлена. – Как же вам удалось оттуда вырваться?

Сейчас, конечно, Дженни Уиткер – детский врач по профессии – улыбнется, если ей придется прочитать эти строчки, но она-то и была партнершей Валентина Бережкова.

Отчего это? Как могло случиться, что современная молодая девушка, человек образованный, много повидавший, имеет такое смутное представление о великой стране, земли которой занимают одну шестую часть суши?

Дженни смутилась и долго извинялась, когда мы еще раз встретились с ней.

– У нас много пишут, что вы не как все люди, – говорила она в свое оправдание. – А вы совершенно как все люди, вот я и перепутала...

Когда рассказ о поездке вступит в свою «решающую фазу», то есть когда речь будет идти собственно об Америке, еще не раз и, конечно, более обстоятельно я постараюсь объяснить причину подобных диалогов и подобной «путаницы». Но сейчас мы на борту «Иль де Франса». Пассажиры то и дело подходят к карте, на которой флажками отмечается суточный пробег корабля. Он идет ходко – его скорость свыше тридцати пяти километров в час. Но океан велик, и только

за шесть дней пути можно добраться по нему из Франции в Америку.

Как только кончается ужин, пассажиры, повинувшись дорожной привычке коротать время, спешат в салон на звуки грустных песенок джаза. О многих пассажирах мы уже кое-что знаем. Вон там в уголке поблескивает своими похожими на спелую черешню глазами маленькая Флоренс. Она едет в Америку к своему жениху, с которым познакомилась весной прошлого года. Жених ее занимается перепродажей подержанных автомобилей. Он привозил в Париж несколько старых «шевроле».

Всю дорогу Флоренс ходит грустная, почти ни с кем не разговаривает и не танцует.

Я спросил у нее:

– Тяжело покидать родной дом, Флоренс?

Она согласилась.

– Нас шесть сестер. Всем все равно не устроиться в Париже. А он ухаживал за мной, и у него есть небольшое дело в Филадельфии. Сестры завидовали мне и говорили, что я фантазерка – ищу себе принца. – Флоренс опустила свои блестящие глаза. – Вот я решилась. Сестры собрали мне немного денег на обратную дорогу, вдруг что-нибудь случится, и я поехала.

Девушка крепче прижала к руке черную замшевую сумочку. Виктор Полторацкий шутит:

– Ничего, ничего, – жених не должен обижаться.

Соседка Флоренс по каюте, коротко стриженная американка Мэг, отвечает не то Флоренс, не то Полторацкому:

– Хорошие парни есть всюду, но главное «биг мен» – большой человек, – и она жестом показывает пачку денег.

У Флоренс свои мысли, у Мэг свои. А чуть дальше на кругу беззаботно танцуют две девочки-близнецы. Им лет по пятнадцати. Обе в белых вечерних платьях, с дорогими украшениями на руках и шее. Они приходят в наш салон из первого класса вместе с пожилой дамой, которая садится на эстрадку для джаза рядом с контрабасистом и не сводит глаз с девочек. Сестры путешествуют. В прошлом году они были в Италии, в этом – повидают Америку. Им не нужно будет выходить замуж, как говорится, на сторону: они «биг гёрлс» – большие девочки, у папы хватит денег для того, чтобы найти им женихов прямо в Париже.

У Флоренс свои думы, у Мэг свои, а девочки из первого класса, наверное, ни о чем сейчас не думают.

Днем на палубу свалилась крошечная перелетная птичка. Бессильный пушистый комочек нашел спасение на случайно подвернувшемся в безбрежном океане «Иль де Франсе». Пассажиры согрели, накормили птичку, и часа через три она вновь поднялась в воздух, сделала два круга над палубой и исчезла. Хорошо, что удалось птичке передохнуть в пути. Но долетит ли она до берега?

Виктор Полторацкий долго смотрел вслед улетевшей страннице. Я слышу, как он шепчет:

Пускай опять приснится мне
И эта чайка на волне,
И этот синий небосвод,
И этот белый пароход,
И за кормой волнистый след
Пускай мне снится много лет.

Виктор Васильевич не часто читает свои старые стихи. Я не спрашиваю, почему ему захотелось сделать это сейчас: то ли настроил его на грустный лад случай с птичкой, то ли потому, что на самой корме стоит маленькая Флоренс и, не отрываясь, глядит вдаль, туда, где бежит и бежит изумрудно-белый пенистый след от пакетбота.

Стоявший рядом серьезный, насупленный человек, как оказалось впоследствии, крупный американский бизнесмен, неожиданно произнес:

– А вы простые, обычные ребята...

Полторацкий и я начали иронически его переубеждать, заверяя, что всевозможные «коммунистические ужа-сы» спрятаны в наших чемоданах. Мистер задумался на секунду, а потом захохотал:

– Вы можете обвинить меня в чем угодно, даже в том, что я сам коммунист, но в ваших чемоданах ничего такого нет! Вы простые ребята, олл райт!³

Он поднял палец вверх, как будто грозил кому-то, повер-

---

³ Олл райт – все правильно, хорошо.

нулся и крупно зашагал от нас прочь.

«Иль де Франс» шел океаном третьи сутки. Сколько раз уже описывали океан, сколько сравнений родилось у писателей по поводу его безбрежных просторов!

Я пытался отбросить все, что слышал, но не уверен, что не повторюсь. Прежде всего, когда глядишь с борта на зеленовато-серую равнину, невольно думаешь: «Ох, и глубоко здесь!», потому что под тобой колышется, перекачивается, будто вздыхает, неизмеримо огромная масса воды. Но главное «удовольствие» в океане – буря, или, как называют американцы, «харрикейн». Буря в океане – прежде всего дикой силы ветер. Он разбалтывает поверхность воды; она сперва перестает напоминать ровную, как скатерть, пустыню, становится серой холмистой степью, а потом – будто рядом с пакетботом начинает происходить диковинное рождение гор, на вершинах которых трепещут зыбкие снежные шапки.

Вспоминая эти малоприятные часы корабельной жизни уже в Америке, мы написали нашу первую коллективно-самодеятельную песенку:

По бушующим волнам Атлантики,
Получив в редакциях аванс,
Уплывало семеро романтиков
Пакетботом «Иль де Франс».

Здравствуй, ветра песенка печальная,
Терпкий вкус бургундского вина,

Путь-дорога трансконтинентальная
И чужая сторона.

Вовсе не на базе политической
По ночам, когда густел туман,
Ставил на попа нас Атлантический
Агрессивный океан.

Полевой на все смотрел критически,
Подводил дискуссиям итог.
Только океаном Атлантическим
Он руководить не мог.

Есть в этой песенке и еще некоторые строфы. Но поскольку они написаны в полемически-задорном тоне, вступает в свои права «черная кошка».

Только когда все кончилось, стало ясно, что мы попали в серьезный ураган. Было даже выбито несколько рам в салоне первого класса и ранены пассажиры. Кингсбери Смит – известный американский журналист – поспешил передать «сенсационную» новость на берег. Но радиосвязь прервалась, как только он начал диктовать заметочку: капитан попросил его не волновать людей на берегу и прервал разговор. Эти подробности мы узнали впоследствии из американских газет, так как члены команды решили не беспокоить пассажиров. И хотя «Иль де Франс» двое суток мяло, швыряло, разворачивало и трясло, все говорили, что это только «чуть

штормит».

Капитан Жан Камилья в эти часы бури любезно принимал нас у себя в каюте, повел на мостик, рассказывал об истории судна. Он сказал, что «Иль де Франс» называют счастливым. Пакетбот плавает вот уже двадцать восемь лет и ни разу не был вынужден спускать свои спасательные шлюпки, согласно аварийным правилам. Эти правила во время бури мы изучили весьма основательно.

Но вот шторм стих. Еще сутки ходу по чистой воде – и вдали показался американский материк. Прошли меж двух плавающих американских флагов, миновали один за другим десятки различных маяков и маячков. И рядом с нами сначала в пятистах, затем в двухстах, а потом уже и в ста метрах вздыбились небоскребы, «поплыли» улицы Нью-Йорка.

Медленно и осторожно, будто на ощупь, шел «Иль де Франс» к берегу. К сожалению, статую Свободы нам не удалось увидеть. Иммиграционные власти, представители государственного департамента и полицейские повели нас куда-то вглубь пакетбота совершать формальности. Мы прощаемся с нашими попутчиками и вступаем на землю Америки.

ТАМ, ГДЕ ДЕЛАЮТ ДЕНЬГИ

Итак, мы в Америке. Отныне с нами следуют г-да Френк Клукхон, Эдмунд Глен и Эндрю Чихачев.

Все трое представились нам еще на пакетботе, и не скажу, чтобы у них были очень любезные выражения лиц. Френк Клукхон – худой, высокий человек в коричневом макинтоше, бежевой старой шляпе с фасонистым витым шнурком на ней вместо ленты. Под глазами у Френка большие болезненные синяки, отчего он выглядит еще мрачнее. Френк заявил, что он не говорит по-русски, и всю дорогу старательно доказывал это. Глен – противоположность Клукхону, во всяком случае внешне. Коротенький, толстый, с обвислыми жирными щеками, несмотря на то, что ему не более сорока двух – сорока трех лет. Он говорит по-русски, правда очень скверно, еле подыскивая нужные слова. Эндрю Чихачев – попросту говоря, Андрей Федорович – переводчик. Совсем уже старый человек, белоэмигрант, в прошлом британский подданный, а ныне сотрудник государственного департамента США. Больше месяца проведем мы вместе с этими господами. Государственный департамент уполномочил их опекать советских журналистов. Ну что ж, пусть опекают: мы гости, а, как известно, в чужой монастырь не ходят со своим уставом.

Нью-Йорк встретил нас первым интервью:

– Жив ли «дух Женевы»?

Десятка полтора журналистов ждали ответа. Когда Борис Полевой от имени делегации сказал, что «дух Женевы» согревает сердца всех простых людей мира», журналисты улыбнулись. Вечером в газетах мы прочитали известие о нашем прибытии. Между строками заметок сквозила мысль:

«Они утверждают, что Женева еще не забыта, хотя ясно, что в нее уже мало кто верит».

Нас несколько удивил этот тон сообщений: газеты были на значительном расстоянии от истины.

Часа три в здании порта мы ждали багаж. Чемоданы непрерывной лентой плыли по нескольким транспортерам с борта судна. Когда чья-нибудь поклажа задерживала работу грузчиков, они подбрасывали ее на транспортере, и та катилась, кувыркалась, гремела с двадцатиметровой высоты вниз, а у пассажиров в это время замирали сердца.

Сознаюсь, и мы с тревогой поглядывали на ленты транспортеров. Наконец появилась поклажа нашей семерки. Быстро уложили чемоданы в такси и двинулись в город. Эти первые часы пребывания в Нью-Йорке запомнились с особенной силой.

Когда приезжаешь в чужой далекий город, где живет народ со своим языком, своей культурой, привычками, манерой, прежде всего хочешь познакомиться с человеком, с гражданином города. Нью-Йорк не разрешает тебе этого. В нем главное он сам, его дома «невозможной высоты», поток

разноцветных машин и крики со всех крыш, фасадов и углов: «Купи, купи, купи!» – так требуют рекламы. Собственно в Нью-Йорке живет более восьми миллионов человек, в ближайших окрестностях еще пять миллионов. Мне рассказывали, что если ньюйоркцы встанут в две шеренги, они перечеркнут Соединенные Штаты от края и до края. Думается, если вытянуть в одну линию лампочки и светящиеся трубки реклам города, они покроют все меридианы и параллели земного шара.

Мешает ли этот бешеный поток электрических слов человеку? Тут дело привычки и вкуса. Кое-где рекламы сделаны изобретательно, они оригинальны. Например, Бродвей, главная улица города, днем невыразительная, с некрасивыми домами, вечером вся в огнях, – она производит нарядное впечатление. По одной крыше льется поток подсвеченной воды, на другом здании огромный фанерный человек совершает шаги на месте и улыбается при этом, предлагая купить какие-то сверхпрочные ботинки. И так всюду, где бы вы ни шли по Бродвею, словно дома существуют на этой улице для помещения на них бесчисленных щитов, щитков, полотнищ и сложных рекламных сооружений.

А небоскребы? Когда смотришь на них, задрвав голову, представляется, что дома эти не строили, как строят все другие, что вначале были скалы, потом люди прорубили в этих скалах узенькие проходы, соорудили площади...

На острове Манхеттен высотные здания сконцентриро-

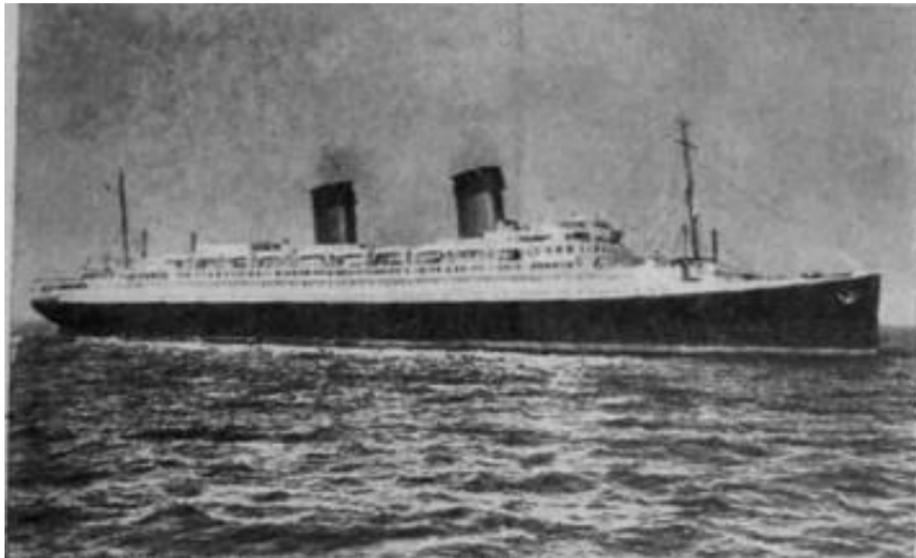
ваны двумя массивами и образуют старую и новую группу небоскребов. С высоты семидесятого или сотого этажа они напоминают два огромных острых зуба, которые выдвинулись в океан как бы для того, чтобы распороть его здесь на двое – на Гудзонов залив и Ист-Ривер.

В том, что иные дома Нью-Йорка «полезли» вверх, есть своя закономерность.

– Чем быстрее растет цена на земельные участки, тем выше здания, – объяснили нам в городском управлении. – Если кто-нибудь не начнет торговать небесными участками, здания и впредь будут ползти к облакам.

Мэр города г-н Вагнер, когда мы обратились к нему с вопросом, каков дальнейший принцип застройки Нью-Йорка, сказал:

– Это для нас единственный выход, – и он кивнул головой вверх.

«Иль де Франс» в океане.

**Дженни Уиткер охотно
сфотографировалась с нами.**

Нью-Йорк. Дневной Бродвей.

Не все дома в Нью-Йорке небоскребы.

Этель Лилян Войнич в своей квартире.

Кливленд. На озере Эри.

На дорогах Америки реклама: «Неужели вы не пробовали этот напиток?!»

Нью-йоркские небоскребы в основном не жилые дома. В них размещаются главным образом конторы компаний, различные агентства, редакции газет. В двух или трех высотных домах помещаются гостиницы. Небоскребы принадлежат миллионерам и архимиллионерам, ибо они дороги в постройке и в эксплуатации. Арендная плата в высотных домах необычайно велика.

И не только в высотных. Стоимость жилья в Америке — бич простого человека. Она почти всегда выше одной трети заработной платы, а в иных случаях приближается даже к ее половине. За две небольшие комнатки в десять-пятна-

дцать квадратных метров каждая нужно платить в месяц от ста до ста пятидесяти долларов. Если прибавить сюда плату за электричество, газ, воду, станет ясным, насколько тяжело жить рядовому американцу.

Небоскребы несколько разнообразят внешний вид города. Они производят величественное и даже грозное впечатление. В остальном же Нью-Йорк стандартен. Дома здесь темносерые или темнокрасные, без облицовки; внешне они очень скучны. Но надо отдать должное удобствам внутренней планировки и отделке квартир, учреждений. Хороши в городе и некоторые дороги с односторонним движением: они дают возможность очень быстро передвигаться из одного конца Нью-Йорка в другой.

Вместе с тем Нью-Йорк, наверное, больше, чем любой другой город Америки, дает путешественнику самые противоположные представления о человеческом жилье и вообще об устройстве человека на земле. Возле дома мадам Дюк, которая, по словам г-на Херста, является самой богатой женщиной в мире, всегда цветут розы, а возле домов Гарлема, негритянского района Нью-Йорка, нет ни роз, ни даже обычных деревьев, зато мостовые и тротуары завалены кучами мусора, обрывками газет, какого-то тряпья. Мы не имели возможности ознакомиться с Нью-Йорком и с другими городами Соединенных Штатов так, как хотелось. Программу поездки журналистов составил государственный департамент, а это значило, что мы видели Америку с парадного входа. Ну

что ж, ведь и удобные дороги, и величественные небоскребы, и особняк мадам Дюк – все дело рук простого, энергичного, сметливого американца.

Но разговор зашел о людях в городе. Удивительное дело, как трудно даже сейчас отчетливо представить себе тип ньюйоркца! Может быть, это потому, что здесь живет масса иммигрантов? Мэр города г-н Вагнер заметил при встрече с нами, что в Нью-Йорке «больше ирландцев, чем в Дублине, евреев больше, чем в Израиле, итальянцев больше, чем в Риме». Нет, все-таки не поэтому. Горячка города, темп его жизни, властное подчинение человека одной, только одной заботе – успеть, не прозевать, не споткнуться в «делании денег», – не этим ли объясняется почти неуловимый облик тех, кого вы видите на улицах. Они всегда спешат, и к ним просто невозможно приглядеться.

Но мы встречались и говорили со многими американцами в несколько иной, более спокойной обстановке. Рассказ об этих встречах впереди.

...Вечером в день приезда мы отправились в газету «Нью-Йорк таймс».

«Таймс» расположена в центре города, на Бродвее. Газета оказывает влияние на вопросы внешней и внутренней политики государства, хотя, если вы спросите об этом у ее хозяев, они, конечно, разведут руками: «Мы вполне нейтральный, независимый, свободный и прочее и прочее орган». Но всем известно, что контрольный пакет акций газеты принадлежит

семейству Сульцбергер – Окс; г-н А. Сульцбергер – издатель газеты, кроме того, важный соучастник в делах агентства Ассошиэйтед Пресс. Принимал нас на одиннадцатом этаже обширного здания газеты, в парадных апартаментах г-н Дрейфус – один из доверенных людей Сульцбергера и, кстати, его ближайший родственник.

Г-н Дрейфус рассказывает нам об истории газеты. «Таймс» выходит более ста лет. У нее огромная сеть зарубежных корреспондентов – свыше ста человек. Работают в газете восемьсот сотрудников. Тираж газеты в обычные дни пятьсот семьдесят пять тысяч, в воскресенье – один миллион двести тысяч экземпляров. Даже эта крупнейшая газета Соединенных Штатов имеет значительно меньший тираж, чем наши советские центральные газеты. Г-н Дрейфус показывает снимок здания «Таймс» 1878 года. В нынешнем помещении редакции это здание поместилось бы в одной из комнат.

В беседе с нами принимают участие редакторы газеты, ее видные журналисты. Хозяева приветливы. Разговор сначала носит чисто профессиональный характер; мы стремимся определить, кто же организует весь полученный материал, дает ему направление. Ведь «Таймс» выражает какое-то мнение.

Помедлив, г-н Дрейфус отвечает:

- Мы печатаем все новости, как бы каждая из них ни исключала одна другую.
- А передовая? – спрашивает Полторацкий. – Какие-то

основные политические статьи?

Г-н Дрейфус, мягко и очень доверительно улыбаясь, говорит, что, конечно, есть «некоторое число лиц», занимающихся этим.

Кто «эти лица», каковы их взгляды, кто им дает советы, мы не узнавали. Чувствовалось, что этот вопрос слишком деликатен.

Там же, в «Таймсе», за столом разговор касался и международных проблем, правда в очень общем, созерцательном плане.

Лица некоторых господ, принимавших нас, как бы говорили: «Мы хотели бы, чтобы все было по-старому. Да, многие из нас писали о пушках и бомбах, раздувая «холодную войну». Но падают тиражи, и читатель, как ни стараются его обработать, уже больше не хочет «холодной войны». Что же, дескать, делать? Приходится считаться».

Наша беседа закончилась поздно. Спустились в типографию. В ней довольно старое оборудование, послужившие на своем веку машины. Но дело поставлено организованно, нет задержек в выпуске газеты, хотя каждый номер в несколько десятков страниц.

Конечно, подавляющее место в этой газете, как и в других, занимают реклама и фотоснимки, сенсационные истории об убийствах, разводах, похищениях – так называемая полицейская хроника. К примеру, в дни Совещания министров иностранных дел в Женеве нью-йоркские газеты уде-

ляли ему иной раз пятьдесят-сто строк, тогда как описание авиационной катастрофы, виновником которой был человек, подложивший бомбу в чемодан матери, с тем чтобы получить страховку в несколько десятков тысяч долларов, занимало целую страницу.

Из редакции «Таймс» возвращались в отель пешком. Теплый, совсем летний вечер. Моросил мелкий, как тончайшая пыль, дождик. Чуть тише на улицах: люди – дома. Катят сверкающие, умытые дождем машины.

В гостинице мы нашли письма и телеграммы с приветствиями и пожеланиями успеха делегации. Писали студенты, врачи, фермеры, рабочие. Невольно вспомнился первый вопрос, которым встретили нас американские журналисты: жив ли «дух Женевы»? Вместе с нами отвечали теперь многие простые люди Америки. В их теплых и добрых словах отчетливо слышалось: «Дух Женевы» не умер и не умрет. Он в сердцах простых людей Соединенных Штатов Америки, он согревает человека великой надеждой».

Позвонил г-н Глен и предупредил, что завтра ранний подъем. Начинать новый день нам предстояло с визита на Уолл-стрит...

Прежде чем отправиться на биржу Уолл-стрита, я расскажу две небольшие истории. Одна из них настоящая, другую придумали сценаристы и режиссеры, заставили артистов сыграть ее и сняли на цветную пленку.

В зале кинотеатра гаснет свет, и мы видим:

Маленький городок, растущий как гриб. В нем нашли нефть. Идет вторая мировая война. Городок проезжает хорошенькая девушка Люси Галан. Что-то случилось на железной дороге, и она вынуждена временно остаться здесь. Люси помогает устроиться на ночлег молодой фермер, который с первого взгляда влюбляется в нее. Наутро она выходит прогуляться и видит, что ее модные туалеты (они, конечно, не очень дорогие, но столичные) вызывают всеобщее восхищение горожанок. Не раздумывая, Люси продает часть запасов своего туалета, и к вечеру у нее в руках пять тысяч долларов.

Все идет, как говорят американцы, о'кэй. Две-три удачные сделки, и вместо пяти тысяч на руках у Люси уже сотни тысяч долларов. Немножко любовных недомолвок, один грандиозный пожар (без «сильных ощущений» картина может не пользоваться успехом), и по воле авторов кинокартины Люси и ее ухажер вскоре становятся миллионерами, а потом мужем и женой.

История превращения г-жи Энн в богатую, властную женщину не так коротка и легка, как в описанном кинофильме. Эту историю рассказал мне начинающий коммерсант по продаже перца и, видимо, близкий г-же Энн человек.

Лет пятнадцать назад она открыла посредническую контору по найму на работу секретарей, телефонисток и стенографисток. С каждой за «услуги» по пять-десять долларов – был ее закон. Вскоре хозяева, у которых случались вакантные места для этих профессий, перестали принимать к се-

бе кого бы то ни было без конторы г-жи Энн. Почему? Потому, что девушки и молодые женщины «обрабатывались» там самым жестоким способом. Хозяевам ничего не надо было узнавать о будущем работнике, спорить из-за оплаты или других условий.

Они снимали трубку и коротко бросали сначала г-же Энн, а потом уже ее служащим:

– Блондинку, двадцать лет, пятьдесят долларов в неделю, незамужнюю...

И сделка совершалась.

И так год за годом, невзирая на то, что перед ней проходили люди с горем, с желанием получить немного больше на жизнь. Г-жа Энн перекрашивала брюнеток в блондинок и наоборот, в зависимости от спроса, и все повышала и повышала оплату за свои «услуги». Теперь она богатый человек. За каждым долларом ее состояния судьбы, слезы и разочарования, о которых г-жа Энн, конечно, не думает и о которых она не расскажет вам. Но не все так просто и весело, как в кинофильме о Люси Галан.

Дом г-жи Энн, когда мы вошли туда, показался нежилым. В нем двадцать или пятнадцать комнат, дорогие безделушки, камин в бронзе и мраморе. Хозяйка, медлительная и какая-то безразличная по манере женщина, показала нам подаренные ей лыжи. Лыжи как лыжи, и мы, повертев их ради приличия в руках, поставили в угол. Г-жа Энн, видимо, удивилась нашему безразличию. Она вновь взяла лыжи и за-

явила, что они стоят четыреста тридцать два доллара. Деньги это большие: иной американец зарабатывает столько за полтора, а то и за два месяца. Нам оставалось узнать, как долго и успешно ли занимается г-жа Энн лыжным спортом.

– Я буду учиться этой зимой, – ответила она. – Может быть, я не стала бы этого делать, если бы дерево, – она стукнула лыжами одной о другую, – не стоило таких денег.

Но я пишу об этом не потому, что мне хочется обидеть торговца перцем Джона Ричи, который познакомил нас с г-жой Энн в Сан-Франциско. Мы настолько по-разному смотрим на жизнь, что нам не стоит сейчас спорить, доказывая преимущества своих воззрений, поскольку переубедить друг друга невозможно. Я вспомнил об этом потому, что во время нашего визита на Уолл-стрит нам хотели объяснить всю сложную и путаную механику биржевой игры именно так, как это сделали постановщики фильма о Люси Галан, – легко и наивно.

Если улицы и площади Нью-Йорка кажутся прорубленными в скалах, Уолл-стрит – самое узкое «ущелье» в городе. Огромные дома стоят друг против друга метрах в восьми-двенадцати. Темно-серые фасады их призваны подчеркивать могущество финансового центра. Было солнечное утро, когда мы приехали на Уолл-стрит, но все же снимки пришлось делать с довольно большой выдержкой: солнцу не пробиться на эту улицу.

Нас принимают мистер Фунстон, президент Нью-Йорк-

ской биржи, и мистер Смит – также крупнейший финансовый делец города. Нам рассказывают о миллионах, которыми ворочают биржа Фунстона и маклерский дом Смита. Хозяева упирают на то, что большое количество акций держат мелкие предприниматели. Когда мы спросили, каким капиталом обладают мелкие держатели акций, нам ответили, что дело это секретное. Догадываемся, что вовсе не они контролируют деятельность компаний. В дни нашего пребывания в Нью-Йорке произошло серьезное падение акций ряда компаний. Мистер Фунстон сказал, что положение улучшилось, но не совсем:

– Наш дом существует вот уже сто шестьдесят три года, и его столько раз трясло...

Но он тут же добавляет, что в этом-то и суть «свободного предпринимательства». На вопрос, в интересах ли Америки широкая торговля на равных условиях со всеми странами, мистер Фунстон отвечает утвердительно. Но, видимо, боясь чего-то, начинает долгое повествование о «специфике» развития капитала и торговли в Америке. В его рассказе нет ни слова о прибылях фирм, производящих вооружение, о баснословных прибылях пушечных и авиационных магнатов. Фунстон всеми силами упирается и никак не хочет сознаться в том, что именно военный психоз, гонка вооружений наруку миллионерам и архимиллионерам.

Мы приводим ему несколько общеизвестных примеров. Он прячет глаза и по третьему разу подряд начинает угощать

всех сигаретами.

– Господа, через час на бирже перерыв...

Чтобы не продолжать опасный разговор, нас быстро проводят в центральный зал биржи. Прелюбопытное и какое-то отталкивающее зрелище! В огромном, высоченном зале, стены которого из серого мрамора, шумят, куда-то бегут, кричат, свистят человек пятьсот. Это маклеры – люди, чьими руками и производится биржевая игра. Так и думается: сейчас кто-нибудь крикнет в зале: «Держите его!..»

За полукруглыми и квадратными загородками сидят служащие биржи, кассиры. По стенам непрерывно вспыхивают названия компаний – стальных, нефтяных, банановых и всяких иных – и стоимость одной акции в настоящий момент. Г-жа Энн сидит дома, она отдает распоряжения по телефону в маклерский дом Смита, а его работники уже толкуются на бирже Фунстона. Тысячи счетных аппаратов, телетайпов, радиостанций включены в дело. При нас пошли вверх какие-то акции; раздались дружный свист и хохот. На черной доске появились номера маклеров: по приказу хозяев они должны были именно сейчас либо покупать, либо продавать акции.

Виденное трудно сравнить с чем-нибудь привычным. Мы стояли на высоком балкончике зала; и мне почему-то все напоминало палубу парохода, который наткнулся на мель, и перепуганные, ошалевшие пассажиры суетятся, чтобы раскатать и столкнуть его на глубокую воду.

Огромная армия людей участвует в финансовых сделках.

Только маклерский дом г-на Смита имеет сто шестнадцать контор. Через его кабинеты проходит три миллиона акций в день. Работают в доме пять тысяч четыреста человек – они, так сказать, технические исполнители воли хозяев. Кроме того, масса счетных машин – иные из них заменяют до сотни человек – стрекочет, пишет, считает тут же.

– Видите, как делают деньги? – сказал мне лысый, с бегающими глазками маклер.

Я ответил, что вижу, но не понимаю.

– Да, это секрет производства, – продолжал маклер. – Игра, страсть, риск...

Он с гордостью сообщает мне, что место маклера стоит теперь восемьдесят восемь тысяч долларов.

– И вы заплатили их сами?

– Нет, деньги внес господин Смит.

– Вы точно обязаны выполнять его приказы?

– Да!

– Ну, а если сделка грозит катастрофой как раз мелким держателям акций? Что тогда?..

– Я объясню вам, если хотите, кое-что откровенно, – доверительно сообщает маклер, – но... не для печати.

Понимаю, что он не откроет мне истинного смысла того, «как делают деньги» на бирже. Но все-таки мысленно ставлю на стол «черную кошку» – знак молчания.

ШУМИТ НОЧНОЙ БРОДВЕЙ

Прошло три дня нашей нью-йоркской жизни, и мы почувствовали себя увереннее: не блуждали по длинным коридорам отеля «Волдорф Астория», отыскивая свои номера, научились быстро отличать четвертьдолларовую монету от полдолларовой, а пять центов от десяти. «Мелочи» заграничной жизни, а их значительно больше, чем я только что назвал, стали действительно мелочами, и даже те, кто не знал по-английски ни слова, сами отправлялись на завтрак, за покупкой сигарет, открыток, марок и т. п. В обиходе мы заменили кое-какие названия русскими. К примеру, сигареты «Филипп Морис» были переименованы в «Беломорис». Больше того, «безъязыкие» овладели даже некоторыми элементарными американскими выражениями.

– Вы не бывали на Бродвее? – услышали мы уже на следующий день после приезда. – О, вы еще не бывали на Бродвее, – и в голосе нью-йоркского журналиста послышалось удивление. – Нью-Йорк – это Бродвей, а Бродвей – это Нью-Йорк.

И мы поняли: надо непременно побывать на знаменитой улице.

Район Нью-Йорка Манхеттен расположен на узеньком каменистом островке того же названия. Островок омывают воды рек Гудзона, Ист-Ривера и Гарлема. Собственно говоря,

рекой является только Гудзон, Ист-Ривер – суженная часть морского пролива, а Гарлем – лишь проток из Гудзона в этот пролив. Берега Гудзона сплошь застроены портовыми сооружениями, причалами, складами. Бродвей, главная улица Нью-Йорка, перечеркивает Манхеттен с севера на юг, можно сказать, по диагонали. Это одна из немногих улиц города, имеющих название. Большинство других значатся лишь под номерами. В переводе с английского Бродвей – широкий путь. Но улица не во всех своих частях широка, так же как не равноценны по своим архитектурным достоинствам и здания Бродвея. Встречаются здесь и помпезные подражания стилям прошлого и «сверхсовременные» постройки, где сплетены в причудливый клубок бетон, стекло и металл. Я уже говорил, что днем Бродвей – серая, невзрачная улица.

На Бродвее расположено много различных контор, редакций газет, выходит на Бродвей и Колумбийский университет, о котором я сейчас расскажу. Но знаменита улица другим. Кино, театры, ночные клубы, рестораны, отели, магазины, где товары несут на себе «наценку модной улицы», – вот что определяет ее лицо. Днем по Бродвею движется деловой народ, и тогда толпа обычна: серые, бежевые костюмы, пыльники и макинтоши у мужчин, светлые, не кричащие тона нарядов у женщин. В эти часы Бродвей ничем не отличается от сотен других улиц Нью-Йорка.

Именно в такое деловое время мы отправились по Бродвею в Колумбийский университет. Возле университета, в

маленьком скверике, обнесенном чугунной литой решеткой, возились в песке малыши. Солнце пригревало. Мамы сидели тут же на скамеечках и вели родительские разговоры. До встречи с преподавателями университета оставалось минут двадцать, и мы тоже присели в скверике. Сначала мамы не обратили на нас никакого внимания.

– Мой мальчик пролил вчера кофе отцу на брюки.

– Они обязательно портят вещи в этом возрасте, особенно у отцов.

– Понятно: папы разрешают им всегда больше.

– Слышали? У Бруксов родилась еще девочка.

– Пока Брукс поймает хоть одного мальчишку, он наделает дюжину невест.

– Они все останутся старыми девами, у отца нет ни гроша в запасе.

– Он надеется на Джо.

– О, Джо пропал в этой своей Канаде, как травинка в ворохе сена.

– А потом, хоть он и брат, девочки – не его забота.

– Бруксы живут дружно...

Женщины, которые вели этот диалог со скоростью хорошего ветра, засмеялись, услышав последнюю фразу. Тут они оглянулись и увидели нас.

Разговор оборвался, но ненадолго. Через минуту, узнав, что перед ними советские журналисты, женщины успешно возобновили словесную перестрелку...

– Вы можете сфотографировать мою пару.

– А у вас рождаются больше беленькие или шатены?

– Говорят, все русские голубоглазые блондины.

– Вы приехали в университет?

– О, конечно, куда же еще их пригласят!

– Нас туда не зовут.

– Пусть Брукс поместит своих дочерей в Колумбию. Они станут образованными.

Самая бойкая из мам показала, как будут выглядеть образованные дочери неизвестного нам Брукса. И я почувствовал, хотя стены старой Колумбии стояли всего в двадцати метрах от скверика, – женщинам университет казался таким же далеким и недосыгаемым, как Марс летчикам современных самолетов.

Не желая опаздывать, мы двинулись в университет. Принимали делегацию несколько десятков преподавателей и профессоров. Колумбийский университет – громадное учебное заведение. В нем занимается около шестнадцати тысяч студентов. Естественно, что мы не могли за короткое время серьезно ознакомиться с постановкой научной работы и со студенческой жизнью. Как в этом, так и в других университетах нам предоставляли возможность говорить лишь с преподавателями, профессорами, и мы почти не видели учащихся.

Мы узнали, что Колумбийский университет считается одним из самых модных американских вузов. Только учение обходится студенту в тысячу – тысячу двести и даже боль-

ше долларов в год. Здесь за все приходится платить: за лекции, за то, что преподаватель просмотрел чертежи, за то, что профессор принял экзамен. Стипендии получают далеко не все студенты и даже далеко не половина студентов; причем стипендии чаще всего назначаются различными общественными, частными организациями, и они невелики. Конечно, Бруксу не по карману учить здесь хотя бы одну из своих дочерей.

Русский институт, гостями которого мы были, подготавливает специалистов по «русскому вопросу» главным образом для государственных учреждений. Трудно судить о том, насколько серьезные и глубокие знания получают студенты по русской истории, литературе, праву, насколько глубоко и объективно здесь изучают жизнь Советского Союза. Мы чувствовали известный интерес к нашей стране, но вот, например, короткая беседа, которая произошла у меня с одним из специалистов по советскому праву.

– Скажите, когда начинают записывать детей в пионеры?

Я ответил, что каждый школьник сам вступает в пионеры, если он того хочет.

– Ах, да, простите, с пионерами я, кажется, ошибся. Это у вас при получении паспорта записывают в комсомол...

Я понимал, что не просто убедить собеседника, но все-таки рассказал ему о том, как работают, по какому принципу строятся пионерская, и комсомольская организации. Он выслушал меня и ответил, «что примет во внимание наш раз-

говор».

Однако с целиной я никак и ни в чем не смог поколебать «убеждения» профессора университета.

– Простите, мы, американцы, тоже располагаем известным опытом освоения земли, – говорит он. – Например, наши золотоискатели. Но они не покидали насиженных мест. У них не было ничего, и они шли взять все.

Профессор откинул одну руку за спину, а другой делал широкие, несколько театральные жесты.

– Объективно, жизненно, психологически оправданно. А у вас? Я бы понял, если бы им дали землю в частную собственность, но они едут пахать ее кому-то...

Я перебил велеречивого профессора:

– Не кому-то, а себе же. Земля у нас принадлежит народу, так записано в нашей Конституции.

– Положим, – согласился профессор. – Но какой резон человеку от хорошего лезть в плохое?

– Есть чувство долга.

– Я не думаю, что с этим чувством можно сделать очень много.

– Конечно, не все. Но если есть техника, силы государства, поддержка народа. Ведь то же самое говорили о советских людях, когда они начали строить Магнитку и Турксиб, Московское метро и Караганду!

Но профессор сделал вид, что он уже ничего не слышит, а я понял, что бесполезно спорить с ним, и мы оба замолчали.

И здесь я не могу не вспомнить наш последующий визит в Калифорнийский университет, где нас также принимали только профессора и преподаватели. Всех нас крайне удивило, что в Калифорнийском университете считается одним из главных «специалистов» по русской советской литературе Глеб Струве – сын небезызвестного предателя Петра Струве. Этот сухонький человек пытался испортить нашу встречу с профессорами. Он не молчал ни минуты, все время источал потоки желчи. На страницах американских газет и журналов «спец» выступает с лживыми и одиозными статьями, которые насквозь проникнуты ненавистью ко всему русскому.

Перед нашим приездом в известном своими антисоветскими статейками журнале «Тайм» Глеб Струве опубликовал развязное и наглое «заявление» о том, что, дескать, в Советской стране не уважают... Чехова. Он обнаружил, что среди опубликованных чеховских писем нет двух-трех малоизвестных, незначительных записок Чехова. Бия себя в грудь, Струве завопил: «Каравул, не печатают Чехова!» Этот «спец» ни словом не обмолвился, что как только было закончено печатание двадцатитомного полного собрания сочинений писателя, начало издаваться новое, что в нашей стране не только русские, советские писатели, но и западные литераторы, в том числе и американские, издаются огромными, невиданными ни для какого другого государства тиражами. Но «профессор» Струве «зарабатывает» хлеб предателя. И жалко нам не его, а тех американских парней и девушек, ко-

которые вынуждены глотать подобную стряпню и делать выводы о советской жизни на ее основании.

Борис Полевой все никак не мог отвязаться от прилипчивого Струве. Наконец он сказал ему:

– Вы разбираетесь в советской литературе, как евнух в вопросах любви.

Струве икнул от злости и замолчал. На следующий день появилось его интервью в газетах. Между прочим, там было сказано, что он (Струве) не удовлетворен ответом Полевого.

После беседы с преподавателями русского института мы попросили познакомить нас с деятельностью факультета журналистики Колумбийского университета. Прошли зеленым бульваром, или, вернее, парком, в котором и расположены невысокие, трех-четырёхэтажные корпуса университета. На дорожках парка шли занятия по военной подготовке. Несколько групп студентов обучались шагистике. Поднялись на этаж, где находится факультет журналистики. Декан г-н Акерман рассказывает нам о факультете.

Как выяснилось, учение здесь вместе с пансионом обходится в две тысячи долларов в год, и мы снова вспомнили про себя о дочерях Брукса.

Зато дети богатых родителей получают всестороннюю и солидную подготовку. Срок обучения на факультете всего один год. Студент прежде получает высшее гуманитарное образование в этом же университете и уже затем подает заявление с просьбой принять его на факультет журналистики.

Таким образом, как выразился г-н Акерман, Колумбийский университет предпочитает академической подготовке журналистов профессиональную, с резко выраженной специализацией.

Здесь готовятся журналисты-международники, спортивные обозреватели, специалисты по промышленности, по полицейским новостям, радиообозреватели, работники телевидения.

Интересна система приема студентов. Кроме обычных экзаменов, студент пишет литературное сочинение на избранную тему. Это сочинение направляется опытным журналистам для оценки. Кроме того, поступающий обязан представлять рекомендации двух-трех видных журналистов.

В дни учения будущие репортеры работают с опытными корреспондентами. В небольшой типографии университета они подробно изучают типографское дело, сотрудничают в небольших газетах Нью-Йорка, приобретают навыки выпуска газет. Они серьезно занимаются стенографией, машинописью, фотографией.

Во время беседы г-н Акерман показал нам несколько номеров выпущенных студентами газет, учебные страницы, подготовленные в университетской типографии.

...На Бродвее мы очутились уже под вечер, когда улица резко меняет внешний вид и не узнаешь даже тех мест, где был днем. Передохнув в гостинице, решили посмотреть ночной Бродвей.

В часы, когда по всей улице вспыхивают огни, зажигаются фары автомобилей, подвозящих богатых бездельников к подъездам увеселительных заведений, и раскрывается подлинное лицо Бродвея. Сверху льются потоки света: красного, зеленого, золотого, синего. Шуршат тугие шины «кадиллаков» и «линкольнов». Дамы в роскошных туалетах приезжают «коротать» ночь за столиком ресторана. Разносчики вечерних газет увлекают покупателей сенсационными новостями:

– Последние дни личной жизни Гитлера! Достоверный рассказ его слуги!

– Трумен публикует свои мемуары!

– Гангстер Питер найден мертвым в номере отеля!

Все смешивается воедино, создавая мятущуюся, пеструю картину, и вы не можете уловить никакой подробности, будто только что сошли с лихой карусели и земля все еще вертится перед вашими глазами.

Вы стоите на углу Бродвея, видите, как в несколько рядов несутся перед вами люди, автомобили, и какой-то особый, свойственный именно Бродвею гомон царит над всем: это шумит ночной Бродвей, главная улица города «Желтого Дьявола», ненасытная, дорогая, поглощающая за несколько часов своего ночного сияния тысячи и тысячи зеленых долларовых бумажек из тугих кошельков преуспевающей публики.

Мы посетили лишь один театр на Бродвее, который назы-

вается «Музыкальная шкатулка». Шла современная американская пьеса под названием «Остановка автобуса». Театр был полон.

Мы не разочаровались, что побывали именно в этом театре, хотя он далеко не самый модный. Мы знали, что много на Бродвее дешевых, кричащих постановок. С афиш кинотеатров смотрят на вас лица перепуганных героев с пистолетами в руках. На сценах ночных клубов идут ревью, где немного подлинного искусства, а больше порнографии.

Правда, в Нью-Йорке принят закон, по которому артисты не имеют права выступать в «костюме Адама и Евы», но прозрачные нейлоновые сеточки мало что изменяют. Таким «искусством» и пытается сделать свою славу Бродвей.

Спектакль, который смотрели мы, несколько отличался в лучшую сторону. Шла, может быть, чуть-чуть безысходная и грустная пьеса о любви. Любят друг друга содержательница небольшого ресторанчика и шофер автобуса, ковбой и актриса варьете. Беспросветно пьет доктор, который видит, что жизнь вокруг него скучна, а люди с их страстями уже не волнуют его. Правда, для того чтобы пьеса «имела сборы», доктор ко всему еще старый ловелас и соблазнитель молодых девушек. Выручала спектакль довольно реалистичная, с хорошим вкусом сыгранная актрисой Ким Стенли главная роль. В пьесе все кончается благополучно. Все, кому положено, женятся, и только пьянчужка и развратник доктор под занавес, в конце спектакля, говорит, что он уходит потому,

что все осталось попрежнему, и вечером он заглянет снова, чтобы выпить свой стаканчик вина с молоденькой девицей.

После спектакля мы прошли за кулисы и поблагодарили г-жу Ким Стенли за интересную и талантливую игру. Она сказала нам, что старается держать себя на сцене в духе системы Станиславского и что, пожалуй, самой большой ее мечтой был бы визит в Советскую страну и встречи с нашими артистами и режиссерами.

Ким Стенли задумалась на секунду и сказала:

– Искусство призвано возвышать человека, и я думаю, что это в нем главное.

Мы попрощались. Придя в номер, я решил еще раз перечитать программу спектакля. Только тут я заметил, что большими буквами в ней было написано: «В случае воздушного нападения все зрители обязаны остаться на своих местах и выполнять указания комиссара по гражданской обороне...»

Что это? Я перевернул страницу в надежде, что, быть может, программа была опубликована еще в годы второй мировой войны? Но нет, она выпущена только что, и на ее пятидесяти страницах рекламировались автомобили 1956 года.

Фраза в программе не продиктована заботой о горожанах. Ничьи самолеты не угрожают Америке, и это хорошо понимают сами американцы. Но есть в Соединенных Штатах люди, которые делают бизнес на военном психозе. Им непременно хочется испортить человеку настроение даже в те часы, когда шумит ночной Бродвей.

ВОЙНИЧ ЖИВЕТ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Делегация уже собралась отправиться из Нью-Йорка в путь по большому маршруту, как вдруг нам сказали: с советскими журналистами хочет встретиться Этель Лилиан Войнич, автор «Овода» – романа, который вот уже десятки лет волнует каждого своей неувядающей молодостью. Как ни велико было наше желание немедленно двинуться к г-же Войнич, сделать это оказалось невозможным: «железная» программа путешествия не предусматривала и лишнего часа. Мы поехали в Кливленд, твердо решив на обратном пути поглядеть г-жу Войнич.

Я еще вернусь к описанию поездки по Америке, но сейчас, забегаая вперед, расскажу о нашем визите.

Каждому понятно волнение, с которым мы двинулись на дальнюю, двадцать четвертую улицу Манхеттена, чтобы увидеть Войнич: когда мы были дома, в Москве, это казалось сказкой. Последние годы о ней не было ни одного точного известия, кроме того, впрочем самого важного, что лет двадцать тому назад, уже в семидесятилетнем возрасте, Войнич из Англии выехала в Америку. Но где она живет в Америке, да и жива ли она вообще – этого мы не знали. Правда, перед нашим отъездом в США одна из настойчивых и упорных исследователей творчества Войнич, Евгения Александровна Таратута, дала нам множество ценных советов, но обна-

ружить Войнич в Нью-Йорке сложно – город велик, и сами мы этого сделать за короткое время, конечно, не сумели бы. Случай помог найти адрес г-жи Войнич.

Один из советских работников Организации Объединенных Наций, товарищ Борисов, занимается английским языком с англичанкой, работницей ООН, которая учится у него русскому языку. Во время занятия русским языком товарищ Борисов попросил свою ученицу прочесть статью, опубликованную в апрельском номере журнала «Огонек» за 1955 год. Эта статья была о романе «Овод» и его авторе. Ученица выполнила задание учителя и, закончив чтение, сказала: «Я знаю эту женщину. Она живет в доме неподалеку от меня».

Товарищ Борисов побывал у г-жи Войнич; через него она и передала нам свое приглашение.

Вернувшись в Нью-Йорк, мы поехали к ней. Но прежде чем рассказать о встрече с г-жой Войнич, приведу содержание одного телефонного разговора. В номер гостиницы, где мы жили, позвонила г-жа Кропоткина, дочь известного русского анархиста П. А. Кропоткина. Незадолго перед этим она беседовала с Борисом Полевым, и он сказал ей, что мы собираемся непременно побывать у г-жи Войнич. Полевого на этот раз не было в номере, отвечал по телефону я.

– А что, милый друг, – Кропоткина говорила медленно, чуть в нос, – Полевой сказал, что этот роман Войнич, был у нее такой «Gadfly», – как это по-русски? – ну, муха, которая кусается, еще у вас печатается?

Я ответил, что «Овод» издается в нашей стране сотнями тысяч экземпляров, а недавно по роману сделана цветная кинокартина.

Г-жа Кропоткина замолчала. Видно, ответ очень удивил ее. После длинной паузы она продолжала:

– Это... невероятно: сотни тысяч книг! Фильм!.. Это невероятно! Но ведь книгу эту давно забыли?! – И в голосе Кропоткиной послышалось сомнение.

Я не согласился с г-жой Кропоткиной и ответил, что роман Войнич не забыт. Распрощались. Мне подумалось, что не потому ли год за годом прятали в иных странах «Овода» на дальние полки библиотек, вычеркивали имя его автора из энциклопедий и литературных справочников, что были люди, которые боялись силы духа этой книги и не могли вступить с нею в открытый спор? Ведь именно к таким жалким людям относятся полные горькой иронии и гнева слова Артура: «Правда – собака, которую надо держать на цепи...»

Ранним утром 17 ноября мы отправляемся к г-же Войнич. В этот день в Нью-Йорке было очень холодно, и прохожие, видимо не привыкшие к такому резкому понижению температуры, кутались в плащи, заматывали шею толстыми цветными шарфами. Мы взяли такси и поехали вглубь Манхеттена. В этой его части нет высоких и красивых зданий, нет небоскребов, которые производят такое величественное впечатление. Двадцать четвертая улица не так богата, как другие: прокопченные и невзрачные дома стоят плотно друг

к другу, будто не хотят уступить улице ни метра свободной площади. Черные проржавленные решетки запасных пожарных лестниц корявыми линиями карабкаются прямо по фасадам с этажа на этаж. Резкий осенний ветер подхватывает клочки бумаги, мусор, и тогда прохожие отворачиваются, чтобы спасти свои глаза. Мы сошли с машины и отправились искать нужный дом. Наконец нашли его. Огромный, красный, одной своей стороной выпирающий на небольшую площадь, он производил странное впечатление: вначале мы подумали даже, что это не жилой дом. Но в парадном было уютно. Поднялись на семнадцатый этаж. Позвонили. Дверь открыла пожилая женщина с зачесанными назад темными, чуть тронутыми сединой волосами. Это была г-жа Нил, компаньонка, вместе с которой и живет Этель Лилиан Войнич. Пройли в маленькую переднюю без света. Г-жа Мил предупредила, что Войнич еще отдыхает и она просит нас несколько минут подождать ее.

Осторожно, чтобы не шуметь, мы сняли свои пальто и прошли в небольшую, но светлую комнату. В комнате стояли квадратный стол, диван и буфет. В углу, у окна, мягкое старое кресло, которое говорило, что в нем много лет в привычной и удобной позе сидит один и тот же человек. Несколько литографий на стенах – вот почти и все убранство комнаты. Мы присели. Каждый из нас волновался в эти минуты, как волнуешься, когда неожиданно встречаешься с человеком, которого никогда не видел, но о котором у тебя существует

именно тобой созданное определенное мнение.

В минуты, пока мы ждали появления Войнич, мелькали в голове сцены из романа. Но теперь, в этой комнате, казалось, что ты увидишь не писательницу, а товарища и друга Артура, Джеммы – человека, который разговаривал с ними, знал их дела, смеялся и страдал с ними...

Помните, как умирает Овод – смеющийся и дерзкий, окруженный врагами, но сам отдающий им команду на свой расстрел? Помните, как после первого, потом второго залпа он упал, обливаясь кровью, и враги с ужасом и облегчением сказали: «Слава богу, он умер...»? И мы сидели и ждали друга Овода, человека, который силой таланта, страстью борца подарил его мысли и сердце миллионам людей.

Не знаю, как другим, но мне всегда казалось, что Войнич жила именно в то время, о котором писала в «Оводе», хотя известно, что роман ее вышел в 1897 году, а события, в нем переданные, отстоят от этой даты более чем на шестьдесят лет. И, конечно, в этих обстоятельствах вполне справедлив поиск тех более близких писательнице картин жизни, которые помогли ей так живо нарисовать бурные дни деятельности тайного общества «Молодая Италия».

Этель Лилиан Войнич сейчас девяносто один год. Какая огромная жизнь позади у нее!..

Англичанка по происхождению, Этель Буль была дочерью профессора математики в Лондоне. В конце прошлого столетия Лондон стал местом пристанища многих политиче-

ских эмигрантов. Спасаясь от преследований царского правительства, сюда бежал польский революционер-литератор Войнич. Этель Буль стала его женой. Она посвятила и свою жизнь революционному делу. В молодости, когда крепи ее убеждения, Войнич была в России, хорошо знала передовых русских людей того времени, знала многих народовольцев, работала с ними, была в дружеских отношениях со Степняком-Кравчинским – одним из видных деятелей «Земли и воли».

Г-жа Нил рассказала о том, как они живут с Войнич, и о непередаваемом волнении, с каким ее хорошая и добрая приятельница отнеслась к приезду советских журналистов в Нью-Йорк.

– Вы знаете, когда господин Борисов сказал госпоже Войнич, что ее до сих пор хорошо знают и любят в вашей стране, она в тот день долго не могла заснуть и все повторяла мне: «Я же тебе говорила о России. Они не могли перестать читать мою книгу!»

Наконец в комнату вошла Войнич. Повинуясь какому-то внутреннему толчку, все мы встали и молча смотрели на небольшую сухонькую женщину, которая стояла перед нами. Серебристые, блестящие, как примороженный после таяния снег, волосы четко обрамляли ее голову. Лицо было спокойным, а серые светлые глаза внимательно оглядывали нас. Она была в простой юбке из очень недорогой ткани, в голубой кофточке. На плечах ее был черный вязаный пла-

точек. Двигалась она по комнате с помощью желтой деревянной тросточки. Но тросточка казалась ненужной: Войнич держалась бодро.

Она присела к столу. Мы передали ей самые нежные и самые большие приветы от всех, кто любит и ценит ее замечательную книгу. Постепенно мы разговорились. Да, да, именно все мы разговорились! И те, кто знал английский язык, и те, кто не знал его совершенно, свободно могли говорить с ней, потому что в комнате звучала тихая, спокойная русская речь. Войнич говорила по-русски, хотя уехала она из России более шестидесяти лет назад! Иногда, правда, г-жа Войнич забывала какое-нибудь русское слово, но через несколько секунд обязательно вспоминала его.

Войнич показала нам свои снимки. Они были сделаны в восьмидесятих годах, когда она жила в России. Совсем не напрягая памяти – чувствовалось, что это было ей легко, – она рассказывала о своей любви к тем замечательным людям, с которыми была знакома в России. Мы спросили, кто явился прообразом Артура?

Войнич задумалась.

– Сейчас, во время такой короткой беседы, мне бы не хотелось говорить все сразу и определенно. Очень трудно писателю сказать кому-нибудь, как приходит к нему образ и как рождается у него книга. И если бы я старалась объяснить все в нескольких словах, я бы сказала неправду.

Войнич помолчала.

– В молодости я была в Париже и увидела в Лувре портрет итальянского юноши шестнадцатого века. Я стояла перед ним очень долго, уходила от этого портрета и вновь возвращалась. И в тот день дома я начала писать. Но ведь, конечно, дело не только в портрете...

Г-жа Войнич развела руки и стала теревить тонкими высухшими пальцами узелки платка. А мы невольно взглянули на стену и увидели там копию портрета этого юноши. Тонкие черты лица, чуть страдальческий, но волевой разлет бровей, плотно сжатые губы, высокий лоб и широко расставленные умные глаза делали его действительно похожим на Артура.

– Я лучше скажу вам, – продолжала г-жа Войнич, – кто помог мне стать писательницей. Вы, конечно, знаете Степняка-Кравчинского? – улыбнулась она. Потом медленно и тепло сказала: – Когда-то мы, молодые, звали его «опекуном».

Г-жа Войнич попросила свою компаньонку принести какое-то письмо. Она взяла очки, пробежала его, а потом показала нам пожелтевшую уже от времени, но сохранившую твердый почерк страничку.

«Ах, Лили, если бы вы знали, как хороши ваши описания природы! – писал Степняк-Кравчинский. – Непременно вы должны попробовать свои силы на писательстве. Кто может двумя-тремя строчками, иногда словом схватить и передать характер природы, тот должен уметь схватить также рельефно и вразумительно характер человека и явления жизни».

Дальше в письме говорилось о том, что, конечно, для это-

го нужно быть и усидчивым и трудолюбивым человеком... и «добрый друг Лили найдет в себе силы».

От романа разговор перекинулся на другую тему. Г-жа Войнич рассказала нам о своих связях с народовольцами. Она была хорошо знакома с народовольцами, жила в квартире вместе с женой одного из них.

Войнич рассказывает, как она носила передачи политическим заключенным.

– Политическим еду разрешали носить только через день; и мы все решили сделать так, чтобы ежедневно передавать им посылочки из дому. В это время я читала лекции по английскому языку одной генеральше, которая, может быть, немного сочувствовала нам. Она через мужа добилась разрешения, и я стала ходить в тюрьму каждый день.

Г-жа Войнич неожиданно достает листок бумаги:

– Вот видите, так примерно выглядела тюрьма на Шпалерной. Здесь располагались политические, а здесь – уголовные, – чертит она. – И когда я в день посещения уголовных преступников ходила в тюрьму, мне бывало очень страшно, потому что приходилось ждать надзирателя, иногда по пять-семь часов, а уголовные выйдут на прогулку и начинают привязываться.

Надзиратель был очень милый старичок. Он часто защищал меня от нападков уголовных. Да что говорить, все тогда – и я и другие – многое сносили ради общего товарищеского дела.

Мы рассказываем г-же Войнич о колоссальном, непрекращающемся интересе к ее прекрасному произведению. Глаза старой женщины светятся мягким благодарным светом. Хочется побыть с ней еще много, много времени, расспросить ее о важных подробностях, но годы г-жи Войнич останавливают нас. Чувствуется, что она уже немного устала. Я обращаюсь к ней с просьбой написать несколько слов для нашей советской молодежи. Под рукой не оказывается бумаги, и я предлагаю ей свой блокнот. Г-жа Войнич находит в нем чистую страницу. Мы ждем. И на листке бумаги уверенной рукой она выводит слова: «Всем детям Советского Союза – прекрасного будущего в мире Мира, – и подписывается: – Войнич, 17 ноября, Нью-Йорк».

Выходим на улицу, и хотя так же дует ветер, мы не чувствуем его злых порывов. Несколько минут идем по тихой и пустынной улице пешком молча. И каждый согревает в душе какие-то свои личные и очень значительные впечатления.

* * *

Когда в нашей печати было рассказано о встрече советских журналистов с г-жой Войнич, в редакции газет и журналов стали приходиться сотни писем от молодых и старых людей со словами приветия и уважения к замечательной женщине, большой писательнице. Из Польши пришло сообщение,

что в Варшаве живет хорошая знакомая Войнич, первая переводчица «Овода» на польский язык.

В письмах читателей были не только приветственные строчки. Многие предлагали написать книгу о жизни Войнич в Америке, использовать ее письма, дневники для создания полной монографии о писательнице. Такая работа ведется. Товарищ Борисов продолжает навещать Войнич, записывать ее рассказы, свои наблюдения, делает копии с документов, которые Войнич ему показывает. Со временем и будет написана книга о человеке, чье имя не забыто в нашей стране, с чьим именем связывают миллионы читателей прекрасные образы сильных и бесстрашных героев.

Много лет живет вдали от родной Англии Этель Лилиан Войнич. Немало испытаний выпало на ее долю. Но они не сломили духа писательницы, и даже сейчас, в глубокой старости, она остается верной высоким идеалам, с которыми начала свою сознательную жизнь.

В ЦЕНТРЕ АМЕРИКИ

НЕ ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА

Поезд, которым мы решили выехать из Нью-Йорка в Кливленд, называется «Двадцатый век». Проводник сказал нам, что экспресс этот особый: за каждую минуту опоздания компания платит пассажиру по пять долларов. Уверенные, что ни на минуту не опоздаем в Кливленд и что нам не предстоит получать «штрафные доллары», мы улеглись спать.

Купе в поезде крохотные, на одного человека. Входишь – и диву даешься: где же тут устроиться? Но проводник объясняет, где нажать один рычаг, другой. Из стен появляются постель, умывальник, шкаф для одежды, обуви.

Ранним утром поезд подходил к Кливленду. Летели вдоль дороги чуть желтеющие поля фасоли. А деревья стояли золотисто-красные. По этому цвету леса октябрь в Америке называют месяцем индейской осени.

Чем ближе к городу, тем больше дымящихся труб, прокопченных заводских зданий. И вот уже поселок сливается с поселком: начался большой Кливленд. Это центр сталелитейной, машиностроительной промышленности, возникшей на удобных водных магистралях Великих озер.

Поезд нырнул в темный станционный тоннель и остано-

вился. Нас встречает группа журналистов. Ко мне подходит молодой человек в сером коротеньком макинтоше, в сдвинутой на затылок шляпе. Он приветливо здоровается, вытаскивает из кармана пачку фотографий. Я узнаю на снимках товарищей по своей редакции, типографию «Правды», виды Москвы.

– Откуда у вас эти снимки? – спрашиваю я.

Оказывается, молодой человек – репортер из газеты «Кливленд пресс» Даниель Бергер. Он был в Советском Союзе, посетил редакцию «Комсомольской правды».

– Мне приятно, – говорит Даниель, – что и советские журналисты приехали в Кливленд. – Он показывает на кончики своих пальцев и выразительно подмигивает: дескать, обошлось без отпечатков...

Кливленд был вторым городом на нашем пути. Всего за тридцать три дня путешествия делегация посетила добрый десяток городов Америки. Мы проехали по стране от Атлантического до Тихого океана, и нам запомнилось, конечно, многое. Но были встречи, которые как-то выделялись из круговорота событий.

В Кливленде подобная памятная встреча произошла у редактора иностранного отдела газеты «Кливленд пресс» мистера Фреда Стербенса.

Кроме мистера Стербенса, его жены, невестки и трехлетнего внука, мы застали в доме друзей хозяина – г-на Андре Маэра и его жену.

Хозяйка просит всех пройти к столу. Мистер Стербенс предупреждает, что у него обычный ужин американской семьи. Стол сервирован просто. Правда, по американскому обычаю, в доме погашен электрический свет и на столе горят тонкие зеленые свечи. Хозяйка вносит кушанья. Но прежде Стербенс читает молитву. Торжественность минуты нарушает внук. Сложив руки, он раскачивается в такт словам деда и что-то бормочет. Молитва окончена... и малыш стучается лбом о стол. При всем уважении к ритуалу все весело смеются.

И, как часто бывает в незнакомом доме, вот такой шаловливый поступок мальчика помогает взрослым освоиться с обстановкой.

Кончился ужин. Мальчуган притащил свои игрушки, полез на колени к одному, другому. Разговор пошел о детях. «Как растут советские ребята?», «Что такое детские сады?», «Назначают туда или родители сами отдают в детский сад ребенка?», «Все ли студенты получают у вас стипендии?», «Могут ли они сами выбрать свою специальность или кто-то заранее назначает выпускника школы в институт?» – очень многое интересует наших хозяев, и в комнате образовалось несколько групп беседующих. Мы стараемся отвечать по мере сил убедительно.

Мистер Стербенс в своих политических взглядах разделяет, как он выразился, «основные аспекты американской внешней политики».

– Но это не мешает нам спорить, не соглашаться друг с другом и в то же время пить кофе, есть американский яблочный пирог, – замечаю я мистери Стербенсу.

– Это так, конечно. И все-таки надо быть с вами осторожными.

– Почему?

– Объясните, – продолжает мистер Стербенс, – зачем вы выпускаете так много инженеров из ваших институтов?

– Но когда мы их выпускали мало, нас спрашивали, почему у нас нет своих инженеров, – отвечаю я мистери Стербенсу.

Стербенс покачивает головой, как бы решая, согласиться ему с ответом или нет. Г-н Маэр громко произносит:

– О да, он, конечно, прав. Я же говорил...

Жена г-на Маэра почувствовала мое удивление. «Сейчас вы все поймете», – отвечают ее глаза.

Г-н Маэр куда-то уходит и возвращается со старенькой, подклеенной во многих местах папкой. Видно, что хозяин очень бережет ее. Г-н Маэр раскрывает папку, и я читаю:

«Почетная грамота

Дорогой товарищ иностранный специалист Маэр
Андре!

За активную ударную работу, за достигнутые большевистские темпы, за сознательное поведение и добросовестное отношение к охране и укреплению социалистической собственности, за введение новой системы горных разработок, что снизило стоимость

добытой тонны руды, мы заносим тебя на Красную доску строителей социализма.

31 декабря 1934 года».

Как приятно было увидеть этот листок бумаги далеко от дома, на какой-то неизвестной улице Кливленда! В эту минуту с ним было связано очень дорогое воспоминание о нашем замечательном недавнем прошлом, и казалось – слышится в комнате комсомольская песня.

За несколько месяцев до поездки по Америке я принимал участие в работе над документальным фильмом о советской молодежи, который называется «Счастье трудных дорог». Кроме современных кадров, в фильме широко были использованы кинодокументы. Может быть, потому, что по нескольку раз приходилось просматривать кадры прошлых лет, в памяти надолго остались прекрасные лица молодых строителей первых пятилеток. Кливлендским вечером они вновь возникли перед глазами.

В тридцатые годы многие юноши и девушки были всего-навсего чернорабочими, а сейчас... что ж, сейчас те, кто захотел, наверняка стали инженерами, мастерами, умелыми токарями, фрезеровщиками, слесарями. Когда-то мы обращались за помощью к иностранным инженерам. Прошли годы, и советские институты выпускают специалистов больше, чем Соединенные Штаты Америки.

– Что же в этом плохого? – снова спрашиваю я у мистера Стербенса.

– Специалисты могут быть использованы в армии, – уклончиво отвечает он.

– Но не для этого же их готовят, старина, – продолжает г-н Маэр.

Он рассказывает о своей работе у нас, о том, как когда-то его знакомые – советские люди – мечтали иметь больше машин и больше хороших знатоков дела.

– Мне было приятно получить грамоту. Передайте тем, кто, может быть, вспомнит меня, что это не пропавшая грамота. О, я хорошо понимаю ваши технические успехи! Еще тогда, – г-н Маэр показывает на соседнюю комнату, как будто в ней «спрятаны» тридцатые годы, – еще тогда было ясно, что они скоро будут.

Наш разговор продолжается очень долго. Поздний вечер окрасил окна в темно-синий цвет. Тихо в небольшом домишке мистера Стербенса. Внук спит, а дед его молчит. Мистеру Стербенсу стоит подумать еще раз над тем, почему у нас много инженеров и почему не любят советские люди, когда с ними разговаривают тоном ультиматума.

Красный листок грамоты г-на Маэра лежит на низеньком круглом столике. Я еще раз беру его в руки и думаю:

«Двадцать с небольшим лет тому назад наши отцы мечтали увидеть Советскую Отчизну сильной, независимой и мощной. В то время мы не могли равняться с Америкой. Теперь многое изменилось. Наша страна стала великой и могучей державой. Недаром в самой Америке все чаще и настоя-

живее раздаются голоса о том, что в мирном соревновании Советский Союз, идущий вперед шагами своих пятилеток, скоро перегонит Соединенные Штаты. С этим кое-кому приходится считаться...»

Наш путь в гостиницу лежит почти через весь город. Хотя в нем живет около миллиона человек, он кажется каким-то уж очень провинциальным. Мелькают двух-трехэтажные домики. Ветер раскачивает гирлянды электрических лампочек над площадками, где продаются подержанные автомобили. Ближе к центру здания выше и улицы немножко живее.

В сквере против гостиницы продолжают топтаться несколько десятков пьяных хулиганов из тех, что устроили утром нашей делегации провокационную «демонстрацию».

Впрочем, только ли они? Началась провокация под флагом «стихийного протеста». Валентин Бережков, Виктор Полторацкий и я несколько раньше наших товарищей спустились из номеров гостиницы к машинам. Днем нам предстояло посетить видного банкира, руководителя кливлендской финансовой группировки г-на Сайруса Итона. Машин на месте не оказалось. Зато вся площадь была забита драными старыми автомобилями. Их владельцы беспрерывно нажимали на кнопки сигналов, и над площадью неслись дикий вой, напоминающий звуки, которые издает перепуганное стадо ослов.

– Что это такое? – обратились мы к Эндрю Чихачеву.

– Э-э... – замялся старик. – Свадьба! Вы знаете, господа, в

Америке разрешается сигналить, только когда едет свадьба. Наверное, свадьба, да, да! – И Эндрю Чихачев поспешно открыл дверь отеля. – Давайте подождем машины в холле.

Через несколько минут делегация собралась, и мы вновь вышли на улицу. Инсценировка «демонстрации» против советских журналистов развернулась вовсю. Сотни две пьяных хулиганов – бывшие полицаи, старосты, фашиствующие националисты – что-то кричали, свистели, размахивали антисоветскими плакатами. Когда, наконец, мы сели в машины... «исчезли» шоферы. Сквозь стекла мы слышали, как один из «демонстрантов» вопил по-русски:

– Я уже был у вас с оружием! Я еще вернусь к вам!..

Появилась полиция. Но она стояла в толпе безучастно. Только минут через десять после нашего решительного протеста пришли шоферы. Одному из них хулиганы нанесли, видимо, сгоряча удар по голове, – из-под фуражки шофера бежали капельки крови.

Когда мы приехали в загородную резиденцию г-на Итона, Эдмунд Глен, довольно потирая руки, промолвил:

– Ну что, господа, видели нашу демократию?

С точки зрения представителя государственного департамента все, что произошло, и считается американской демократией. Мы не ответили Эдмунду Глену. Вернее, не ответили вслух. Кое-какие фразы мы произнесли про себя. Они были не очень деликатными, и я даже сейчас вспоминаю их, но ставлю на стол «черную кошку». Впрочем, «кошке сереб-

ряной» отдыхать не долго. Навстречу нам вышел г-н Итон и пригласил в свою виллу.

Г-н Сайрус Итон и все его многочисленное потомство – семеро детей и двенадцать внуков – принадлежат к тем семьям Америки, чей доход превышает двадцать пять тысяч долларов в год. По официальной статистике, таких семей в Соединенных Штатах 0, 4 процента. И Сайрус I, и Сайрус II, и Сайрус III, и все последующие, уже живущие и будущие сайрусы, – обладатели миллионных капиталов. Глава семьи старый Сайрус – председатель правления железной дороги Чизапик – Огайо, председатель правления угольной компании Западного Кентукки и рудников «Степ Рок», президент Портсмутской стальной компании, директор компании металлообрабатывающего завода «Кливленд Клиффс», директор компании «Шервин Вильямс», основатель «Рипаблик стил корпорейшен» и прочая и прочая. В 1926 году он дал (конечно, не из любви к ближнему и не без процентов) восемнадцать миллионов долларов, чтобы спасти от краха «Трумбул стил компани».

Словом, мы были в гостях у американского архимиллионера. Запросто, как будто речь шла о покупке пары рубашек, г-н Итон сообщил, что он хотел было приобрести более современную виллу, кажется, за двести или двести пятьдесят тысяч долларов, но привычка взяла верх, и он остался жить на своей родовой ферме «Акадия». Домики «Акадии» стоят на земле вот уже сто шестьдесят лет, вокруг них на десят-

ки гектаров раскинулся чудесный старинный парк. Г-н Итон хорошо понимал, что наши и его взгляды на вопросы собственности, государственного устройства и на многие и многие другие резко противоположны. Мы, не таясь, высказали ему это, подчеркнув, что во время визита хотели бы скорее услышать его точку зрения на международные отношения.

– Вас интересует проблема сосуществования? По-моему, сосуществование единственный путь к спокойствию в мире. Лучше обмениваться быками, чем бомбами.

Оказалось, что в гостях у мистера Итона побывала и советская сельскохозяйственная делегация. Он подарил ей племенного бычка. Нам стал понятен смысл сказанной фразы. Но мы не могли не заметить г-ну Итону, что благие слова подчас далеки от истины. Вряд ли можно серьезно улучшить отношения между странами, когда, например, гостей из другого государства встречают бранью и свистом! Мы очень хотели услышать ответ мистера Итона. Но вездесущий Глен оказался на месте.

– Я уже объяснил господам, что пикетирование есть преимущество американской свободы.

Поскольку затевать спор с Эдмундом Гленом ни у кого не было ни малейшего желания, кто-то из нас сменил тему разговора. Иначе не миновать бы нам получасового спича distinguished представителя государственного департамента.

Время было трогаться в путь. Но Френк Клухон отвел

в сторону хозяина дома и что-то начал шептать ему на ухо. Растерянный, извиняющийся Сайрус Итон предложил нам не уезжать и осмотреть его ферму. Часа два мы мяли, гладили, щупали годовалых красно-шерстных бычков, а по всему было видно, что и хозяин и шерифы, появившиеся на ферме невесть откуда, и сопровождавшие делегацию лица просто тянут время. Френк Клухон то и дело убегал куда-то звонить по телефону. Наконец все бычки были пересмотрены, и мы покинули ферму Сайруса Итона.

– Едем дальним путем, – бросил Френк шоферу.

– В чем дело, разве мы не спешим?

Мистер Клухон поерзал на сиденье, но все-таки ответил:

– Нет... то-есть да, но возле гостиницы продолжаются беспорядки.

Поскольку мы «не спешили», решено было остановиться возле маленького домика. Дан Беллорт не ожидал визита гостей. Он встретил нас в расстегнутой рубашке, в тапочках. После секундной растерянности хозяин пригласил нас в небольшую комнатку. Оказалось, что Дан работает механиком на фабрике по производству вентиляторов для автомобилей. У него двое детей: сын лет трех и дочка немного постарше. Жена Дана, Эдна, не работает. Те триста сорок долларов, что приносит ей муж, – единственный капитал семьи. Домик Дана обставлен очень просто.

Г-жа Эдна Беллорт держится более уверенно и первая отвечает на вопросы. Мы спрашиваем, сколько стоит их домик.

Оказывается, семнадцать тысяч двести долларов.

– Вы, конечно, купили его в рассрочку? Сколько уже успели заплатить?

– За много лет немногим более семи тысяч, – сказал Дан Беллорт.

– Если в мире будет все в порядке, – смеется г-жа Беллорт, – мы, может быть, сумеем рассчитаться, правда, Дан? – И молодая женщина обнимает мужа за плечи.

– Что бы вы хотели передать от себя в Советский Союз? Хозяева задумываются.

– Мы хотели бы больше знать о ваших людях, – произносит мистер Беллорт. Он немного медлит и добавляет: – Про детей, например.

– А ты что, и вправду веришь, что у них дети появляются на свет не как у нас? – шутит г-жа Беллорт...

Все семейство вышло проводить нас. Просим разрешения сделать снимок.

– Неужели опубликуете его в газете? Но ведь я не кинозвезда...

Мы говорим, что в наших газетах куда больше портретов простых людей, чем кинозвезд. Щелкаем затворами фотоаппаратов и дружески прощаемся с семьей Беллорт.

Поколесили по каким-то маленьким боковым шоссе еще некоторое время, затем, разбившись на три группы, поехали в семьи кливлендцев. По программе поездки, это «мероприятие» так и значилось: «беседы за столом у известных горо-

жан». Известным горожанином, к которому вместе с товарищами попал я, и был мистер Стербенс.

...Снова собираем чемоданы. С каким чувством делегация покидает Кливленд? Вот слова песенки, которая была сочинена коллективно сразу после утреннего «инцидента»:

Моя дорогая!
Я в штате Огайо.
Погулять я мечтаю
На чужом берегу,
Но не дремлют пикеты,
Получая монеты,
Потому по Кливленду
Я пройгись не могу.

Но не думай, родная,
Что в штате Огайо
Мы не встретим улыбок
И хороших друзей.
Мы пройдем сквозь пикеты
Что торчат до рассвета,
Принесем мы привет
От советских людей.

Пусть простят нас поэты: мы понимали, что рифмы песенки далеки от совершенства. Среди нас не было композитора, и мы просто «излагали наши мысли» на уже знакомые мотивы. Песенку пели не раз и не два. И особенно громко,

с подъемом, когда мчались, окруженные полицейскими машинами, в тихую «Акадию» Сайруса Итона.

Поздно ночью, когда мы упаковывали свои пожитки, к Борису Полевому явился Эдмунд Глен:

– В Чикаго предстоят еще более крупные беспорядки.

Мы поняли, что кое-кто в Соединенных Штатах Америки хочет свести на нет значение нашей поездки, и отказались посетить Чикаго. Изменили маршрут и ранним утром вылетели в Солт-Лэйк-сити, что в переводе на русский означает Город Соленого озера.

Перед самым отъездом ко мне в номер позвонил мистер Маэр. Он пожелал делегации счастливого пути, новых интересных встреч. Говорить ему по-русски было очень трудно, но он вышел из положения, повторив слова, которые передавали многое:

– Не забудьте написать, что я сохранил грамоту...

ГОРОД СОЛЕНОГО ОЗЕРА

Самолет летит в Солт-Лэйк-сити. Путь большой. Мы почти пересекаем Соединенные Штаты от края до края. Погода великолепная, и пассажиры то и дело поглядывают вниз. Озеро Мичиган напоминает сверху разлив застывшей лавы. Его вздыбленная, морщинистая поверхность темно-стального цвета, и тени от туч лежат на неподвижной воде причудливыми сиреневыми, фиолетовыми, оранжевыми пятнами.

Остановка следует за остановкой. В Америке самолеты делают частые, но кратковременные посадки. Пассажиры узнают нас, и в воздухе продолжаются диспуты и прессконференции. Позади уже города Милуоки и Омаха. Подлетаем к Денверу. Этот город знаменит своим целебным воздухом. Здесь расположены многочисленные клиники и госпитали. В одном из них лечится после сердечного приступа президент Соединенных Штатов Америки Эйзенхауэр. Мы посылаем ему телеграмму с пожеланием скорейшего выздоровления.

В Денвере пересадка с четырехмоторного на двухмоторный самолет, которому предстоит перевалить отроги Скалистых гор и доставить нас в Солт-Лэйк-сити. На аэродроме Денвера снова короткое интервью. На этот раз его берет молоденькая журналистка с переносным радиопередатчиком на спине. Все, что мы говорим, моментально слышат жители Денвера.

Темнеет. Вид из окошечек самолета прекрасный. Солнце ушло на запад. Очертания гор выписаны по небу черной, вороного отлива краской. Небо непрерывно мерцает, переливается, будто подсвечивается из-за гор гигантскими цветными прожекторами. Оно то золотисто-лимонное, то бледно-оранжевое, то синее-синее, с розовыми трепещущими подпалинами по горизонту. В самолете тихо. Все молчат, покоренные чудесным видением. Но, будто боясь утомить пассажиров, в какую-то минуту красочная феерия гаснет.

Сосед Бориса Полевого, майор воздушных сил, вошел в самолет в Денвере.

– Хэлло, парень! – Майор обращается к Полевому. – Глоток виски, – и он протягивает в нашу сторону плоскую карманную бутылочку. Майор «навеселе» и поэтому разговаривает со всеми запросто.

– Пусть лопнут мои глаза, – продолжает он, – если вы не русские ребята! О'кэй, мы никогда не воевали друг с другом. И вообще я не желаю летать к вам.

Майор просит нас спеть что-нибудь русское.

– Во время войны я бывал в Германии. Дух захватывает, когда поют советские солдаты!

Майор делает еще несколько глотков и глубоко садится в мягкое кресло. Возле наших мест собираются почти все пассажиры. Стюардесса – девушка, которая сопровождает самолет, – шутит:

– Этак машина может перевернуться: весь груз сосредото-

точен на одном крыле.

Но и она присаживается к нашему «поющему шалашу».

В таком положении не очень важно, что у нас отнюдь не выдающиеся голоса. Слышится в американском небе русская песня «Степь да степь кругом». Подключились к хору и американцы. Хоть слов не знают, но мелодию подтягивают с удовольствием, в том числе и майор. Голос у него грубоватый, но американские песенки он поет лихо, сам себе прихлопывает, сам себе притопывает, – аккомпанемент хоть куда! Майор так увлекся, что чуть не забыл сойти в небольшом городке Огдене. Это наша последняя посадка перед Солт-Лэйк-сити. Стюардесса настойчиво провожает его к двери.

– Прошу вас, мистер, билет уже кончился.

– А что вы думаете, – говорит девушка не то себе, не то нам, – этот майор может сейчас улететь даже на Аляску. Жена и горячий пудинг будут ждать его напрасно...

Последнюю фразу девушка произносит с грустью. Оказывается, стюардессы в Америке не имеют права выходить замуж. Семья, дети, по мнению авиакомпании, «обуза» для стюардесс.

– Ну, а если вы все-таки решите выйти замуж?

– Уволят, – коротко отвечает девушка. – А работу найти не так-то просто, ни на земле, ни в небе.

Прилетели поздно. К счастью, программа ничего не предусматривала на вечер, и мы были свободны. Впервые за время пребывания на американской земле здесь, в

Солт-Лэйк-сити, мы, что называется, услышали настоящую, не тревожимую ревом моторов тишину. В гостинице тихо. Впрочем, это понятно: Солт-Лэйк-сити хоть и столица штата Юты, но маленький городок. Нам не удалось установить точно, но, кажется, здесь никогда прежде не бывали советские люди.

Солт-Лэйк-сити, подобно зубчатым стенам, окружен горами. Городу всего сто семь лет. В недалеком прошлом здесь были дикие места, привольный край индейцев. Пришельцы сначала загнали индейцев в горы, а потом и совсем истребили. Шла война за землю и между белыми. «Право сильного – и больше никакого права», – таков был закон Юты, теперь одного из штатов Америки. В гербе Юты – изображение белоснежной лилии. По преданию, индейцы не сражались на поле, где она растет, и пришельцы с легкостью занимали покрытую диким цветником землю. Немало других легенд и анекдотов рассказывают об этом крае.

В городе часто можно встретить изображение чайки. Говорят, когда-то налетела сюда саранча. Она грозила превратить землю в черную пустыню. Но появились чайки и начали истреблять саранчу. Жажда мучила птиц. Они улетали на Соленое озеро, там «очищали» свои переполненные желудки и снова пожирали саранчу. Так это или не так, но Юта действительно не похожа на пустыню. Воздух здесь чист и звонок, подобно ключевой струе, а земля дарит человеку, тому, конечно, кто ею владеет, многое. В штате богатейшие залежи

меди, угля, хорошо развито сельское хозяйство. До сих пор в горах бродят неисчислимые стада оленей. В городе всего двести тысяч жителей, и восемьдесят тысяч из них – охотники. Мы видели как-то охотника, который катил на автомобиле. К багажнику была привязана огромная голова красавца оленя. Олень был убит, видимо, совсем недавно: на серой бетонной дороге отчетливо вилась кровавая полоска.

Но кто же сто лет тому назад завоевал себе в Юте право на жизнь? Мормоны. Я не буду вдаваться в тонкости законов и обычаев этой религиозной секты. Ее основатели сделали все, чтобы подчинить веру человека требованиям американской жизни, духу пресловутого «свободного предпринимательства», который прежде всего означает свободу сильного над слабым, силу богатого над бедным. Мормоны – крепкая, сильная и очень развитая религиозная секта. До сих пор они рассылают в некоторые страны своих миссионеров. Глава церкви, ее первый президент г-н Мак Кей во время нашего визита к нему все добивался: «Нельзя ли купить в Советском Союзе хотя бы гектаров пять земли и начать проповедовать там наш мормонизм?» Естественно, мы ответили г-ну Мак Кею, что в Советском Союзе земля принадлежит народу и не продается.

Страшным и жестоким испытаниям подвергли главы мормонской церкви своих приверженцев. Когда мормоны пришли сюда, они прежде всего решили выстоять, осесть на земле. Схватки с индейцами и другими белыми уносили тысячи

жизней. Тогда законом церкви было провозглашено многоженство. Нравственность, мораль, забота о детях – все было забыто. Бригэм Янг, один из первых мормонов Юты и столпов церкви, имел двадцать одну жену.

Конечно, время кое-что изменило в мормонизме.

Теперь церковь требует, чтобы каждый верующий имел только одну жену. Но и сейчас в местных газетах мелькают сенсационные сообщения о вновь «обнаруженных» многоженцах.

Верующие платят церкви десять процентов со всех своих доходов. Ночью и днем, в любое время к мормону может нагрянуть церковный контролер и узнать, что он читает, что ест, о чем говорит с друзьями. Контролер может проверить его доходы, подслушать его мысли и даже заглянуть в мечты. Немало мрачных рассказов Конан-Дойля рисуют нравы этой церкви.

Но сказанное, конечно, не означает, что мы не встретили в Солт-Лэйк-сити привлекательных и думающих людей. Немного суровые и с виду замкнутые, наши хозяева, как принято говорить, средние американцы, весьма охотно беседовали с делегатами. В Америке много делается для того, чтобы понизить интерес человека к общественным, политическим событиям. Вы часто можете услышать: «Я политикой не интересуюсь». Но какой политикой? В глазах среднего американца, в том числе и в глазах жителя Солт-Лэйк-сити, скомпрометировали себя платные политиканы, профес-

сиональные говоруны, которых американцы слышат довольно часто. Именно в этом смысле надо понимать выражение «политикой не интересуюсь». Но это, конечно, не означает, что средний американец ничем вообще не интересуется. Нас могли остановить прямо на улице.

– Пришлите к нам ваш балет, – говорили одни.

– Что общего между коммунизмом и христианством? – спрашивали другие.

Однажды в Солт-Лэйк-сити, когда мы возвращались из главного офиса, правления мормонской церкви, нас рассмешил мальчишка, ехавший мимо на велосипеде. Он громко по-русски, правда с большим акцентом, закричал:

– Э-то ок-но! – и показал рукой на витрину. Воодушевленный тем, что мы поняли его без переводчика, мальчишка тут же добавил:

– «Ди-на-мо», фут-бол, – и поехал дальше.

Масса подобных случаев свидетельствовала о том, что среднего американца волнует не только то, где найти ему паркинг (стоянку для машины) или как устроить модную прическу – копию с головы очередной кинозвезды. Может быть, как раз потому, что рядового американца слишком долго подталкивали на узкий, ограниченный путь, он сегодня еще скажет вам: «Я не интересуюсь политикой», но тут же добавит: «Хорошие у нас были отношения во время войны против Гитлера. Как бы их снова наладить». Среднего американца волнуют советско-американские отношения. Он

ждет их улучшения и хочет что-то сделать для этого.

Так думает простой человек. Его мнение сказалось на все усиливающейся критике внешней политики Соединенных Штатов в самой Америке и за ее пределами, особенно после исторической встречи Глав Правительств четырех великих держав. Простого, рядового американца империалистические агрессивные круги Соединенных Штатов изо дня в день запугивали «агрессией с Востока». Но американец видит, что на Востоке строят мирную жизнь, предлагают запретить использование атомного и водородного оружия, сократить обычные вооружения и вовсе никому не угрожают. Какой бы тугой и плотной пеленой ни были закрыты глаза и уши американца, что-то правдивое и честное о миролюбивой политике Советского Союза до него все-таки доходит.

Правда, это осознание реальных фактов международной обстановки происходит медленно, поскольку враги мира в Америке придумывают все новые и новые обманные ходы. Но величайшее, всемирное значение миролюбивого, открытого, последовательного курса нашей международной политики в том-то и состоит, что враги мира, в том числе враги мира в Америке, все меньше смеют теперь открыто призывать к войне, ибо встречают в ответ ненависть народов. И все чаще в той же Америке находятся лица, которые, во всяком случае, на словах, для популярности среди простых людей не прочь выступить сторонниками мира и сосуществования.

Но вернемся к программе нашего путешествия. В пер-

вый день прилета в Солт-Лэйк-сити нас принял в капитолии штата губернатор Брэкэн Лии. Капитолий Юты похож на вашингтонский капитолий, как, впрочем, похожи на него правительственные здания в других штатах. Это своеобразная американская стандартизация: либо город должен иметь один небоскреб, либо правительственная резиденция в нем похожа на вашингтонскую.

Капитолий Юты расположен на высоком холме, и оттуда открывается вид на весь город. Прямой как стрела центральный проспект перечеркнут массой маленьких улочек. Возле капитолия большой памятник пионерам штата, а в холле здания высится бронзовая фигура вождя индейского племени вампаногов Массасоита. Он стоит с трубкой мира в руке. Как сказали нам, вождь индейцев покровительствовал пилигримам. Тут же, в холле, стоит гоночный автомобиль «Мормон-метеор», который когда-то был рекордсменом мира, показав скорость сто шестьдесят миль в час.

Делегация беседовала с губернатором в его кабинете. Вел себя Брэкэн Лии сдержанно, на все вопросы отвечал не спеша, обстоятельно обдумывая их. Как заявил г-н губернатор, его сейчас беспокоит растущая власть денег.

– Деньги – опасная вещь, а в руках людей, часто злоупотребляющих властью, они особенно страшны, – говорит он.

Мы присоединяемся к высказыванию г-на Брэкэна Лии и добавляем, что в нашей стране не стоит подобный вопрос. Губернатор отвечает: «Каждый народ вправе жить, как он

хочет», – и улыбается. Мы задаем несколько вопросов.

– Как вы относитесь к поездкам государственных деятелей с визитами доброй воли в другие страны?

– Это отличное дело.

– Укрепляет ли доверие между государствами обмен парламентскими делегациями?

– О, конечно! Нельзя ненавидеть человека, которого знаешь.

– Как вы смотрите на поездки делегаций деятелей культуры?

– Да, мы, конечно, должны стремиться к этому, – приятно знать мировую музыку, театр, живопись.

На прощание нам остается добавить, что было бы хорошо, если бы все представители властей в Америке разделяли взгляды г-на Брэкэна Лии, а уже про себя думаем: «И хорошо, чтобы мистер Лии сам не изменил их завтра же под чьим-нибудь влиянием».

После визита к губернатору отправляемся на медный рудник – один из самых больших в Америке. Рудник расположен высоко в горах. Прежде чем попасть на него, едем извилистой, петляющей между отвесными скалами дорогой. Неподалеку от рудника расположен городок Бингэм коньон. Узкие улочки, старенькие машины. Как не похож он на те парадные, стоящие на широких магистралях, залитые огнями реклам города! В конце главной улицы Бингэм коньона тоже были обнаружены медные залежи. Хозяева рудника купили

часть улицы, снесли ее, пробрили к месторождению огромный тоннель; городок вынужден был отступить: домики его покатались вниз по горам.

Наконец подъехали к руднику. Здесь добывают медь открытым способом. С небольшой площадки открылась необычная картина. Рудник напоминал грандиозную воронку. От верхних террас до нижних было несколько сот метров. Диаметр воронки равнялся почти двум милям. Красно-желтая порода выбиралась экскаваторами. Они перегружали ее на электрические поезда, и те, поднимаясь как по спирали с нижних горизонтов к верхним, вывозили руду. Мы долго стояли на краю этой гигантской медной пропасти, пораженные силой маленького человека, который прогрыз в земле такую огромную яму. Кто-то пошутил:

– Если здесь кончится медь, рудник может быть использован как гигантский стадион.

– А что вы думаете, – ответил наш провожатый Скотти Робертсон. – На его трибунах, наверное, поместилось бы несколько миллионов человек.

После осмотра рудника нас пригласили в гости инженеры, работающие здесь. Но мы ничего не смогли узнать у них о жизни рудокопов. Инженеры отделялись общими ответами, а представители государственного департамента, как и в других случаях, постарались «организовать» дело так, чтобы мы не встретили рабочих. Лишь кое-что говорили нам бедные и невзрачные домики рудокопов.

Вернувшись с рудника, мы нашли в гостинице приглашение отужинать в рыбном ресторанчике Мильтона Вейленмана. Решили было отказаться. Говоря откровенно, нам в тот вечер значительно больше хотелось съесть чего-нибудь мясного. Но г-н Френк Клукхон недвусмысленно заметил, что приглашение в рыбный ресторанчик «носит особый характер».

Ресторанчик был как ресторанчик. Маленькие комнаты, в стены вделаны аквариумы, где плавают вполне похожие на наших золотистые рыбки. Г-н Вейленман и его жена с охотой обсуждали способы лова рыб в русских и американских реках, морях и озерах. Главным специалистом по этому вопросу выступал Николай Грибачев, который, как известно, вместе с другими выпустил недавно книгу «Десна-красавица», посвященную рыболовным делам.

Мы провели в ресторанчике немногим больше часа. Вернувшись в гостиницу, спросили Френка Клукхона, какую цель преследовал этот визит. Неужели хозяин всего-навсего хотел, чтобы в его заведении побывали советские журналисты?

– Пожалуй, это так, господа. Но вы не обратили внимание на то, что губернатор, который принимал вас сегодня, республиканец.

– Ну и что же?

– Дело в том, господа, что приближаются выборы, а хозяин ресторанчика, в котором вы ужинали, председатель демо-

кратической партии штата.

Френк Клукхон прищурил глаза и с совершенно независимым видом закончил:

– В Америке существуют две партии: республиканская и демократическая. В штате Юта тоже существуют две партии: республиканская и демократическая. Представьте себе, господа: вас принимают представители республиканской партии, и вы беседуете с ними. Что же остается делать демократам? Они не могут стоять в стороне.

Только тогда мы поняли, почему г-н Мильтон Вейленман решил отужинать вместе с нами.

С рыбным ресторанчиком связано еще одно примечательное событие. В середине ужина мы узнали, что шахматный клуб города полон и что там тоже ждут советских журналистов. Мы было попытались отказаться, сославшись на то, что среди нас нет ни одного приличного шахматиста.

– Сущие пустяки, – заявил все тот же Френк Клукхон. – Даже если вы проиграете – вы выиграете.

Посоветовавшись, решили выдвинуть на шахматный турнир Николая Грибачева, хотя тот отбивался изо всех сил, утверждая, что третий шахматный разряд ему даже не снился. В компанию Грибачеву был выдвинут Борис Полевой. Он должен был выступать как главный шашист нашей делегации. Друзья отправились в клуб с унылым настроением. Что происходило в этом клубе, знают лишь они. Но факт остается фактом: Грибачев обыграл чемпиона Солт-Лэйк-сити.

Правда, вел он себя после победы достаточно скромно и заявил, что это случилось, видимо, потому, что его противник страшно волновался.

– Единственное, что я помню, – говорил Грибачев, – это то, что он никак не мог прикурить, и огонек его спички все время танцевал где-то рядом с сигаретой. Впрочем, мы волновались оба, и только поэтому я и выиграл.

Местные газеты на следующее утро вышли с «сенсационными» сообщениями: Николай Грибачев был объявлен сильнейшим шахматистом штата Юта. За эту немаловажную победу по решению всей делегации ему был вручен переходящий приз, которым в поездке мы награждали отличившихся: фигурка маленькой черной мышки с серебристыми блестящими бусинками вместе глаз. Борис Полевой не был отмечен, поскольку проиграл партию в шашки и тем самым несколько снизил значение победы Грибачева.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛЫЙ ВЕК

До сих пор рассказ шел о веке нынешнем, двадцатом, теперь я позволю себе перенести воображение читателей в век прошлый.

Как это сделать?

Из Солт-Лэйк-сити мы прилетели в маленький городок Рино (Рено), почти на границу штатов Невада и Калифорния. Перед тем как отправиться автобусом в Сакраменто – столицу Калифорнии, нам предложили осмотреть окрестности. Места здесь суровые, красивые – отроги гор Сьерра-Невада. Горы пепельно-серые, островерхие, почти лишены растительности, лишь кое-где покрывает их блеклый, осенний уже вереск или подобие его.

Серая лента шоссе ползет все выше и выше в горы. Вдоль дороги поднимаются к небу легкие белые облачка: выбрасывают на поверхность кипящую воду гейзеры. Никакой жизни вокруг. Кажется, что и благоустроенное шоссе и многочисленные указатели – все совершенно бессмысленно, ибо, как говорится, ни домика окрест, ни человека. Но вот замелькали объявления:

«Держите путь к газете Марка Твена», «Посетите музей Марка Твена», «Посетите игорный дом, где находится знаменитый стол самоубийц».

Вскоре автобус остановился. Мы были в удивительном ме-

сте: казалось, время перестало существовать для небольшого городка, что лежал перед нами. Он напоминал улицы-декорации в Голливуде. Но только это был настоящий город, нанесенный на карты и имеющий вполне определенное и красивое название – Вирджиния-сити.

Но все же в городе почти не было людей. Ветер раскачивал полинявшие деревянные вывески заброшенных ресторанчиков, хлопал ставнями нежилых домов. Не здесь ли снимал Чарли Чаплин свой знаменитый фильм «Золотая лихорадка»? Может быть, и не здесь, но когда-то, несколько десятков лет назад, на этой земле были богатейшие золотые и серебряные прииски. Один миллиард долларов выкачали из них те, кто, подобно героям фильма Чарли Чаплина, «мог постоять за себя».

Теперь в земле нет золота и серебра, и городок почти умер. Но время все же не совсем разрушило его. Лежит пыль на безделушках антикварных лавочек. Как и в середине прошлого столетия, вы можете за маленькую монетку посмотреть «чудо» XIX века – движущиеся картинки – или коснуться клавишей причудливой фисгармонии, на которой поигрывали в удачливый час герои рассказов Джека Лондона.

Есть еще дом в Вирджиния-сити. В нем хочется помолчать, и тогда память невольно подсказывает названия любимых рассказов и повестей. Это дом, где работал в городской газете великий американский писатель Марк Твен. Газета выходит и по сей день. Она представляет своеобразную биб-

лиографическую редкость. Редактирует газету мистер Люшес Биби – крупный, почти двухметрового роста мужчина, журналист и знаток истории Невады.

Долгое время он был репортером ночной хроники в Нью-Йорке. Не известно, сколько времени пришлось ему писать заметки из кабаре Нью-Йорка, прежде чем он скопил деньги. Но как только капитал оказался в кармане, Люшес Биби, как предприимчивый человек, решил начать дело. Вместе со своим помощником Клэгом он отправился в штат Невада, в те самые места, о которых я сейчас рассказываю. Люшес Биби знал, что девяносто с лишним лет назад здесь работал великий американский писатель Марк Твен. Вернее, именно здесь, в этом городке, писатель Самюэль Ленгхорн Клеменс впервые выступил под псевдонимом Марка Твена.

Люшес Биби вместе со своими помощниками отыскал дом, где издавалась газета Марка Твена «Тэрриториал энтерпрайз», что в переводе означает «Местная инициатива». Дом газеты, как, впрочем, и другие дома Вирджиния-сити, был в совершенном запустении. Люшес Биби начал реставрацию городка в духе прошлого века. Он открыл небольшие ресторанчики, салуны, антикварные лавочки. У жителей окрестных ферм и городков скупил мебель, картины, музыкальные инструменты того времени. И вот в туристских проспектах замелькали сообщения: «Вирджиния вновь жива». Естественно, в места, где когда-то работал Марк Твен, в места, с которыми связана горячка золотоискательства, хлынул по-

ток туристов.

В полуподвальном помещении дома Твена был открыт музей. В этом музее все выглядит, видимо, так, как было при жизни великого писателя: простые каменные стены типографии оклеены запыленными театральными афишами; на столе редактора толстые тома энциклопедии тех времен.

Рядом с типографией прошлого века Люшес Биби устроил небольшую современную типографию и возобновил в ней издание газеты, которая внешне выглядит точно так же, как она выглядела в марктвеновские времена. Газета Люшеса Биби привлекла к себе интерес читателей, ее редактор и его помощник быстро разбогатели. Мистер Клэг, который одевается в стиле прошлого века, показал нам свой пояс. Он весит, по меньшей мере, полпуда и целиком состоит из золотых долларов.

Марк Твен жил в городе два года. Как рассказал нам мистер Люшес Биби, он вынужден был оставить город, так как довольно зло и дерзко поддел сотрудника другой газеты, «Юнион», мистера Лэрда. Предстояла дуэль.

Нет нужды пересказывать здесь подготовку к ней и ее исход. Сам Марк Твен блестяще сделал это в одном из своих автобиографических рассказов «О дуэлях». Я лишь напомню его окончание:

«К завтраку по всему городу разнеслась весть, что я послал вызов на дуэль, а Стив Гиллис вручил его. Это каждому из нас могло стоить двух лет тюрьмы по новоиспеченному

закону. Губернатор Норс ничего нам не сообщал, зато кое-что сообщил нам один из его близких друзей. Он сказал, что самое лучшее для нас – это уехать с территории штата с первым же дилижансом...

С тех пор мне не приходилось больше иметь дело с дуэлянтами. Я отнюдь не одобряю дуэлей. Я считаю их неблагоразумными, и мне известно, что дуэли опасны для жизни. Тем не менее я всегда очень интересовался чужими дуэлями. Всегда чувствуешь живой интерес к подвигам, какие случались совершать и самому».

После посещения музея мы решили прогуляться вместе с Люшесом Биби и Клэгом по тихой улочке Вирджиния-сити. Кричащие афишки на покосившихся тавернах сообщают: «Если у тебя есть немного золотишка, войди и промочи глотку самым вкусным виски на свете», «Здесь танцуют сегодня ночью самые красивые девушки Золотого Запада». В лавчонках продаются раскрашенные картинки с видами окрестностей и прочая яркая и безвкусная сувенирная мелочь.

Попалась в руки открыточка с подписью: «В этой уборной часто бывал Марк Твен». Шутка? Нет, пожалуй. Даже на такой отнюдь не исторической детали ловкие люди зарабатывают деньги. И хотя давно уже по причине полного разочарования покупателей не продаются в американских магазинах книжонки вроде такой: «101 способ моментального обогащения», нет-нет, да и объявляется «искатель миллионов».

Бывают фантазеры и похлеще. В городке Скотсдэйле, близ столицы штата Аризона Феникса (Финикса), недавно открылся парфюмерный магазинчик «Хауз оф Бьюти, Инк». Событие малопримечательное, но многие американские газеты поспешили отвести целые столбцы своих страниц магазинчику, а главное «загадочной» и «романтической» истории его хозяина. Примерно за две недели до нашего приезда в США «Феникс газетт» напечатала даже фотографию одеклонного бизнесмена. Это мужчина порядочного веса, с тоненькой ленточкой фатоватых усиков под мясистым носом. Хозяин лавчонки весело ухмыляется, примеривает на руку большой, аляповатый браслет. Над снимком строчка: «Я остался жить, чтобы рассказать».

И джентльмен рассказывает, рассчитывая на простодушных любителей анекдотов, что он не кто иной, как... царевич Алексей, сын последнего русского царя Николая II. В книге «воспоминаний», которую помогла ему настрочить некая Доротти Джилс, «царевич» пишет о том, как «чудом спасся из подвала Ипатьевского дома» (место расстрела царской фамилии в бывшем Екатеринбурге); как «папа», Николай II, сказал ему перед смертью: «Только Америка»; как, внемля этому совету, он провел в трюме парохода восемьдесят один день, все ожидая прибытия в «благословенную страну».

Для того чтобы анекдот был подтвержден «документами», самозванец показывает всем желающим булавку для галстука, которая-де была подарена ему великой княгиней Марией

Павловной, а принадлежала ни больше ни меньше, как самому Александру I. Самозванец не отказывается от «своих прав на российский престол» и покорнейше просит приобретать парфюмерные и ювелирные изделия в его «царской лавчонке».

Смешно, не правда ли? Бизнес толкает на решительные шаги. Теперь тому, кто откроет новую парфюмерную лавочку в Скотсдэйле, трудно будет конкурировать с «царевичем Алексеем». Впрочем, при достатке фантазии можно, например, объявить себя незаконным сыном папы Римского. Это не менее привлекательно. Чего только не приходится изобретать в погоне за долларами!

Из Вирджиния-сити мы вернулись в Рино. Оказалось, что он тоже знаменит. Чем же так известен в Америке этот стандартный, отнюдь не привлекательный городишко?

Через всю ширину главной улицы от здания к зданию протянута помпезная, сплетенная из светящихся трубочек вывеска: «Самый большой маленький город в мире».

И только? Разве этого достаточно, чтобы стать популярным городом? Нет, у Рино куда более веские основания для славы – он город ресторанов, ночных клубов, дорогих отелей и десятков игорных домов. В какую бы дверь вы ни толкнулись, всюду сотни, тысячи «слотмашин» – игральные автоматы. Вы можете бросить пять, десять, двадцать пять центов, доллар, два, сто в узкую щелочку кассы бездушного партнера, дернуть ручку и ждать... авось фортуна решила

облагодетельствовать игрока. Но «слотмашины» – «мелкая игра». За зелеными столами мечут банки в десять, пятнадцать, двадцать пять тысяч долларов. И хотя повсюду в Рино строгие предупреждения: «Ставки свыше 25 тысяч долларов запрещены», за столами игорных домов бушуют бешеные деньги.

– Кто это может делать? – спросили мы хозяина одного такого дома.

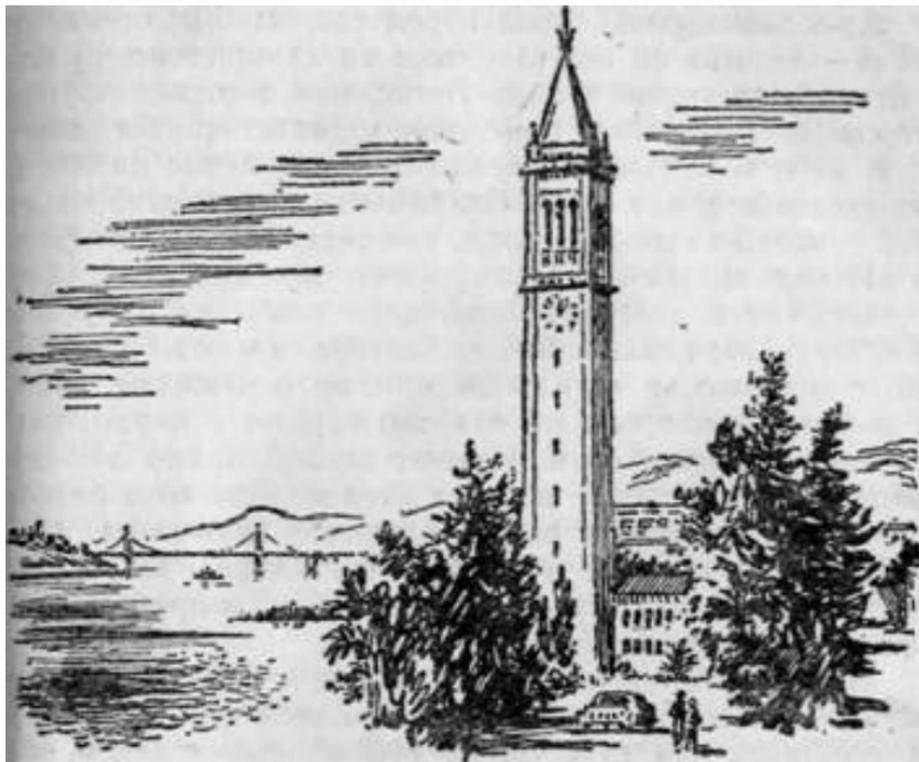
– Туристы, – ответил он нерешительно.

Мы видели, как туристы из любопытства оставляют в «слотмашине» по одной-две монеты. Но ведь этим не может жить город! Рино – это место, куда приезжают насладиться жизнью миллионеры, кинозвезды, дельцы. К их услугам здесь все, даже законы. Именно в Рино (единственное место в Америке) принят закон, по которому человек, проживший здесь шесть недель, при желании считается свободным от брака.

Один печатает пошлые открытки, другой объявляет себя «царевичем Алексеем», в третьем случае сотни людей заняты миллионной аферой. И в то же время пропаганда США изо всех сил пытается возвысить «американский образ жизни» как высшее достижение XX века. Трудная задача: ее исполнители терпят поражение за поражением. Разве можно обмануть мировое общественное мнение, народ Америки? Рино процветает. Но если вспомнить, что, по официальной статистике, 3714 тысяч американских семей и 4354 ты-

сячи бессемейных людей находятся в состоянии полной нищеты, объявления о том, что ставки свыше 25 тысяч долларов запрещены, звучат как неопровержимое свидетельство цинизма, падения и развращенности. И как не вспомнить здесь слова великого американца Марка Твена, который писал своему другу Туитчеллу:

«Что я думаю о нашей цивилизации? Что она ничтожна и убога, полна жестокости, суетности, наглости, низости и лицемерия. Я ненавижу самый звук этого слова: в нем – ложь».

ЗДЕСЬ ПЛЕЩЕТ ТИХИЙ ОКЕАН

ДВОЙНАЯ ИГРА

Прощайте, Скалистые горы,
Уходим мы в новый полет!
Ведь все мы почти
и слегка фениморы.
Ночлег в Сакраменто нас ждет, —

сочинили мы новую песенку и напевали ее по пути в Сакраменто – столицу штата Калифорния.

Наш автобус влетел на центральную улицу Сакраменто под вечер, когда уже светились рекламные трубочки. После величественной красоты поросших лесом гор, озера Тахо, синие воды которого опоясаны изумрудным ожерельем леса, после горных рек, пенящих свои воды на скалистых перекатах, после оливковых и персиковых рощ снова перед взором был стандарт № 1 – capitoлий штата похож на вашингтонский Капитолий, светящийся конь Пегас, как в сотнях других городов, предлагал немедленно запастись бензином и т. д. и т. п. Словом, если бы не огромные надписи, возвещавшие, что вы в Сакраменто, его можно было бы принять за

любой город, где тоже есть пальмы.

Перед въездом в Калифорнию машину делегации остановили и долго проверяли, не везем ли мы с собой фруктов: калифорнийцы берегут сады от болезней. К сожалению, в остальном они не ограждают себя, и в Сакраменто так же азартно играют в карты, как в Рино и Карсон-сити. Играют всюду: прямо в скверике, в ресторанах и номерах отелей. Всю ночь рядом с нашими номерами шло «карточное сражение». Поскольку стены даже в дорогой гостинице пропускали звуки, мы были в курсе всех выигрышей и проигрышей наших неизвестных шумных соседей.

В семь утра нас должен был принять губернатор штата. Но в семь пятнадцать явился его секретарь и сообщил, что губернатор срочно вылетел в Сан-Франциско: там внезапно умер какой-то видный деятель Калифорнии.

Поскольку вторую ночь подряд слушать шелест карт, звон долларов и пьяные голоса ни у кого не было ни малейшего желания, мы тоже вылетели в Сан-Франциско, к берегу Тихого океана.

На аэродроме нас встретила довольно большая группа журналистов. В одной из комнаток аэропорта завязался привычный уже для делегатов разговор. Я рассказываю о встрече на аэродроме только потому, что во время прессконференции случайно в наши руки попала любопытная «справка».

Конференция подходила к концу, началось традиционное

угощение друг друга советскими папиросами и американскими сигаретами, как вдруг к нам подошла американская журналистка. Она была чем-то озадачена и протянула Борису Полевому листок бумаги.

– Я хочу, чтобы вы кое-что объяснили мне, – и журналистка потрясла листком. – Кто-то роздал такие листки всем нашим городским репортерам, и мы хотели бы знать, соответствует ли все это действительности.

Мы прочитали то, что было написано в листке. Против фамилий некоторых членов нашей делегации стояли провокационные «пояснения»: «явно настроен против Америки», «коммунист, ненавидит все американское», «ненавидит США» и т. п. Мы объяснили журналистке, что в листке написана ложь, что кто-то настойчиво хочет поссорить советских и американских журналистов. Девушка улыбнулась, взяла у нас листок и очень уверенно проговорила:

– О, это не так-то просто! Такой штукой нас не проведешь.

Мы обратились к представителю государственного департамента г-ну Э. Глену, который вылетел в Сан-Франциско раньше нас, с просьбой ответить, к чему двойная игра вокруг делегации.

– Господа, – мистер Глен очень плохо говорил по-русски, но мы как-то научились его понимать, – господа, я поспешил в Сан-Франциско только потому, что у меня заболел живот. Я решительно не осведомлен насчет документов...

Мы поняли, что спрашивать нам больше не о чем, сели в

такси и двинулись в город.

Хотя Сан-Франциско считается «самым американским из всех городов Америки», на мой взгляд, это самый не американский город, во всяком случае на нашем пути. Днем, когда его заливают яркое солнце, когда над ним голубое небо, в каких-то своих частях он удивительно похож и на Киев, и на Сочи, и на Одессу одновременно. Город раскинут на холмах, его улицы и улочки настолько круты, что вместо трамвая по ним проложен фуникулер. Старенькие открытые вагончики движутся при помощи стального троса. Конечно, правы те, которые говорят, что Сан-Франциско красив. В споре между Сан-Франциско и Лос-Анжелосом я лично решительно становлюсь на сторону первого. Могучие пальмы всех видов, серебристые ели-южанки, зеленые кедры, голубовато-синий накат океанской волны, золотистые пляжи, белые, желтые, красные домики – все спорит здесь по яркости и радует глаз человека, – разумеется, если этот человек имеет хоть одну комнатку в красивом коттедже и ему не приходится слоняться с одного причала порта на другой в поисках работы и пристанища.

Сан-Франциско – грандиозный и очень удобный порт на Тихом океане. Наверное, потому, что после месяцев изнурительной борьбы со стихией моряки находили в порту хорошую, тихую погоду, они издавна стали называть его коротким и ласковым словом – Фриско. Когда-то, давным-давно, и русские землепроходцы одними из первых добрались до

богатых, благодатных земель Калифорнии. До сих пор один из островов залива называется Русским. Если вам встретится в городе любитель исторической «светской хроники», он непременно расскажет о том, как однажды сошел с корабля лихой капитан-землепроходец. Красив он был, ласков и смел, и влюбилась в него прекрасная дочь коменданта. Но крепкое слово дал моряк: не дивиться чужому диву, не забывать своей родины. И поехал он на родину просить соизволения на брак. Но длинным и тяжелым был путь, и умер капитан на корабле. Не дождалась его гордая испанка. Минули годы. Так и не полюбив уже никого больше, ушла она в монастырь.

Красивая эта история, но не совсем точно передает картину далекого прошлого. А было вот как. Более полутора столетия тому назад, в том самом месте, где раскинулся сейчас миллионный город, стояла маленькая испанская крепость – президия Сан-Францисского. Медленно и лениво текла жизнь в крепости. Но однажды ловким маневром вошло в бухту русское судно. Длинным и тяжелым был его путь в загадочные теплые воды, к обильной земле. Русские хотели наладить торговлю в новых для себя местах. Капитан этого первого русского судна основал на калифорнийском берегу колонию Росс. Он действительно полюбил испанку, и та ответила ему сердечной взаимностью. Состоялась помолвка. Девушка проводила жениха в Россию. Через два года он должен был вернуться.

Однако не суждено было капитану вновь бросить якорь в голубом заливе. Он умер в России, где-то на далекой сибирской дороге, куда забросила его судьба государева человека-землепроходца. Испанка действительно ждала его и ушла в монастырь.

Много лет успешно вела дела колония Росс – первое русское поселение в Калифорнии. Минули годы, и хотя не совсем точно рассказывают в Сан-Франциско историю о любви капитана к испанке, – люди помнят о ней.

Но вернемся к нашим дням и двинемся по одному из широких пригородных шоссе. Милях в двадцати от города, если чуть свернуть с дороги, встретится мотель г-на Рики. Мотелей в Америке много. Это придорожные гостиницы, где вы можете одновременно припарковать, то-есть поставить машину. Отсюда и название: мото-отель. Мотель г-на Рики не просто мотель. Умелый делец, человек широких «международных связей», г-н Рики ведет вокруг своей гостиницы двойную игру. Он сумел обойти закон. Г-н Рики знает, что налоги значительно меньше, если средства вкладываются в произведения искусства. И поэтому появились в ресторанчике г-на Рики, именуемом скромно «Трактир», картины итальянцев эпохи Возрождения, индийская резьба по кости далеких времен, деревянная скульптура, мраморные портреты каких-то полководцев. Мотель г-на Рики удобный, хотя и дорогой, – он по карману лишь очень богатому путешественнику. В маленьких комнатках есть все для приезжего: ванна,

душ, удобные шкафы для одежды, телевизор. Во дворе мотеля полукруглый открытый бассейн. Когда мы пригляделись к материалу, из которого сделана эта одноэтажная, напоминающая дачную постройку гостиница, обнаружили, что все доски красного дерева. Мы удивились: к чему это? Г-н Рики нам кое-что объяснил. Налог уплачен за обычный строительный материал, но красное дерево есть красное дерево, и таким образом также сохраняются деньги.

Г-н Рики принимал нас очень любезно, и я не собираюсь обвинять его в чем бы то ни было. Он просто делает то, что делают в Америке другие богатые люди. Он совершает бизнес с успехом, о чем свидетельствует всегда довольное выражение его лица, которое светится на солнце, подобно красной головке сыра.

Г-н Рики – откровенный человек. Он прямо заявил, что в искусстве ничего не смыслит, но специалисты в Париже, Риме, Вене получают комиссионные; они не пропустят ценной работы большую мастера. Так и появляются в ресторанчике «Трактир» шедевры искусства.

Но коли я познакомил читателей с г-ном Рики, мне придется представить и Большого Тома, ибо именно в мотеле г-на Рики у меня произошел с ним полный откровенности разговор.

Большой Том – лучший детектив Калифорнии. Он был приставлен к нам для охраны и довольно добродушно выполнял свои служебные обязанности. Куда бы ни шла деле-

гация, Большой Том отставал на полшага и, указывая пальцем, пересчитывал нас всех, как будто под действием калифорнийской жары кто-нибудь из делегатов мог испариться. В тот день, когда мы были в мотеле г-на Рики, солнце пекло, как в наихарчайшие дни нашего русского лета. Валентин Бережков и я решили искупаться. Большой Том присел у края бассейна и с явной завистью поглядывал на воду. Мы немедленно предложили ему искупаться. Но Том расстегнул пиджак и выразительно показал на два длинноствольных пистолета, которые висели у него по бокам.

– Кроме того, я забыл купальные трусы. – И Том показал в сторону девиц, подчеркивая тем самым, что его неспортивный наряд может удивить их.

Г-н Рики немедленно раздобыл Тому трусы. Том взял трусы в руки и неожиданно попросил нас выйти из воды. Он помялся немного и проговорил:

– Знаете, ребята, искупаться очень охота, но вот опасная вещь, – Том снова показал на пистолеты, – могут украсть.

Я согласился охранять оружие Тома, и он с радостью полез в зеленоватую теплую воду. Минут через пять Том вылез и навесил свои пистолеты. Когда мы выходили из мотеля, он снова пересчитал нас пальцем, произнося при этом шопотом: «Уан, ту...» – и так далее, что означало в переводе «один, два...». Большой Том приступил к службе.

Я пишу об этом сейчас, и мне одновременно смешно и грустно. И Том и другие в полной форме и переодетые поли-

цейские вились вокруг делегации надоедливym роem. Когда уже перед отъездом на Родину мы прилетели в Нью-Йорк, нас встретили в аэропорте штук пятьдесят полицейских.

– О нет, господа, – заявил все тот же мистер Глен из государственного департамента, – на этот раз вы ошиблись: их только тридцать девять.

А мы подумали: «Не слишком ли «пышный эскорт» для семи советских журналистов?» Ведь все те, кто «организовывал» полицейские мероприятия, прекрасно знали, зачем и кому нужна «игра с охраной». Никто не собирался обижать нас в Америке, ни один настоящий американец не проявил по отношению к нам грубости даже в словах. И мы запомнили именно таких американцев – гостеприимных, веселых, энергичных. Что касается полицейских эскортов, то, как говорится, «напрасно кума потратила деньги». Но это уже хозяйское дело.

Когда мы посетили мэра Сан-Франциско мистера Эльмера Робинсона, он сказал мне:

– В наши дни мир так уменьшился в своих размерах из-за успехов в технике, что все мы теперь близкие соседи и должны научиться жить в мире и дружбе.

Справедливые слова. Но научиться жить в мире и дружбе можно только в том случае, если этого хотят все соседи.

Наша беседа с господином мэром подходила к концу: мэр спешил обедать.

– Жена всегда пилит меня, когда я опаздываю. Она счита-

ет, что я издаю законы, но они менее важны, чем ее поправки к ним. Сегодня у меня единственное оправдание – ваш визит. Он так заинтересует жену, что, к моему счастью, она забудет взглянуть на часы.

Мэр пожелал делегации интересных встреч в городе, предложил осмотреть достопримечательности Сан-Франциско. Он искренне удивился, что нам не могут показать мосты города, – мост «Золотых ворот» длиной около трех километров, висящий над заливом на высоте более ста двадцати метров, Оклендский мост, общая длина которого превышает двенадцать километров. По поводу того, что советским людям запрещено осматривать эти достопримечательности, мэр выразился очень определенно. Но, вспоминая сейчас о том, что Сан-Франциско – родина «серебряной и черной кошек», я ставлю на стол «черную кошку» и не повторяю фразу господина мэра. О новых встречах в Сан-Франциско я расскажу в присутствии «кошки серебряной», при которой можно говорить обо всем.

ЛАССО В ВОЗДУХЕ

Сознаюсь, всем нам очень хотелось повидать в Америке настоящих ковбоев: вольных сынов душистых прерий, укротителей диких лошадей – словом, дальних родственников героев Фенимора Купера. Но первый ковбой, которого мы встретили на ферме г-на Итона, при всем том, что внешне он оправдывал наше представление о ковбоях, оказался скотником. Как признался этот паренек, он ни разу не ездил верхом на лошади.

– На лошадях ездят там, – и паренек махнул рукой куда-то вдаль, подчеркивая выражением лица и жестом невозможность истинно ковбойской жизни в районе промышленного Кливленда.

За завтраком у г-на Итона мы, конечно, в шутовском тоне рассказали об этой короткой беседе. Американская журналистка, сидевшая за столом, совершенно серьезно спросила нас: «А правда ли, что русские казаки до сих пор ездят даже по Москве верхом?» Так как Анатолий Софронов родом с Дона, мы попросили ответить его. Он подумал немного и заявил:

– Пожалуй, это так. Вот я, например, каждое утро отправляюсь на работу в «Огонек» на скакуне.

Журналистка принялась записывать его слова в блокнот. Но присутствовавшие засмеялись так весело и громко, что

она поняла нелепость своего вопроса.

«Наконец-то!» – сказали мы себе, когда в программе поездки появилась строчка: «Посещение «Коровьего дворца» и ковбойские состязания».

«Коровий дворец» Сан-Франциско – огромное ангарного типа сооружение. Не знаю, кому пришло в голову назвать его дворцом: видимо, сказалась привычка к пышности и преувеличениям. В центральной части здания находится большой манеж с местами для двенадцати тысяч зрителей, где происходят спортивные, вернее цирковые, представления. На одно из таких представлений мы и попали.

Вспыхнули прожекторы. Трибуны погрузились в полумрак. Зато еще более резко выделялась арена, посыпанная золотистыми опилками. Справа от нас за невысокой загородкой ревут возбужденные быки, тревожно ржут кони. Щелчок бича – бык мгновенно вылетает на арену. Но тут же, ослепленный прожекторами, на какую-то долю секунды он останавливается, упирается передними ногами в землю, клонит голову, будто хочет пропороть своими острыми рогами световую завесу. Освоившись, бык снова мчится по арене. Но уже вылетел всадник. Он прищипривает низенькую быструю лошадь – лассо свистит в воздухе. Бык, схваченный у шеи веревкой, грохается оземь. Лошадь продолжает натягивать лассо, а ковбой подбегает к быку и треножит его.

Всадник сменяет всадника. Судьи объявляют время, за которое ковбои управляются с быком:

– 14, 7 секунды, – слышится в зале.

– 14, 5...

– 14, 3...

Быстрее никто не смог совладать с ошалевшим бычком. Правда, бычок, на котором был поставлен рекорд, совершил не предусмотренную программой манипуляцию. Когда его освободили от пут, он прыгнул через полутораметровую загородку, отделявшую манеж от трибун, и под визг зрителей помчался вдоль первых рядов. Положение создалось критическое. Представление вполне могло окончиться робкой схваткой какого-нибудь перепуганного зрителя со взбешенным животным.

Бычок наращивал скорость и, казалось, готовился совершить новый прыжок прямо в толпу. И вдруг появился высокий плотный человек в тяжелых пыльных сапогах, помятой широкополой шляпе ковбоя. Он перегородил собой проход и ждал, когда бычок вылетит на прямую. Тысячи людей замерли, ожидая столкновения. Бык пригнул голову, готовясь смести человека.

– А-а-а!.. – пронеслось уже над рядами. Гигант сделал удивительно ловкий скачок к самой изгороди, как бы сторонясь животного. Но тут же сбоку намертво, в полном смысле этого слова, схватил быка за рога и подмял его под себя. Рев восторга пронесся над ареной. А человек встал с колен, как-то равнодушно пнул присмирившего бычка и исчез.

– Старина снова показал себя, – услышали мы голоса.

- Он силен и ловок! Не понимаю, почему его выгнали?
- Стар. Седая голова не привлекает зрителей.
- Он приходит сюда каждый вечер.
- Видно, надеется разжиться долларом.

Речь шла о смельчаке, который совладал с бычком. Глаза снова стали искать его мощную фигуру. Но нет, этого человека не было в зале. Видно, хозяин программы выпроводил его из манежа. Здесь не нужны старые люди.

Охота с лассо была лишь началом представления. Истинно ковбойский номер – родео: всадник на необъезженной лошади. Вот тут действительно нужна большая ловкость и смелость. Испуганное, разозленное животное подпрыгивает, встает на дыбы, вскидывает задние ноги, взвизгивает, а ковбой должен продержаться на лошади до удара гонга. Одна из лошадей, отчаявшись скинуть всадника, повалилась на бок и хотела смять человека. Ковбой едва высвободил ноги из стремян. Правда, это случилось после гонга, и зрители тепло приветствовали смельчака.

У сидевших сзади зрителей мы спросили, действительно ли на арене дикие, необъезженные лошади. Американцы молча переглянулись, видимо удивленные нашей наивностью.

– Обычные лошади. Только их седлают особо. Когда человек садится, лошадь испытывает дикую боль...

До поздней ночи продолжалось родео, наездники демонстрировали на манеже высший класс верховой езды. Хотя мы

не получили полного представления о ковбоях и их жизни, все же теперь с некоторым основанием можем считать, что видели современных ковбоев – верхом на лошади и с лассо в руке.

В этих представлениях участвуют всадники из Техаса, Аризоны, Калифорнии. Ловкие предприниматели делают бизнес на интересе путешественников и туристов к состязаниям ковбоев. А кроме того, продемонстрировав парадную сторону их жизни, они отвлекают внимание от истинного положения вещей в ковбойских штатах.

Живут же там не так красиво, как на манеже «Коровьего дворца». Достаточно сказать, что сельскохозяйственные рабочие во многих штатах Америки получают за свой нелегкий труд в два раза меньше, чем городские, хотя и у рабочих в городе, даже по официальным статистическим данным, средний заработок очень невелик. Его едва хватает на предельно скромное существование.

Но в США мало кого волнует жизнь простого, скромного рабочего человека. Профсоюзы в сговоре с предпринимателями, а крупные промышленные и финансовые воротилы заботятся лишь о росте своих доходов. Прибыли 428 американских корпораций в третьем квартале 1955 года составили 2 169 180 тысяч долларов против 1 650 603 тысяч долларов в третьем квартале 1954 года, то-есть увеличились на 34, 4 процента.

Монополии получают бешеные прибыли и благодаря тон-

кому и хитрому сговору всесильных магнатов между собой. Миллионеры действуют отнюдь не разобщенно.

Когда мы через день после посещения ковбойских состязаний приехали в торговую палату Сан-Франциско, ее вице-председатель мистер Фокс спросил, как нам понравилось в «Коровьем дворце». Мы ответили ему, что там выступают действительно ловкие люди.

Но разговор о «Коровьем дворце» был лишь маленьким вступлением к более интересной беседе о деятельности сан-францисской торговой палаты. Прежде всего мистер Фокс постарался объяснить нам смысл и принципы деятельности палаты. Для того чтобы изложить их, пришлось бы написать отдельную книгу. Но если говорить коротко, то принципы эти состоят в том, что могущественнейшие капиталисты города координируют в торговой палате «свои усилия». Следует учесть, что в Сан-Франциско самый крупный в капиталистическом мире банк. Отсюда особое значение и влияние сан-францисской торговой палаты.

– Палата – дело общественное, – говорил мистер Фокс, – и она лишь сотрудничает с различными организациями.

Мы тут же задали вопрос:

– А случалось ли, чтобы кто-нибудь не подчинился рекомендациям торговой палаты или действовал против нее?

Мистер Фокс иронически покачал головой:

– О, таких случаев, конечно, не было. Мы стараемся улаживать все по доброй договоренности. Но если кто-нибудь

хочет пойти против, он, конечно, может это сделать. – Мистер Фокс снова покачал головой и добавил: – Хотя, конечно, ему будет очень трудно...

И мы поняли: за последней частью ответа мистера Фокса скрывается многое. Вот так, под вывеской сугубо общественной организации, собирают свои силы финансисты, магнаты промышленности и сельского хозяйства. И сколько бы ни бились иные маленькие предприниматели, пытаясь предотвратить создание монополий, разгадать сложные и опасные финансовые сделки, бороться невозможно: в торговой палате сидят слишком богатые люди.

Гуляя по одной из улиц Сан-Франциско, мы остановились возле двух забавных небольших автомобилей. Они скорее напоминали детские машины, хотя по отделке чувствовалось, что это отнюдь не игрушки. Оказалось, что автомобильчики – пионеры электрических машин. Рекламиривал и продавал их на улице пожилой человек по имени Ерли М. Перри. Когда мы остановились около машин, он засуетился и заговорил тоном бойкого продавца:

– Машина проходит без перезарядки много-много миль. Расходует минимальное количество электричества стоимостью в полтора доллара на весь пробег. Скорость машины – тридцать миль. Вы можете ехать на ней куда угодно, хоть в пустыню, и не думать о том, что у вас кончился бензин.

Видимо, уловив на наших лицах сомнение, мистер Перри переменял тон.

– Я понимаю, – сказал он. – Но тогда позвольте хоть сфотографировать вас рядом с машиной. Для меня это большая реклама.

Построив нас около автомобильчиков, мистер Перри быстро сделал несколько снимков. Чувствовалось по всему, что он озабочен.

– Не очень веселые дела, мистер Перри? – спросили мы на прощанье.

– Конечно, – ответил он. – У меня маленькое дело, и нам трудно бороться, – мистер Перри ласково потрогал борт своего автомобильчика, – с большими и серьезными конкурентами.

Я хотел было порекомендовать мистеру Перри обратиться в торговую палату. Ведь там новинка, как утверждал мистер Фокс, должна получить всяческую поддержку. Но тут же вспомнил: членами торговой палаты являются недостижимые для мистера Перри люди, и они вряд ли поддержат его производство. Не потому ли и приходится мистеру Перри торговать своими машинами прямо на улице?

Вечером делегацию пригласил к себе в гости известный сан-францисский журналист и издатель Майкл Ньюхолл. Его маленький, однако богатый домик расположен на высоком холме, но уже не в Сан-Франциско, а в Окленде. К домику ведет частная, лично мистеру Ньюхоллу принадлежащая дорога, которая, как и домик, стоила владельцу не один десяток тысяч долларов. Майкл Ньюхолл располагает солидны-

ми средствами, нажил он их главным образом на газетном деле, а часть из них получил по наследству.

Окленд и Сан-Франциско такие близкие соседи и так удобно связаны Оклендским мостом, что почти невозможно понять, где начинается один и где кончается другой город. Во всяком случае, ночью из окон домика Ньюхолла огни двух городов сливаются воедино. Их так много, что кажется: Млечный Путь мерцает не на небе, а на земле. Правда, есть «маленькое», для мистера Ньюхолла оно действительно малоприметное, препятствие на пути из Сан-Франциско в Окленд. С обеих сторон моста поставлены сторожевые будочки. Служители в форме взимают за проезд машины в один конец двадцать пять центов. Туда и обратно стоит полдоллара, и так сумма увеличивается по мере повторения проездов. А два доллара это уже для рядового семейного человека серьезные деньги. Если же американец работает в Сан-Франциско, а квартира у него в Окленде, месячное путешествие по мосту стоит ему двадцать-тридцать долларов. Это только путешествие по мосту. А стоянка?

Вдоль всех улиц американских городов расставлены чугунные столбики со счетчиками. Поставил машину – опускай монету. Причем через полчаса или час, в зависимости от таксы, надо вновь платить; иначе счетчик, в котором есть часовой механизм, покажет, что стоянка не оплачена. Подойдет полицейский – плати штраф. И еще двадцать пять – тридцать долларов в месяц приходится вытаскивать из кар-

мана американцу. Помню, я ехал с каким-то фоторепортером по Нью-Йорку и обратил его внимание на то, что автомобили в городе очень грязные. Он и поведал мне о «центровом разбое».

– Если каждый день платить за мойку машины, за стоянку в удобном месте, за спидвэй⁴, не прокормишь не только себя, но и машину.

Короче говоря, в глазах жителей Окленда и Сан-Франциско несколько меркнет очарование моста.

Но это не касалось гостей мистера Ньюхолла. У него собрались преуспевающие журналисты, писатели, юристы, врачи. Тут была самая пестрая публика, и многие пришли к хозяину, конечно, для того, чтобы повидаться с советскими журналистами. Как и водится в таких случаях, нам рассказали обо всех городских новостях. Кое-кто сокрушенно покачивал головой по поводу заметки, опубликованной в газете «Сан-Франциск кроникл». В ней сообщалось, что в Денвере арестована женщина тридцати трех лет за то, что она продала свою двойню. Кто-то бросил фразу: «Чудачка, за сто пятьдесят долларов! Ведь это небольшие деньги».

---

⁴ Спидвэй – дороги с односторонним быстрым движением, проезд по которым часто тоже оплачивается.

READ THE
TERRITORIAL ENTERPRISE
Where Mark Twain Got His Start
MARK TWAIN MUSEUM *Open*

Биби и Клэг возле дома Марка Твена.

Автобусом мы отправились в Сакраменто.

Сакраменто – столица Калифорнии

В центре Лос-Анжелоса.

Голливуд

В тени пальм – домики богачей Феникса.

Флоренс Дохерти пошутила: «Эта лошадка стоит хозяину в день больше, чем мы с мужем».

Услышав эти слова, высокий мрачный человек, который весь вечер пил виски с водой, резко проговорил: «Небольшие деньги! Для тех, кто имеет большие...» Мрачный мистер подошел ко мне и спросил, видели ли мы что-нибудь поучительное во время визита в Калифорнийский университет. Я ответил, что делегация пробыла там всего несколько часов, а за короткое время, конечно, трудно понять, чем жи-

вут студенты.

– Конечно, трудно, – и мрачный мистер кивнул головой. – Но в общем-то студенты там забавный народ. Жаль только, что они все время проигрывают стенфордским футболистам. Вы знаете, – продолжал он, – у студентов Калифорнийского университета есть такая традиция: перед встречей со стенфордцами сжигать чучело индейца, потому что фигура индейца – символ этого университета. Говорят, за последнее время они сожгли шесть чучел, и все шесть раз проиграли. – И мрачный мистер громко рассмеялся.

Я согласился с тем, что калифорнийские студенты, видимо, неплохой народ, и рассказал, как тепло встретили делегацию в студенческой газете «Дейли Калифорния». Редактором в газете работает застенчивая и очень милая девушка Алис Булдин. Она с охотой показывала свою маленькую редакцию. Когда делегация уходила, студенты хором закричали по-русски: «До свиданья!»

– И они были правы, – снова вставил реплику мой собеседник. – Именно до свиданья. Вот мне, например, будет жаль прощаться с вами сегодня. Оказалось, что все вы очень милые люди и с вами просто приятно беседовать. Кстати, вы что-нибудь знаете о нашей актрисе Марлен Монро? Это, конечно, не киноактриса, а больше – кинозвезда... Так вот, она сейчас остепенилась, разыгрывает из себя серьезную даму и, знаете... хочет сыграть Сонечку Мармеладову Достоевского. Роль у нее может и не получиться. Но все-таки русский пи-

сатель!

Я ответил, что у нас есть много хороших писателей и много хороших ролей – в них могли бы попробовать себя американские актеры и актрисы.

– Скоро вы будете в Голливуде. Я советую вам высказать им это.

Мистер снова начал тянуть виски.

– Я, наверное, грубо сказал по поводу ста пятидесяти долларов, – вернулся он к началу разговора. – Но это правда. Я знаю, вы были в «Коровьем дворце» и слышали там, как свистит лассо над шеей бычка. Когда человек слышит подобный свист, ему делается жутко.

Мистер помолчал, будто подбирая слова, чтобы закончить свою мысль:

– Я понимаю женщину, которая продала своих детей. Может быть, и ей послышался свист лассо...

НА РОДИНЕ ТАРЗАНА

Все было бы, как говорят американцы, о'кэй, если бы не тучи дыма. Он разъедает глаза, мешает дышать. Ветры почти не продувают Лос-Анжелос, и дым висит в неподвижном воздухе сплошной пеленой, да такой густой, что кажется, будто какой-то шутник непрерывно поджигает здесь дымовые шашки. Это первое, с чем сталкиваешься, когда выходишь на улицы Лос-Анжелоса. И город сразу тускнеет и становится менее красивым, и уже не обращаешь внимания ни на высокие, стройные пальмы, ни на стриженные газончики возле аккуратных коттеджей. Дым застилает глаза.

Если выдается день, когда ветер все-таки перебарывает дымовую завесу, кажется, на улицах и народу больше. Впрочем, в Лос-Анжелосе почти не видно людей. По благоустроенным широким дорогам катят голубые, синие, серые, палевые кары – так называют в Америке автомашины. В Лос-Анжелосе насчитывается огромное количество автомобилей. Их здесь больше, чем в любом другом городе Соединенных Штатов Америки. Лос-Анжелос вырос вдоль широкого шоссе, только центральный проспект тянется почти на тридцать миль. Такое малоудобное расположение города неизбежно и привело к сосредоточению автомобилей.

Когда мы ехали в промышленный район Лос-Анжелоса, наш спутник, репортер местной газеты, с горечью произнес:

– Я уже месяц не был у дяди. Да и как к нему съездить, если он живет на другом конце города, в трех часах двадцати пяти минутах езды от моего дома.

Промышленный район, куда провожал нас репортер, при-
мыкает к центру Лос-Анжелоса. Здесь действует около се-
мисот промышленных предприятий. Район этот в 1928 го-
ду был знаменит лишь небольшими огородиками. Владель-
цы железной дороги скупили землю и стали ждать. Они рас-
считывали, что цена на участки земли со временем подско-
чит. Так оно и случилось. Прошло пять лет, и в 1933 году
железная дорога продала участки двумстам предпринимате-
лям, но уже втридорога. Без всяких хлопот владельцы же-
лезной дороги положили в карман большие барыши.

Лос-Анжелос становился крупным и важным центром Со-
единенных Штатов Америки. Грандиозная спекуляция за-
хватывала все больше и больше дельцов и финансистов. Как
только цены на участки перестали ползти вверх, железно-
дорожные магнаты выкинули новый трюк. Они неожиданно
объявили, что продают участки на пятьдесят процентов де-
шевле обычной цены. Откуда такая добродетель? Дело в том,
что железная дорога выдвинула условие: каждый покупатель
обязан перевозить грузы только с ее помощью.

Любезный молодой человек – паблик рилейшен рејлу-
эй компани мен, что примерно соответствует понятию «гид
железнодорожной компании», заключил свою короткую ин-
формацию словами:

– Когда-то здесь не было ничего, а теперь в три тысячи акров земли вложено около восьмисот миллионов долларов!

Он очень довольно потер руки, как будто, по меньшей мере, половина всех миллионов принадлежала ему. Когда мы спросили, кто же все-таки владеет землей в этом районе, он немедленно передал нам список семисот фирм, корпораций и трестов, которые заключили сделки с железной дорогой.

Названия всех компаний не приведешь: это Вестингауз, Дюпон, «Дженерал электрик» и иже с ними. Те, кто когда-то продал свои огородики за бесценок, не владеют сейчас ничем. Впрочем, они и не подозревали, что внесут такой «достойный вклад» в дела процветающих компаний. И в этом тоже, очевидно, смысл «свободы американского предпринимательства».

После того как мы побывали в промышленном районе Лос-Анжелоса, нас долго не покидало тягостное ощущение. Трудно было объяснить нашим спутникам его причину. Видимо, наш «унылый вид» обратил на себя внимание. Мистер Чихачев из госдепартамента попытался «теоретически» обосновать законную справедливость, с которой действовали владельцы железной дороги. Его бархатный баритон звучал так нежно и тихо, будто хозяин голоса боялся спугнуть кого-то, кто незримо стоял за его спиной и нашептывал избитые и много раз слышанные истины. От общеобразовательной лекции на тему «Капитал и способы его применения» нас спас коллега Чихачева мистер Клухон. Он сложил ла-

дони рупором и закричал по-русски:

– Давай, давай!

Это означало, что время, отведенное на эту часть программы, окончилось, и шоферы такси уже завели моторы. Мы поблагодарили мистера Чихачева за разъяснение и поехали в Голливуд, где нас все-таки, несмотря на опасения мистера Клукхона, приняли.

Холли – название дерева с маленькими яркокрасными плодами. Вуд, в переводе с английского, – лес. Но, видимо, такие леса росли в Голливуде давным-давно. Сейчас, когда подъезжаешь к нему, прежде всего видишь павильоны многочисленных киностудий. Никакого леса окрест нет, а тем более с деревцами, усыпанными красивыми яркокрасными плодами. Улицы Голливуда ничем не отличаются от других улиц Лос-Анжелоса. Только к ночи павильоны киностудий кажутся цехами заводов, а свет «юпитеров» и осветительных ламп напоминает сполохи пламени у каких-то огромных печей. Впрочем, есть в Голливуде роскошный район – Биверли хилл, где живут кинозвезды, крупные режиссеры, владельцы киностудий. В Биверли хилл больше пальм, больше зелени и чуть меньше дыма.

Студии «Метро Голдвин Меер», «Юниверсал», «XX сенчури Фокс» – самые крупные в Голливуде. Мы разбились на группы и побывали во всех трех. Борису Полевому, Виктору Полторацкому и мне предстояло посетить «Метро Голдвин Меер».

Долго добирались мы до студии. Наконец подъехали к огромным, завешенным железной решеткой воротам. На фасаде рядом с названием изображена голова льва – это эмблема студии. Очередной паблик рилейшен мен попросил нас сдать фотоаппараты, киноплёнку и вообще все горячее на хранение. Он провёл нас на территорию фабрики. Чистота, порядок, асфальтированные дороги, серые стандартные корпуса павильонов. Входим в один из них. Идут съёмки картины «Лебедь». В главных ролях известная американская артистка Грейс Келли и французский артист Луи Жюрдэн. Несколько минут наблюдаем за съёмками. Их ведёт режиссер Чарльз Видор. Закончив работу, он кратко рассказывает нам содержание фильма.

Богатая принцесса влюблена в бедного учителя. Родители принцессы, конечно, против брака. Идёт борьба между долгом и любовью. Побеждает любовь.

Режиссер замечает:

– В полную противоположность тому, как случилось у английской принцессы Маргарэт в наши дни. Она долго раздумывала и все-таки отказала капитану королевских воздушных стрелков, так как он уже был однажды женат, и если бы брак состоялся, Маргарэт пришлось бы расстаться со званием принцессы.

– В кино вопросы брака решаются легче, – отвечает режиссеру Луи Жюрдэн.

Грейс Келли хмурит лоб:

– Выходит, что тебе не нравится мое решение?

– Спокойнее, спокойнее, – шутливо обрывает их режиссер. – Через десять минут у вас очередное объяснение в любви.

Мы спрашиваем у Грейс Келли, сколько лет она работает в Голливуде.

– Шесть.

– Сколько раз вы уже снимались?

Грейс Келли на секунду задумывается.

– Двенадцать, – подсказывает ее антрепренер.

– Какую свою роль вы считаете лучшей?

Грейс Келли молчит. На этот раз актрису выручает режиссер:

– Она у нас дипломат. Конечно, лучшая роль та, в которой Грейс снимается сейчас.

За разговорами мы едва не позабыли, что находимся в Голливуде и что все здесь должны сниматься. Хозяева тянут нас к аппарату. Грейс Келли начинает рассказывать о принципе съемок на широкий экран. Вспыхивают «юпитеры». «Киногероями» становимся и мы.

Но маленький перерыв окончился, должны начаться настоящие съемки. Переходим в следующий павильон. Фильм, который снимается здесь, более современен. Гангстеры крадут у миллионера сына. Миллионер обожает мальчика и поднимает на ноги всю полицию. Поиски тщетны. Через несколько дней миллионер получает записку. В ней гово-

рится, что он должен выплатить похитителям пятьсот тысяч долларов, в противном случае мальчик никогда не вернется к нему. Отец в раздумье: отдать ему деньги или предпринять решительные меры для поисков мальчика. Он объявляет в газетах, что предпочитает заплатить полиции хотя бы в пять раз больше и, в крайнем случае, отдать все свое состояние, но гангстеры должны быть пойманы. Таков сюжет картины.

Глен Форд, один из больших артистов американского кино, играет в картине главную роль – роль отца. Он рассказывает о своей новой работе без большого энтузиазма. И мы понимаем его. Чувствуется, что Глену Форду хотелось бы сыграть что-нибудь более серьезное. Борис Полевой говорит ему:

– Вам очень подошла бы роль Федора Протасова из пьесы Толстого «Живой труп».

К сожалению, Глен Форд не читал пьесы Толстого, и мы рассказываем ему о ней.

– Я чувствую, господа, что это действительно прекрасная роль. Есть ли английский перевод пьесы?

– Конечно, – подсказывает стоящий рядом режиссер.

– Вещичка ничего, – подхватывает другой. – Есть мнимое самоубийство, цыгане, полиция, суд. Стоит подумать!

Форд будто не слышит этих фраз:

– Я хочу сам побывать в Москве и посмотреть ваши театры. Я люблю и, кажется мне, понимаю систему Станиславского. Моя жена, Элеонора Пауэль, – актриса балета. Когда

мы мечтаем о путешествиях, она говорит мне: «Ах, если бы увидеть русский балет!»

Мы беседуем с Гленом Фордом в маленькой комнатке. Здесь актер отдыхает перед съемками. Он рассказывает нам о строгих порядках, которые существуют в Голливуде во время производства фильма. Актер работает по семь часов в день. Он почти не имеет возможности отвлекаться, так как не допускается переделок в сценарии, и режиссер стремится за возможно более короткое время сделать как можно больше.

– Коммерция, – произносит Глен Форд. – Но она приучила Голливуд к темпу, и это очень важно. Вам может это показаться странным, но за восемнадцать лет работы в кино я снимался в семидесяти двух главных ролях.

Четыре картины в год!.. Сознаюсь, в те минуты, когда мы беседовали с г-ном Фордом, нам вспомнились наши актеры. Иные из них за такой же период деятельности в кино снялись всего четыре раза!

Глен Форд продолжает говорить о студиях Голливуда. Нелегко удержаться здесь артисту. Предприниматели стремятся заключать контракты на возможно более короткий срок, с тем чтобы лицо артиста не надоело зрителю. Фильмы Голливуда строятся чаще всего не на серьезной, психологической игре артистов, а на его внешних данных. Как только артист перестает пленять улыбкой, двери павильонов перед ним закрываются. В американских фильмах почти нет се-

рьезных, интересных характерных ролей. Глен Форд не смог назвать ни одного имени старого, опытного актера, который в силу своего таланта был бы знаменит в Голливуде.

– Немало и других особенностей в нашей жизни, – закончил он свой рассказ. – Режиссер, например, не имеет права снимать в своем фильме жену-актрису, так же как актриса не имеет права работать в той студии; где служит ее муж-режиссер.

Форда вызвали на съемку. Мы двинулись осматривать студию. Нам было трудно согласиться со многими принципами работы Голливуда. Мы не понимаем и отвергаем те его фильмы, которые будят в человеке низменные инстинкты, но надо отметить, что самое производство здесь организовано хорошо. В Голливуде не делают для каждой картины новых декораций. В студии есть постоянный городок декораций, улочки которого, в две трети натуральной величины, построены в стиле различных эпох. Здесь же, в городках декораций, небольшие бассейны и реки с миниатюрным флотом. Режиссеру требуется очень немного времени для того, чтобы изменить вид постоянных декораций, и он может начинать тут же съемки очередного фильма.

В студии «Метро Голдвин Меер» мы увидели тот самый знаменитый лес, который потряс немалое количество зрителей кинофильма «Тарзан». Но какой это был жалкий лес! На каких-то трехстах квадратных метров росли пальмы и прочие диковинные деревья Африки, лианы (они действительно

были привезены из Африки) уже высохли. И весь лес. Его пересекала маленькая канавка. Паблик рилейшен мен рассказал нам, что именно в этой канавке были сняты и бой Тарзана с крокодилом и прочие водные чудеса.

Он заметил наши улыбки и сказал:

– Для того чтобы лес был таинственным, мы завешивали его брезентом и создавали непроглядную тьму.

К сожалению, актер, который играл последнего Тарзана, работает в студии «Юниверсал», и вы не можете увидеть его у нас. Но зато вы смело можете считать, что побывали на родине Тарзана.

Паблик рилейшен мен небрежно показал рукой в сторону кусочка «африканского леса».

Анатолий Софронов, который в тот же день посетил студию «Юниверсал», виделся там с актером Бакэром, который играл в одной из последних серий Тарзана. Он рассказал мне, что Тарзан уже состарился и теперь, конечно, не может сниматься в заливчатских ролях.

«Родина Тарзана» – маленький кусочек декораций в Голливуде – была долго видна с дороги, когда мы уезжали из «Метро Голдвин Меер». Не знаю, как другим моим спутникам, но мне думалось: «Техника техникой, но этого, конечно, мало для настоящего искусства. Высох же в Голливуде лес Тарзана. Вот так же «высыхают», уходят из памяти зрителей дешевые сюжеты подобных картин!»

БОРОДАТЫЕ АМЕРИКАНЦЫ

В лос-анжелосском отеле «Амбассадор» подходил к концу очередной открытый диспут делегации, на котором присутствовали не только городские репортеры, но и прочая желающая публика. Председатель объявил, что теперь он предоставляет право советским журналистам задать несколько вопросов. Посовещавшись, мы обратились к залу: какую лучшую картину Голливуда рекомендуют посмотреть нам собравшиеся? Кто мог ожидать, что вопрос этот внесет такое отчаянное разногласие в американские ряды.

– Про Питера! – неслось из левой половины зала.

– Это им будет скучно, пусть поглядят Марлен Монро...

– Какая же это актриса? – неистово возражал кто-то советчику. – Она же двух слов связать не может!

– Зато фигура, бюст, – выступили в поддержку Марлен.

– «Ночь охотника»! – неслось из зала.

– «Поцелуй меня в затылок»!

– «Американец в Париже»!

Стало так шумно, что мы уже почти ничего не понимали. И вдруг, покрывая все прочие голоса, прокатился над головами истинно русский бас:

– Господа, рекомендую фильм про зайца. Великолепная вещичка!..

Как только окончился киноплебисцит, сквозь толпу окру-

живших делегацию репортеров пробились два плотных, коренастых человека лет по пятидесяти. Их странная для этих мест одежда сразу привлекла наше внимание. На мужчинах красовались цветные косоворотки, сделанные хоть и из найлона, но на русский манер.

– Позвольте представиться, – узнали мы знакомый бас. – Молокане. Русские люди. Душевно рады прибытию вашему на сию землю. Хопров Тимофей Иванович.

– Котов Иван Алексеевич.

Оба говорили по-русски, ударяя, как сибиряки, на «о». Борис Полевой успел шепнуть в нашу сторону:

– Это же чорт знает что такое! Ну, братцы, будет что рассказывать!..

Молокане пригласили нас к себе:

– Самовар поставим, щец покушаете наших, российских. В отношении же «существенного» – не употребляем, по религиозным мотивам, однако в смысле потчевания дорогих гостей и самогонца по чарке будет...

Но отведать в тот вечер молоканского угощения нам не удалось.

Когда мы заявили Эндрю Чихачеву о намерении побывать у них в гостях, он быстренько удалился посоветоваться с мистером Клуххоном. Вернувшись, переводчик заявил:

– Мы не можем разрешить вам этого визита пока...

«Пока» означало, что необходимы консультации с «высшими сферами», кои должны были определить «целесооб-

разность посещения с точки зрения...». Трудно понять, с какой точки зрения, однако нам пришлось перенести встречу на следующий день.

Прежде чем рассказать о ней со всеми подробностями, несколько слов о том, кто такие молокане.

Эти сведения мы почерпнули из небольшого журнальчика, подаренного нам Хопровым и Котовым в день знакомства.

Как говорится в одной статейке этого журнала, первое появление духовных христиан в России относится к XVI веку. В ту пору в Москву из Англии был вызван какой-то лекарь, имя его забыто. Лекарь познакомился с бывшим при дворе тамбовским помещиком. Он стал довольно часто бывать у него, много толковал помещику о библии, которая в то время в России была запрещена. У помещика был слуга, смысленый человек, некто Матвей Семенов (либо Башкин, а иные называют его Долгоматовым). Он разобрался и понял библейскую истину гораздо лучше, чем сам помещик. Скоро слуга стал пренебрегать обрядами греко-русской церкви и не поклонялся иконам. Уклонение Семенова от обрядов заметили, и он принял мученическую кончину через колесование.

Полтора века спустя возникло молоканство как религиозная секта. Основателем ее стал Семен Уклеин.

Сами молокане не знают, почему они называются молоканами. Одни из них говорят, что сектанты в пост ели моло-

ко, другие – что учение свое считают молоком духовным, а третьи утверждают: потому, дескать, что сосланы были наши братья царским правительством на берега реки Молочной, в бывшую Таврическую губернию.

Поскольку все мы не отличались широтой познаний в области деятельности религиозных сект вообще и молокан в частности, могу сообщить лишь самые скудные сведения о причинах появления молокан на тихоокеанском побережье Америки. Дело в том, что молокане, кроме противоборства обрядам, отказывались служить в армии, за что преследовались царским правительством. Часть из них лет пятьдесят тому назад эмигрировала в Америку.

Получив соответствующее разрешение достопочтенных представителей государственного департамента, мы отправились к молоканам.

Везли нас на двух вполне современных автомобилях все те же Хопров и Котов.

– Вот, паря, – рассказывал о своей жизни Иван Алексеевич, – приехал, значит, я в Жилос. Денег нету, опять же ничему не обучен. Маялся не год, не два. А там подошла планида, купил я себе ферму, глядишь, и кару прикупил.

– Многие хорошо прижились на этой земле?

– Э-э... – тянет Иван Алексеевич. – Кто посильнее совладал, а тыщи так и сгнули в нищенском разе. Дык ведь жизнь, она – что молонья: кого минует, кого пацалует.

Передаю без изменений говор Ивана Алексеевича. По-ан-

глийски он объясняется вполне грамотно, как современный образованный человек, а русский язык у него – дикая, глухая дореволюционная деревенщина. Так и у других молокан. Они будто застыли в том виде, в каком когда-то покинули русскую землю.

– А Расея эка грянула! – не умолкает Иван Алексеевич. – Застит глаза от ужаста аграмадной ее силищи и сподвижности. Во бы, паря, хучь глазком глянуть на матерю-землю!

Машины, пробежав километров тридцать за Лос-Анжелос, остановились возле одноэтажного, но большого дома – молитвенного пристанища молокан.

Вошли – и глазам нашим предстало необычайнейшее зрелище. В ярко освещенной комнате находилось человек двести-триста народу. Стояли они в несколько рядов, образуя ровный квадрат. Женщины были одеты в белые шелковые платья, как на свадебном гулянье где-нибудь в Зауралье. На мужчинах плотные яловичные или хромовые сапоги, косоворотки не ярких, чаще голубых и розоватых оттенков. Седые бороды стариков блестели в свете сильных электрических ламп, напоминая по цвету хлопья молодого, только что выпавшего снега. Иные мужчины и помоложе носили бороды лопатой. Пахло, как и полагается в таком случае, сапожной мазью, кислой капустой да тонким вкусным, щекотавшим ноздри запахом ржаного хлеба.

У молокан происходил торжественный обряд – крещение детей. По комнате ходили матери с младенцами на руках.

Тихим, будто колыбельным пением славили молокане детей. Потом поочередно отцы и матери новорожденных перецеловались с друзьями, близкими, и обряд вступил в новую стадию: началось многоголосое красивое пение.

Иван Алексеевич объяснил:

– Вдоль одной стены стоят просвители и старцы, справа хор, слева действеники, супротив старцев – действеницы.

Песня сменялась песней без секундного перерыва.

– Да ведь они же «Катюшу» поют! – определил Бережков. – Прислушайтесь!

Молокане действительно пели «Катюшу»: вернее, какой-то священный псалом на мотив «Катюши». «Чудеса» продолжались. Мы узнавали все новые и новые мотивы наших популярных песен: «Распрягайте, хлопцы, коней», «И кто его знает». В последней песне мы даже слова разобрали:

Господь призывает,
Весь мир пробуждает:
Вставай, поднимайся,
Святой, молодой народ!

Пресвитор одной из молоканских церквей – беззубый, живой старикан Алексей Агапович Валов молвил, глядя на нас:

– Ндравится господам пение молоканское?

– А кто вам музыку пишет? – спросил Грибачев.

– Свои песельники, свои, касатик! Хоть и нотам не обучены, а, вишь, славные напевы понапридумали!

Мы не стали разубеждать хозяев. Видно, и их «композиторы» научились сочинять песни, не отходя от радиоприемников. А пение между тем становилось все громче, лица собравшихся покраснелись, глаза сверкали лихорадочным огнем. Воздев руки к потолку, то один, то другой певец начал подпрыгивать, будто готовился пуститься в лихой перепляс.

– На этих снизошла уж святая благодать, – пояснил Валов, – вот они и скочут. Отсюда и названия наша, – молока-не-прыгуны.

Скоро начали подпрыгивать все певцы и певицы. Пол лопнул под дружным топотом ног, а песня с подвыванием, присвистом, улюлюканьем металась меж стен, клубилась и, не находя выхода наружу, заставляла дребезжать электрические лампы, стекла окон, да и сами стены.

– У меня скоро лопнут перепонки, – проговорил Полторацкий, как всегда, спокойно, будто в соседнем магазине он мог, в крайнем случае, купить себе новые.

– А ты открывай рот, как при артиллерийских салютах, – тут же нашелся Грибачев, всегда немедленно приходивший на помощь со своими советами.

Однако открывать рот во имя спасения барабанных перепонок не пришлось. Резко, как подкошенная острой кошой травинка, оборвалась песня. И сразу комната наполнилась будоражным, нестройным шумом. Сломалось квадратное построение, из соседнего помещения выдвинули столы,

и скоро все сидели за общей трапезой. Главный пресвитор Давид Петрович Милосердное представил нас молоканам. Он попросил нас сказать несколько слов. Мы поблагодарили хозяев за приглашение, за хорошие, добрые слова о Советском Союзе. Как по конвейеру, были переданы на столы капуста, черный хлеб, большие горячие чайники. Своеобразная закуска сменилась поданными в чашах натуральными русскими щами. Сознаемся: после ярких, красивых на вид, но почти всегда пресных и безвкусных американских блюд щи явились для нас первостатейным лакомством. Полторацкий, хотя у него и побаливали перепонки, съел чашки три, к удовольствию гостеприимных хозяев. За столом, естественно, шел разговор о нашей стране. И хоть давно покинули молокане русскую землю, кое-кто забыл названия своих деревень, хоть дети их путают русские слова с английскими, а иные и вовсе забыли русскую речь, неистребимо засела в сердцах многих из них тоска по родной земле. И сильнее она становится с каждым днем еще и потому, что все больше добрых вестей слышат они о Советской стране.

Провожая нас, пресвитор просил делегатов низким поклоном поклониться русским березам, московским улицам, всей необъятной российской вольнице.

– Стали мы американцами по образу жизни, по законам, да и по взглядам нашим. Однако не позабыть нам вовек, откуда вышли мы, с какой земли, по какой печали. И будем мы по нашим молоканским заветам берегчи эту сердечную

память.

Возле дома стояла толпа молодежи, не попавшей на торжественный обряд. Широкие русские лица, светлые, как лен, волосы. А были перед нами Джимы, Джеки, Мэри, Пегги. Тараща любопытные глаза на гостей, они о чем-то быстро переговаривались по-английски. Грибачев обратился к веселой курносой говорунье. Она «ойкнула», закрыла лицо ладошками и с сильным акцентом проговорила: «Нэ пойнмай». Подружки и пареньки вокруг нее засмеялись. Один из пареньков как бы заступился за нее:

– Мы американцы, русский забыли...

Парень ловко сплюнул шелуху от семечек на землю, подхватил под руки двух девиц и гордо двинулся на улицу. Мы подошли к машинам. Вслед нам донеслась лихая, заливи́стая частушка:

Меня милый разлюбил,
Он сватов заворотил.
Буду в девках век ходить
И всех мальчиков любить.

Нам трудно было удержаться от смеха, тем более, что пелось это бесхитростное фольклорное произведение по-английски. И слышали его высокие остролистые пальмы, темное, усыпанное крупными южными звездами небо над американским городом Лос-Анжелосом.

ДОМИК НА БЕРЕГУ ОКЕАНА

С веранды этого маленького домика открывается необозримый простор Тихого океана. Справа и слева от него как бы опрокидываются в голубовато-серую, издали спокойную воду гигантские, поросшие кряжистым лесом горы. Осень, но лес еще не успел сменить своего убора. Только кое-где вкраплены в его зеленые разводя золотисто-красные пятна. Тихо кругом. Океан, такой величественный и вместе с тем такой по-человечески теплый и ласковый, безмерно высокое небо и то, что домик спрятан в расщелине скалы и его почти не видно с дороги, – все говорит: хозяин домика искал удобное место для трудов и раздумий.

Мы ехали к домику около часа. Вначале, как только двинулись из Лос-Анжелоса, наши машины шли в густом потоке автомобилей, которые летели по шоссе справа и слева в несколько рядов. Потом мы свернули на узкую серую ленточку маленькой дороги и за весь путь уже не встретили ни одного автомобиля. Поездка, о которой я сейчас рассказываю, произошла у нас после довольно резкого разговора с представителями госдепартамента Френком Клукхоном и Эндрю Чихачевым. Еще до приезда в Лос-Анжелос мы сказали им, что неподалеку от города, на американской земле, живет в одиночестве известный писатель Лион Фейхтвангер и мы хотим повидать его. В Лос-Анжелосе мы повторили на-

шу просьбу.

– Э-э, нет, – как всегда, с прохладцей ответил мистер Клухон. – Пусть лучше этот парень приедет к вам. Я не знаю, кто он точно, но, по досье, Фейхтвангер числится красным.

Почувствовав наше удивление, Клухон сказал:

– Да, да, его имя около сорока раз упоминается в отчете комиссии сената штата Калифорния по расследованию антиамериканской деятельности. Лично я не читал его никогда. Но если комиссия высказывается так строго, я решительно запрещаю поездку к нему.

Мы ответили господам из госдепартамента, что знакомство с произведениями всемирно известного писателя – их личное дело, но мы требуем, чтобы они связались со своим начальством и заявили ему о желании советских журналистов во что бы то ни стало побывать у Лиона Фейхтвангера. Мы заметили также, что Лиону Фейхтвангеру семьдесят один год и просить, чтобы «этот парень» приехал к нам, невежливо. Мы люди более молодые, и с охотой сделаем это сами.

Не знаем, какие консультации провели представители госдепартамента со своим начальством, только на следующий день они появились перед нами с красными глазами, что, конечно, свидетельствовало о бесконечных ночных телефонных разговорах с Вашингтоном.

Мистер Клухон сказал:

– Ну что ж, поезжайте. Я не запрещаю вам этого. Однако имейте в виду, что пикетчики могут встретить вас и там. Они вольны проводить свое пикетирование где угодно.

– Но пока еще никто не знает, куда мы собираемся ехать, – простодушно ответили мы мистеру Клукухону. – Если встретятся пикеты у дачи господина Фейхтвангера, значит сведения о маршруте дал этому сброду кто-то из сопровождающих нас лиц?!

Логика таких рассуждений, видимо, поколебала намерения представителей госдепартамента. Когда мы подъехали к местечку Пэсифик-палисайдс, к тому самому маленькому домику на берегу Тихого океана, с которого я начал свой рассказ, около него не было ни одной живой души.

Пройдя старенькой гранитной лестницей вниз, к океану, мы очутились возле парадной двери. Позвонили. Дверь открыла молодая женщина в простом, скромном платье, в вязаной курточке. Она любезно пригласила нас в гостиную.

– Господин Фейхтвангер сейчас придет. Он ждет вас с нетерпением. Сегодня поздно вечером он уезжает в Нью-Йорк. Ему хочется успеть подольше поговорить с вами, – и женщина предложила нам сесть.

В гостиной всюду были книги. Казалось, здесь нет стен и вместо них стоят книжные полки; вид старых, много раз побывавших в руках томов рождает задумчивое настроение.

Вошел Фейхтвангер. Он держался очень бодро. Сквозь стекла очков были хорошо видны светлосерые, быстрые,

улыбающиеся глаза писателя. Фейхтвангер подошел к нам и поздоровался, как со старыми, приятными ему друзьями.

Одет он был очень просто: бежевый пиджак из грубой шерсти, коричневые на желтой толстой подошве туфли. Чувствовалось, что в осенние дни он любит одеваться тепло и удобно.

Писатель сразу же засыпал нас десятками вопросов: что нового в Советском Союзе, какие издаются книги, продолжают ли читать его романы? Борис Полевой рассказал хозяину о том, что в нашей стране не только не забыты его замечательные произведения, но что совсем недавно вышел роман «Гойя». Я подошел к Фейхтвангеру и сказал, что молодежь нашей страны чтит его талант, знает его книги.

– Вы сказали мне о советской молодежи. Я давно не был в вашей стране, но на всю жизнь запомнил вашу молодость, – ответил Фейхтвангер. – И я лишь могу повторить то, что говорил о ней когда-то.

Сейчас, когда я пишу эти строки, мне хочется привести здесь одно из высказываний Лиона Фейхтвангера о молодежи Советского Союза; оно было сделано им около двадцати лет назад:

«Какое счастье, имея столь печальный опыт, встретиться с молодежью, которой суждено сорвать первые плоды советского воспитания, с молодой интеллигенцией из крестьянской или пролетарской среды! Как прочно, спокойно, уверенно стоят они в жизни; они чувствуют себя органической

частью глубоко осмысленного целого. Будущее лежит перед ними, как ровная дорога среди красивого ландшафта. Выступают ли они на собрании, ведут ли дружескую беседу с глазу на глаз – простодушная горячность, с которой они говорят о своей счастливой жизни, непосредственна, искренна. Слова, струящиеся из уст, выражают то, чем полны их сердца. Когда, например, молодая студентка политехникума, которая еще несколько лет назад была работницей, говорит мне: «Вот, несколько лет назад я не умела написать по-русски правильно ни одной фразы, а сегодня смогу беседовать с вами на сносном немецком языке об организации американского автозавода», или когда деревенская девушка, пылая от радости, заявляет на собрании: «Четыре года тому назад я была неграмотна, а сегодня могу рассуждать с Фейхтвангером о его книгах», я знаю – такая гордость вполне законна: она возникает из столь глубокого удовлетворения и советской действительностью, и положением оратора в этом мире, что ощущение счастья передается даже слушателю».

Уж не за эти ли слова занесли Фейхтвангера в списки «красных»? Но ведь в «свободной Америке» каждый может, как заявили нам представители госдепартамента по поводу пикетчиков, смело высказывать свои взгляды!

...Лион Фейхтвангер приглашает нас в рабочий кабинет. На ходу он рассказывает о своих книгах:

– Мою первую библиотеку конфисковали в Германии, вторую – в Париже. И вот я собрал третью. В ней двадцать пять

тысяч книг. Я очень люблю книги, и особенно первые издания. У меня первое издание английского перевода Плутарха, старинное издание Софокла, одно из первых изданий Шекспира, первые издания Гёте и Шиллера. Книги дают человеку тысячи других жизней, и он становится богаче...

Мы входим в кабинет писателя. Просторная комната. В центре, составленный из четырех маленьких столиков, стоит большой письменный стол. Да, это письменный стол писателя, это его рабочее место.

Вдоль стен стоят старые, обитые потертым золотистым бархатом кресла и диван. Несколько маленьких светильников вделано в стену, вернее – в книжные шкафы. Мы стоим молча в кабинете и смотрим то на Фейхтвангера, то снова на письменный стол и на книги, книги... Сколько планов, сколько мыслей, сколько слов слышали стены этой комнаты!.. Здесь, в гостях у Лиона Фейхтвангера, бывали Томас Манн и другие известные писатели. Здесь и сейчас рождаются горячие строчки, и потому в комнате хочется запомнить многое. Ведь мы чтим писателя-труженика, даже если не все принимаем в его творчестве, даже если что-то вызывает наши возражения.

Фейхтвангер рассказывает о своих творческих планах. Он пишет сейчас роман «Яфет и его дочь».

– Это библейское повествование, – говорит он, – но, так сказать, антивоенный роман. Роман о том, как солдат становится Человеком, о том, как в Человеке происходит боре

страстей.

Фейхтвангер рассказывает о своих новых пьесах: одна из них о Марии Антуанетте, другая – о Салемском процессе, называется «Погоня за ведьмами в Бостоне». Эти произведения тоже исторического плана, но и в них поставлены животрепещущие проблемы современности.

Мы спрашиваем у писателя, много ли он работает каждый день, много ли успевает написать.

– О, он делает заметки даже ночью, – отвечает за Фейхтвангера его жена. – Он совершенно одержимый человек.

Сам Фейхтвангер прибавляет:

– Мне семьдесят один год... Я должен рассчитать не только каждый день или час, но каждую свою минуту, потому что я хочу еще кое-что успеть...

Вспоминаем, что Фейхтвангер сегодня должен уехать. Тепло прощаемся с ним, желаем ему успехов и в творчестве и в жизни. А он шутит:

– Все придет, если будут силы держать перо.

Еще раз пожимаем руку большому и мудрому человеку. Розовый закат горит над океаном. А лес в лучах заходящего солнца кажется теперь совсем золотым, как будто за несколько часов пришла сюда, в этот край, поздняя осень.

На следующий день в газетах было подробно рассказано о нашем визите к Лиону Фейхтвангеру. Какой-то американский репортер написал: «Советские журналисты, конечно,

сделали правильно, когда они поехали к Лиону Фейхтвангеру. Они должны встречаться в Америке не только с миллионерами, но и с писателями».

Да, мы, конечно, стремились встречаться не только с миллионерами, но и с писателями. И мы не имели права не повидаться в Америке с большим писателем нашего времени Лионом Фейхтвангером, невзирая на то, что в досье некоторых американских комиссий и заведены на него «особые дела».

НА ОБРАТНОМ ПУТИ

АМЕРИКАНСКАЯ ГЛУБИНКА

Когда подошли к концу дни пребывания в Лос-Анжелосе, любопытные городские журналисты поинтересовались, куда двинется делегация дальше.

– В Феникс?! – удивился долговязый репортер светской хроники «Лос-Анжелос таймс».

– Но это же совершенно не знаменитый город, – прибавил его коллега. – Разве что ковбои? Но родео куда веселее в Сан-Франциско, а вы ведь видели его там.

Эти несколько фраз только укрепили нашу решимость лететь именно в Феникс. Хотя мы понимали, что и там делегации покажут все с парадной стороны, но одно дело парад, скажем, в Лос-Анжелосе, другое – в Фениксе, в такой американской глубинке, лежащей в стороне от туристских дорог. Единственно, что привлекает сюда путешествующую публику, – знаменитый Гранд коньон: ущелье, пробитое рекой Колорадо на сотни миль, да целебный воздух, который, как говорят, необыкновенно помогает больным астмой.

На аэродроме нас встретил мэр Феникса. Он сам управлял небольшим и недорогим автомобильчиком; автомобильчик мэра выглядел куда скромнее, чем даже у репортеров нью-

йоркских газет. Мэр оказался словоохотливым человеком и всю дорогу безумолку рассказывал о Фениксе. Не доехав до гостиницы, мы уже знали, что город молодой, скоро ему исполнится семьдесят шесть лет, что возник он подобно сказочной птице Фениксу из пепла, – вернее, из песка, поскольку в прошлом здесь была полупустынная, выжженная солнцем безводная степь.

– Вода до сих пор дается нам нелегко.

Мэр резко поворачивает баранку руля, съезжает на обочину. Вдоль дороги в бетонированном метровом канальчике бежит мутный желтовато-бурый поток.

– Эта вода для полей и промышленности. Питьевую получаем по трубам за девяносто миль отсюда, – и мэр снова сворачивает на шоссе.

Дорога тянется степью. Огромные кактусы, пальмы покрыты толстым слоем пыли, даже низенькие деревянные домики и те будто обрызганы из пульверизатора серой краской. Хотя все залито обильным, совсем не ноябрьским солнцем, картина окрест какая-то не радостная, не яркая.

Остановились мы в гостинице «Держи путь на Запад». Название ее сохранилось с тех времен, когда город был перевалочным пунктом для тех, кто торопился поймать свою счастливую долю на золотых, манящих, неизвестных землях Калифорнии. Мэр, пока мы ждем номеров, хлопчет возле делегации.

– В штате, говорят, много ковбоев? – спрашиваем его.

– О, для вас, – ведь вы были в Сан-Франциско, – видеть здесь их менее интересно. У нас больше драгстор-ковбоев. Одедся, как лихой всадник, – глядишь, заработал доллар.

– А что же такое драгстор-ковбой?

Мэр замялся, подыскивая подходящее сравнение.

– Говоря откровенно, поддельный, аптечный, опереточный, – и мэр рассмеялся, предупреждая всем своим видом: «Не попадитесь на такого».

Дня через два, что называется лицом к лицу, столкнулись мы с драгстор-ковбоем. Случилось это после прессконференции в местном клубе журналистов. «Э, нет, ковбойской одеждой меня не проведешь», – решил я, когда ко мне подошел красивый высокий блондин в замшевой рубаше цвета кофе с молоком, расшитой по воротничку и манжетам кожным шитьем. Тонкую талию молодого человека туго стягивал пояс, на серебряной пряжке которого дыбилась медная фигурка лошади. Молодой человек приветливо протянул руку:

– Боб Доннелли.

«Ну вот, он даже не называет своей профессии».

– А это моя жена Ирэн, – и драгстор-ковбой познакомил меня с миловидной шатенкой. У нее были большие, в форме звезд, индейской работы серьги в ушах.

Разговорились. Оказалось, молодой человек – актер по профессии. Но так как найти место в Америке драматическому артисту в театре невозможно, – даже в больших горо-

дах США нет постоянных трупп, – ему пришлось пойти работать в телестудию.

– А почему же вы в рубахе ковбоя?

– А я драгстор-ковбой. Людям нравится эта одежда, вот я и ношу ее. Чего не сделаешь для рекламы! Ведь моя обязанность семь раз в сутки на виду у всех жителей Феникса чистить зубы хлорофилловой пастой фирмы «Голгейт Пел-молит компани».

– Вы актер, это же занятие не для вас?

– А еда мое занятие?! Телевизор живет за счет рекламы, и его хозяева мало думают об искусстве.

– Хорошее было время, когда ковбои совсем не чистили зубы! – печально улыбаясь, заметила Ирэн. – Скажите, – миссис Доннелли была в нерешительности, – в вашей стране женщинам-актрисам не приходится раздеваться в ночных клубах на потеху зрителям?

Я ответил, что держателя такого клуба в нашей стране надолго запрятали бы в тюрьму, по закону.

Ирэн молчала. Но глаза ее передавали: а жаль, что нет такого закона в Соединенных Штатах! Неожиданно Боб снял пояс и протянул его мне:

– Вы сказали, у вас есть маленький сын. Подарите ему от меня этот ковбойский пояс. Пусть, когда мальчик подрастет, вспомнится ему Боб Доннелли. Если у меня к тому времени не выпадут все зубы, я еще сыграю в театре роль настоящего ковбоя, и Доннелли перестанут называть драгстор-ковбоем,

потому что это очень обидная для маленького, бедного человека кличка.

Мне показалось, что Боб с трудом выговаривает последние слова, как если бы ему не хватало воздуха. Он стиснул руку почти вызывающе крепко и коротко бросил Ирэн:

– Идем!

Боб Доннелли вынужден семь раз в сутки чистить зубы, подвизаясь рекламным агентом фирмы по производству зубной пасты. После беседы с ним стало более объяснимо все, что мы видели в Лос-Анжелосе, в центральной студии телевидения. Как и в Фениксе, реклама там вытеснила с экрана телевизора все; как и в Фениксе, бизнесмены подчинили, купили актеров, заставили их чистить зубы, примерять подтяжки, а главное – до хрипоты в голосе рекламировать автомобили.

В зале лос-анжелосской студии телевидения происходило странное действие. Хорошие драматические актеры, талантливые певцы, танцоры исполняли свои номера то в одном, то в другом автомобиле. Открытые, закрытые, спортивные, полугрузовые машины беспрерывно выкатывались на эстраду и начиналось:

– Купите «кадиллак»! Купите «шевроле»! Ой, купите! Ах, купите!

Писатели пишут сценарии об автомобилях, актеры произносят нежные монологи об автомобилях. Можно потерять сознание, упасть в обморок, глядя на всю эту «автомобиль-

ную вакханалию». Мне не довелось поговорить в Лос-Анжелосе ни с Френком Лайном, которому приходится тратить свой приятный баритон на песенки «Купите машину», ни с веселым комиком Джеком Бени, который расточает свое остроумие рулям, покрывкам и брезенту «кадиллака», но я говорил с Бобом Доннелли и знаю теперь, почему им приходится это делать.

Американцы гордятся техникой своего телевидения. Линии телевидения связывают города Соединенных Штатов. Но изображение передается частотой в триста двадцать пять строк, что почти в два раза ниже, чем в нашей стране. Экраны в Америке чуть больше экрана нашего «Темпа», но смотреть передачу трудно: изображение расплывчатое, не четкое. Однако все – и достоинство и недостатки техники – сущие пустяки перед тем, что в американском телевидении нет и грана искусства.

Помню, Николай Грибачев остался как-то в номере лос-анжелосского отеля и просмотрел всю вечернюю программу. «Серебряная кошка», естественно, не могла видеть вместе с Грибачевым этой передачи, но она стала «черной кошкой», как только Николай Матвеевич рассказал нам все, что пережил.

– Даже снятый по заказу студии фильм прерывался двенадцать раз в самых острых местах, – говорил Грибачев, – а на экране появлялись автомобили, жевательная резинка, мыло...

– Так тебе и надо! – шутил Софронов. – Зато ты теперь лучший знаток американских автомобилей.

Грибачев заткнул уши и закачал головой: он не мог слышать этого слова. Впрочем, так же, как и мы.

Видно, американцы плохо покупают автомобили, коли так много и громко кричат о их достоинствах кино, радио, телевидение. И как тяжело, должно быть, актерам зарабатывать деньги, играя веселых и щедрых покупателей!

В Фениксе мы встретили людей, которые тоже для зрителей целый день «играют свою жизнь», хотя они давно не живут ею. Ноябрь – месяц выставки штата. На ней отведен уголок, где раскинулся своеобразный экспонат – индейское поселение. В глинобитных мазанках и шалашах женщины-индианки ткут ковры, плетут корзиночки, выделывают кожу; мужчины-старички режут из дерева детские игрушки. Неподалеку от жилья два индейца рисуют на песке замысловатый узор. Оказывается, это священное действие: рисунок по религии индейцев спасает поселение от злой напасти. Они меняют его линии каждые сутки и тем останавливают чудовище, боящееся своеобразной песчаной иконы.

В Фениксе, по распоряжению госдепартамента, нас окружила шестерка старцев и старух, говорящих, правда плохо, по-русски. Они выдавали себя за «страдальцев по земле русской». Так вот один из них, сумрачный матерщинник, в прошлом сибирский купец, головорез, глядя на работающих индейцев, зло процедил:

– Ленивые, страх как ленивые! И зачем только живут на земле?

Бесполезно было вдаваться в споры с этим типом. Мы подошли к старой индианке. Лицо ее, широкое, открытое, порезанное глубокими следами морщин, не выдавало никаких чувств, как если бы перед женщиной никто не стоял.

– Чего хотят белые? – спросила старуха.

Она произносила английские слова медленно, с трудом.

– Они русские, – сказал кто-то из толпы, моментально окружившей нас.

– Русские?! Я слышала про их землю.

Индианка подошла к нам поближе.

– Я из племени апачей. Меня зовут Нелли Куэйл – что означает Фазан. Резервация апачей – Форт Мета – тридцать миль севернее Феникса. Там двести человек наших, но они живут далеко друг от друга.

Старуха выговорила это быстро и замолчала. Большого сообщать на выставке иностранцам, да еще из Советского Союза, явно не полагалось. Нам очень хотелось сняться вместе с Нелли Куэйл.

– А вы не побоитесь быть на картинке со мною рядом? – удивилась она. – Ведь про индейцев говорят, что они страшные. Нет?! Я знаю: на ваших землях людей не пугают людьми.

Мы сделали несколько снимков. Рядом оказался один из шести «прикрепленных» к нам русских – Александр Райзин,

низенький, плешивый, с выпученными глазами алкоголика; от него и сейчас несло винным перегаром. Александр Райзин – член двадцати шести клубов, почетный председатель всех городских благотворительных контор – словом, общественное лицо города. Он снисходительно заговорил с индианкой. Но она отвечала ему отрывисто и нехотя. Дабы не опозориться перед советскими журналистами, он замолчал и юркнул в толпу.

– Ве-ли-колепный народ! – объявился Райзин возле автобуса. – Нежный, тихий. А как любит нас?! Индейцы выбрали меня защищать их интересы в правительстве штата.

– А что, самим индейцам это не под силу?

– Нет, знаете, но важно знание законов, ситуаций. Я ведь член двадцати шести клубов. Там скажешь слово, тут попросишь, авось бедным и перепадет кое-что.

Александр Райзин развивал свою точку зрения на защиту прав индейцев так увлеченно, что мы решили не перебивать его.

– Они даже дали мне индейское имя, – закончил он свою речь.

– Как вас называют индейцы?

– Смок Клоуд.

В переводе это означает «Копченая Туча». Александр Райзин даже не чувствовал той иронии, что скрывалась за вторым его именем. А ведь неспроста невесело прозвали «защитника прав индейцев» остроумные апачи из Форта Меты.

Перед въездом на выставку висит рекламка: изображение улыбающейся морды поросенка, и подпись под ней: «Вот это и есть жизнь!» Александр Райзин и тут не преминул пофилософствовать. Неожиданный случай заставил его замолчать. Он раскрыл газету и увидел снимок. Возле большого магазина стояли люди с плакатами, на которых было написано: «Забастовка. Не покупайте в этом магазине, если вам жаль тех, кто зарабатывает слишком мало». Райзин вяло улыбнулся, свернул газету и «случайно» уронил ее за борт открытого автобуса. Копченая Туча, наконец, замолчал.

Делегация так устала от непрерывного присутствия «шестерки русских», что мы чуть не крикнули «ура», когда нам сказали, что во время полета над Гранд коньоном в самолете их не будет.

Через десять минут полета скрылся в тучах пыли Феникс. Сильный ветер ощутимо покачивал самолет. Пилот Дейл Веллинг, рядом с которым я присел, чтобы сделать из кабины несколько снимков, сказал:

– Гранд коньон – седьмое чудо света. Его глубина около тысячи семисот метров, длина триста восемьдесят километров, а ширина от шести до двадцати семи километров в разных местах. Через час будем на месте.

Величественная картина развернулась вскоре под крылом самолета. Река пробила, прогрызла в желто-бурых, красных, серобелых породах гигантское ущелье. Порода оседала, ломалась, рушился пласт на пласт. Казалось, сильнейшее зем-

летрясение заставило землю не только треснуть, но и закружило в пляске скалы, валуны, а теперь они застыли неподвижно, напоминая то египетские пирамиды, то головы каких-то языческих богов, то осевшие под тяжестью времени крепостные стены с островерхими зубцами по краям.

– Хорошо?! – Дейл чуть послал штурвал вниз, от себя, и самолет «клюнул» в пасть ущелья.

Если бы на берегу пропасти стоял человек и смотрел прямо перед собой, он мог бы не заметить самолет. Гранд каньон образовался на ровном, будто покрытом зеленой мохнатой скатертью леса плато. Дейл отдал рули второму пилоту. Мы вышли с ним из кабины. Он вытер платком капельки пота на лице.

– Кому красота, а кому чортов полет! Самолет большой, только и думай, что зацепишь крылом за горку.

Пилот откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза:

– А в газетах напишут что-нибудь завлекательное: «Пилот Веллинг и все пассажиры искупались в Колорадо по причине отказа моторов». Эх!.. – и Веллинг взглянул в нашу сторону, как будто мы были не те, кто мог искупаться в Колорадо вместе с ним, а те, кто уже диктует сенсацию в газету.

Внизу все еще топорщились скалы. Но мы уже вылетели из основного ущелья. Серая ленточка реки кажется беспомощным ручейком, несильным и наполовину пересохшим. И как это смогла Колорадо устроить такое? Воображение отступало перед вечными грозными силами природы, перед

временем. И только вспомнилась какая-то восточная мудрость: «И капля может победить скалу».

На аэродроме нас ждал Копченая Туча. Но ему положительно не везло. Возле аэродромной решетки ходили люди с плакатами: «Забастовка авиационных механиков». Эта забастовка продолжалась долго. Когда мы покидали Америку, она еще не окончилась, хотя к этому времени была уже свернута выставка штата Аризона, где на рекламном щите под мордочкой аппетитного поросеночка было написано: «Вот это и есть жизнь!»

Нет, недаром заехала делегация в Феникс, в провинцию! Нравы и обычаи некоторых представителей американского общества здесь проявлялись более заметно: сказывалось отсутствие дипломатической тренировки.

Завтракали мы как-то вместе с американскими господами. Должен сказать, что среди них не было ни мистера Митчела – председателя городского комитета по приему советских журналистов, ни Ван Дайка, члена комитета. Они остались в нашей памяти более приятными людьми. Завтрак подходил к концу. Вдруг краснощекий мистер, резко пристукнув ладонью по столу, крикнул:

– Эти черные!..

Он выговорил по отношению к негру-официанту нечто такое, чего я не могу повторить в присутствии «серебряной кошки». Анатолий Софронов удивленно взглянул на мистера. За столом стало тихо, – все почувствовали себя неловко,

кроме краснощекого. Он продолжал жевать мясо. Софронов обратился к соседу:

– Мы бы хотели прекратить завтрак, так как не желаем сидеть за одним столом с расистом.

– О, я прошу вас не делайте этого! – зашептал американец. – Господина Лея вы не перевоспитаете, а он грубиян и наделает шуму.

А г-н Лей дожевал мясо, прополоскал глотку водой со льдом и обратился к нам:

– Теперь сыграем в карты!

Чтобы деликатно отделаться от предложения, отвечаем:

– Мы гости, и вы не захотите нас обыгрывать...

– О нет, – краснощекий раскачивался вместе со стулом, – я с удовольствием обыграю вас. Я не боюсь брать за карточный долг даже штаны и продаю их. Деньги не пахнут. А я хочу иметь много денег, чтобы покупать все!

Вспомнив, что нас ждет мистер Митчел, с которым мы должны были ехать на ферму, извинились и, не подав руки краснощекому, вышли на улицу.

Путь на ферму лежал возделанной долиной. Апельсиновые деревья, покрытые золотыми шарами плодов, тянулись вдоль всего нашего пути. Рощи придавали окрестностям сказочный вид, и недаром эти места называют «Долиной Рая». Впереди высились горы. Одна из вершин напоминала спину верблюда. Пятьсот тысяч гектаров богатейших земель принадлежат в долине крупным фруктовым компаниям. Их го-

довой доход превышает миллион долларов! Когда-то этой землей владели индейцы из племени пимов.

Им «оставили» сейчас всего шесть тысяч гектаров, да и те беспрерывно урезают. Индейцы покидают хорошие, снабженные водой угодья, а в газетах пишут, что подобные меры «продиктованы заботой о земледелии штата».

Ранчо Брузан, где мы вскоре оказались, знаменито арабскими лошадьми. Нас встретила возле беленького, крытого цветным шифером домика Флоренс Дохерти – стройная худенькая женщина в одежде ковбоя. Муж ее, Гарольд, объезжал лошадь. Пока ждали его, осмотрели домик. В комнате Дохерти была масса призов: кубки, жетоны, вазы, вымпелы – награды за арабских чистокровок.

Приехал из степи Гарольд. Его ковбойский наряд отличался от тех, что носят богатые скотопромышленники. Синие холщовые брюки, пропыленная рубаша из толстой бумажной ткани, старая, загнутая с боков шляпа. Двадцать семь арабских лошадей на ранчо, почему же так бедно одет хозяин?

Оказалось, что Флоренс и Гарольд Дохерти не владельцы ранчо. Хозяин Эдвин Туит живет в пяти милях отсюда, в богатой вилле. Флоренс и Гарольд его работники. Он платит им обоим за круглосуточную работу триста пятьдесят долларов в месяц.

Флоренс вывела из конюшни красавца жеребца по кличке Скорадж. Хозяин отдал за него двадцать пять тысяч долларов! Флоренс пошутила:

– Эта лошадка стоит хозяину в день больше, чем мы с мужем. Неизвестно, кому живется лучше.

У домика Дохерти мы повстречались с мистером Бредфордом – он ухаживает за коровами, тоже принадлежащими Туиту. Кенес Бредфорд – молчаливый, сумрачный человек. Он рассказал, что до 1947 года сам имел ферму, но... заболел, и пришлось продать землю. Приехал сюда.

– Теперь ферму трудно завести, – глядя куда-то в сторону, медленно проговорил Кенес. – Хорошо, что хоть устроился на чужую. А своя была, да нет...

Приподняв шляпу, Кенес зашагал прочь. Подумалось: «Какой же он большой человек, этот двухметровый богатырь?» Но не в болезни дело: за последние годы в США усиливается процесс разорения мелких фермеров.

Вот некоторые данные. В период с 1940 по 1954 год, то есть за четырнадцать лет, около одного миллиона трехсот тысяч фермеров США разорились, лишились своей земли и вместе с семьями устремились в города, надеясь найти там работу, либо стали «бродячими фермерами». Только за последние четыре года количество ферм в США сократилось на шестьсот тысяч.

Вернулись с ранчо Брузан во второй половине дня. В гостинице нас ждало приглашение на вечер молодежи. Так как нам не предоставляли возможности подолгу разговаривать с американскими юношами и девушками, было решено, что Валентин Бережков и я непременно побываем на этом вече-

ре.

Попали мы на странный вечер. Его проводила молодежная торговая палата города. Что это такое? Я уже рассказывал коротко о деятельности «взрослых» торговых палат; молодежная торговая палата – это обучение бизнесу, предпринимательству, путаной и рискованной игре на бирже начинающих дельцов. Принимаются в молодежную торговую палату лица, имеющие свои акции. В Америке существует две тысячи восемьсот таких молодежных торговых палат. Главное в их деятельности «прикрывается» заботой о досуге молодежи. Тут и чтение вслух перед началом собрания душевительных заветов о любви к ближнему, и выступления артистов из кружков самодеятельности, и запись в различные кружки: от кройки и шитья до авиационного. Богатая американская молодежь под руководством капиталистов набивает себе руку.

**Мистер Перри торгует
автомобильчиками на улице.**

У здания сената.

Детектив Большой Том (в центре) ни на шаг не отставал от советской делегации.

В гостях у Лиона Фейхтвангера

Домик Вашингтона.

Калифорнийский университет.

Поль Робсон подарил каждому из нас свою фотографию.

Собрание, на котором мы побывали, посвящалось награждению победителей всеамериканского конкурса «Голос демократии», а проще сказать – конкурса по пропаганде «американского образа жизни». Юные бизнесменчики под руководством попов готовят пятнадцатиминутные речи о прелестях американского бытия. Они зачитывают их перед комиссией, и та присуждает премии – «статуэтки свободы». Награждается и ментор, наставник отличившегося оратора, чаще всего священник. Когда были розданы призы, председательствующий объявил, что получено приветствие от городского банка. Приветствие оригинальное – по двадцать пять долларов в конверте каждому призеру. Вот тебе и «голос демократии»... за небольшую мзду! Недаром с таким рвением и охотой вставляют в свои речи юные ораторы фразы о «железном занавесе» и «опасности с Востока». «Деньги не пахнут», – как говорил краснощекий спекулянт Лей.

Деньги не пахнут! Перед приездом делегации в Феникс с провокационной речью в городе выступил «неизвестный», выдававший себя за советского журналиста. Впрочем, история эта настолько «своеобразна», что стоит привести полностью заметку, опубликованную в «Феникс газетт»:

«Как это видно из статей и писем, опубликованных в нашей газете в последние несколько недель, визит русских журналистов, находящихся сейчас в Фениксе, не находится целиком в том духе гостеприимства, который традиционно считается западным и американским. Мы живем не в том мире – с его безопасностью и сердечностью, – который существовал раньше, до того, как бомбардировщик дальнего действия и ядерные бомбы заставили всех нас теснее прижаться к зеленой траве. От приветствий «Добро пожаловать, чужеземец!» воздержались в данном случае те люди, которые обычно являются прекрасными хозяевами.

Возьмем для примера Ассоциацию закупочных агентов штата Аризона, которая собралась в Кулидже в пятницу на позапрошлой неделе на общее собрание феникского и туксонского отделений. Эд Зиглер, владелец конторы по снабжению предметами ухода за домами в Фениксе и руководитель программы местного клуба, организовал выступление одного русского оратора. Было объявлено, что один из прибывающих к нам русских журналистов сумел прилететь раньше других для того, чтобы произнести эту речь. Дик Индерледен, представитель авиакомпании ТВА, доставил Алрока Тотелова из Феникса в Кулидж для того, чтобы он выступил перед закупочными агентами. Индерледен сообщил, что русский прилетел сюда из Калифорнии на самолете ТВА.

Перед своим выступлением мистер Тотелов позировал

фотографам вместе с Гарольдом Бренном – кулиджским издателем, Индерледеном и Полем Марксом – закупочным агентом.

Мистер Индерледен, представляя гостя, объяснил, что русский писатель не говорит и не понимает по-английски, но что он имеет подготовленный текст речи и привез с собой ее английский перевод, написанный одним из других журналистов. По ходу выступления оратора на русском языке Индерледен должен был читать соответствующий английский текст.

На хозяев нападают: Гость резко критиковал методы американского бизнеса и оскорбил закупочных агентов, обратившись к ним скорее как к клеркам, а не как к представителям фирм. Оратор заявил, что в американской практике ведения хозяйства процветают расточительство, излишества и незаконность.

Мистер Тотелов указал, что американскому бизнесу не хватает дисциплины, которая, по его словам, делает русскую систему более эффективной. Он беззастенчиво расхваливал социализм и высмеивал систему свободного предпринимательства. Он критиковал также американских женщин за их вялость и безжизненность, открыто осуждая их жизнь в роскоши в противоположность мужскому труду, требующемуся от русских женщин. По мере того как он монотонно читал свою речь, показывая поверхностное знание американского бизнеса, но черня его как упадочный и прогнивший, из зад-

ней части комнаты стали раздаваться свисты. Некоторые закупочные агенты пытались остановить это неучливое поведение своих коллег, но не могли прекратить протесты.

Но речь была неожиданно прервана, когда на собрание явились два помощника шерифа графства Пинал и заявили, что они пришли арестовать мистера Тотелова как самозванца. На собрании поднялся невообразимый гвалт, когда объявили, что Тотелов – это в действительности Эль Потэ, адвокат из Феникса.

Потэ специально отрастил на этот случай усы, выучил примерно двадцать русских слов, которые он повторял в своей речи в бесчисленном множестве комбинаций. В течение своего более чем двухчасового пребывания среди закупочных агентов он не произнес ни единого слова, кроме русских слов. Он сохранял строгую мину, без улыбки, даже когда присутствовавшие делали унижительные замечания относительно его внешности, манер и предполагаемого происхождения. Человека два из членов ассоциации, не посвященных в шутку, ехали вместе с Потэ из Феникса в Кулидж. Несколько других лиц из числа присутствовавших встречалось с ним раньше, но никто не узнал его в ходе этого трюка».

А что, если бы мы не собрались лететь в Феникс?! Так и прошла бы безнаказанно гнусная проделка тех, кто хочет посеять вражду между советским и американским народами...

Годовщину Великого Октября нам пришлось встречать в Фениксе – в далеком городе на чужой земле. Было душно и

жарко в ночь под 7 ноября. Крупные звезды отражались в воде бассейна. Остролистые пальмы во дворике гостиницы, подсвеченные цветными лампами, напоминали театральную декорацию. А возле гостиницы, как плохие и дешевые актеры, орали и свистели бежавшие в годы войны из нашей страны предатели. Они бесновались несколько часов, а потом все, как по команде, удалились. Они пробыли возле гостиницы ровно столько времени, за сколько им было заплачено.

ПЛОХАЯ ПОГОДА В ВАШИНГТОНЕ

Почти всю поездку по Америке нам сопутствовала ясная, солнечная погода. Вашингтон же встретил нас густым туманом, дождем и сильным, порывистым ветром. Самолет кружил над городом минут сорок и вынужден был садиться вслепую, по приборам. Как заметил один вашингтонский репортер: «Погода соответствовала встрече, которую оказали русским официальные лица». В этом была доля справедливости. Говоря проще, в Вашингтоне мы лицом к лицу столкнулись с теми, кто девять месяцев не выдавал нам виз, с теми, кто изо всех сил «роет миру могилу», как поется в одной хорошей песне.

Началось все с того, что нам отказались продлить срок пребывания в Америке на пять дней – разрешили задержаться только на три дня с условием «покинуть США не позже 18 ноября». Перед началом поездки мы разослали несколько телеграмм высокопоставленным лицам в Вашингтоне с просьбой принять нас и ответить на ряд вопросов, волнующих советскую общественность. И что же? Все они отказались дать интервью, сославшись на занятость. Было понятно, почему «не нашлось времени» для советских журналистов.

Для нас были организованы беседы со второстепенными лицами. Первое интервью дал судья Уильям Дуглас. Внешне

он невыразительный старикашка, с узенькими сухими губами, блеклыми, чуть испуганными глазами. Дуглас путешествовал по нашей стране, в журнале «Огонек» было помещено его интервью, в котором судья высоко отзывался об успехах Советской страны. Анатолий Софронов, как представитель этого журнала в нашей группе, прежде всего поинтересовался, получил ли Дуглас номер журнала со своим материалом?

– А я, – Дуглас заметно нервничал, – в СССР вообще не встречался с прессой.

– Как же так, вы запомнили, господин судья, – возразили ему мы. – Вас интервьюировали не раз, и всюду вы весьма охотно делились своими впечатлениями.

Никто из нашей семерки не понимал, что творится с судьей. Почему старичок так изворачивается? Спрашиваем у судьи для уточнения:

– Как вам понравилась поездка по СССР?

Молчание.

Повторяем вопрос.

– Не скажу я вам этого. У меня путаница в голове.

– Но ведь вы такой опытный путешественник, книги пишете.

– Я не знаю русского языка.

– Многие из нас не знают английского и все-таки смело и честно, если хотите, прямо сейчас ответят на вопросы о США.

– Я мог ездить по СССР, куда хотел. Ваши люди дружелюбно настроены к американцам.

И судья вновь замолчал.

Ушли мы из мрачного здания верховного суда США, не понимая, что за беда приключилась с судьей Дугласом. Только вернувшись на Родину и прочитав его наглое и лживое заявление о поездке в СССР, поняли: старичок сгорал со стыда. Впрочем, стыд он потерял давно. Но даже бессовестному человеку иногда неловко глядеть в глаза тому, о ком сегодня он говорит одно, а завтра другое.

Гадкий хлеб у лжецов и провокаторов! Судья Дуглас разоблачил себя как человек, которому ненавистны добрые отношения между народами, как человек, насквозь пропитанный ядом войны. Он и сейчас всю призывает к подрыву равноправных, нормальных отношений между народами; он хочет командовать народами, размахивая водородной бомбой. Уж не стремится ли Дуглас сменить тогу судьи на мундир бесноватого генерала-поджигателя? Если бы мы успели прочитать статейки Дугласа до встречи с ним, мы бы задали ему такой вопрос. Интересно, что бы ответил судья?

Поскольку программа нашего пребывания в Вашингтоне оказалось незаполненной, решено было отправиться в Маунтвернон, в домик Джорджа Вашингтона.

Но сначала несколько слов о городе Вашингтоне. Он стоит особняком среди других американских городов. Столица Соединенных Штатов как бы оградила себя от тревог и

волнений страны. В городе запрещено строить фабрики и заводы. Здесь живет около миллиона человек. Большой частью это служащие многочисленных государственных учреждений, военные, дипломаты, преуспевающие бизнесмены, представители богатых фирм и корпораций. По американской статистике, в годы второй мировой войны в Вашингтоне было триста тысяч чиновников.

«Остальное» население, как выразились сопровождающие нас господа, занимается обслуживанием деловой публики. Это заметно. Пенсильвания-авеню – зеленая, роскошная улица чиновников, а окраины города с жалкими, покосившимися лачугами отведены для бедняков. По закону, жители Вашингтона лишены избирательных прав, они не участвуют в выборах президента, конгресса, городского управления. И опять-таки тем, кто имеет дома на Пенсильвания-авеню, «лишение гражданских прав» не приносит никакого ущерба; они в состоянии использовать свое право в других местах Штатов; об «остальном» населении власти заботятся мало.

После сильного ветра и дождя в городе начался листопад. Золотисто-красные листья устилали мостовые и тротуары. В эти часы по-особому красив городской парк Рок-криг, в котором с мелодичным шуршанием сыплет золотой дождь. Мы попадаем в центр города, где высятся выточенные из белого камня памятники-obelisks Линкольну и Вашингтону, едем по набережной полноводной, одетой в гранит реки Потомак. Хозяева не преминули провезти нас мимо Пентагона,

где размещаются главные военные ведомства США, – громадного здания в форме пятигранника; отсюда и его название. Напротив Пентагона – Арлингтонское военное кладбище. Недурное соседство!

В Пентагоне несметное число комнат (на тридцать пять тысяч человек), залов, коридоров, переходов. Существует, и нам не без иронии рассказали его, такой анекдот. Почтальон принес в Пентагон почту и заблудился там. Ходил, бродил по комнатам десять дней, а вышел из Пентагона... полковником.

Почтальону от этого, как говорится, только жалованье выше, а каково будущим подчиненным! Во всяком случае, этот анекдот не рассказывают тем, к кому обращены написанные на больших щитах призывы: «Стой! Если хочешь жить, ни о чем не думая, записывайся в армию Соединенных Штатов».

За городом, по настойчивому приглашению Френка Клухона, мы остановились возле одноэтажного коттеджа мистера Джона Адамса. Он, как и Френк, – паблик рилейшен мен. Новая и своеобразная специальность в Америке. В переводе, как уже говорилось выше, паблик рилейшен мен – человек, поддерживающий взаимоотношения. Но понятие это куда шире. Миллионеры, кинозвезды, политические боссы, представительные фирмы, киностудии обращаются к услугам таких людей. Они принимают их гостей, показывают страну, доносят до хозяев «мнение общества» по самому широкому кругу вопросов.

Мистер Адамс объявил себя первоклассным стрелком и, желая, видимо, припугнуть нас, предложил выбить папиросу изо рта любого. Предупредив хозяина, что на обратном пути непременно заедем испытать его меткость, мы тронулись дальше, в Маунтвернон.

Двухэтажный Белый дом Вашингтона стоит на высоком берегу реки Потомак. Посыпанные желтым песком аллеи уводят в парк, где в тени вековых лип сооружен из красных кирпичей мавзолей Вашингтона.

Нам рассказывают, что имение Вашингтона было значительно обширнее нынешней территории музея: к нему примыкали плантации, на которых трудились сотни черных и цветных рабов.

Экспозиция музея рассчитана на то, чтобы дать представление лишь о личной жизни выдающегося государственного деятеля. Походный сундук с выбитыми на нем цифрами «1775 г.», кровать, на которой умер Вашингтон, небольшой письменный столик, кресла и диваны в гостиной, несколько гравюр, зеркала да керосиновые лампы – вот все, что предлагается вниманию. Посетитель не выносит из дома никаких серьезных и глубоких впечатлений. А между тем Джордж Вашингтон – сложная и своеобразная фигура в американской истории. Главнокомандующий войск колонистов во времена борьбы североамериканских колоний Англии за независимость, первый президент США в 1789—1797 годах, он поддерживал народные массы в их действиях против колониза-

торов и оставался наряду с этим сыном своего класса – плантатором и крупным буржуа.

Но сейчас, когда американские правящие круги сами выступают как представители замаскированного лицемерными фразами колониализма, не в их выгоде подчеркивать, что в свое время народ Америки поднимался на войну против иноземных поработителей и что во главе восставших стоял Джордж Вашингтон.

Все есть в Америке: и город, носящий имя Вашингтона, и памятники в его честь. Однако мы судим о традициях не по торжественным словам и не по тому, сколько тонн бронзы и камня отпущено на монументы. Кое-кому выгодно забыть, что Вашингтон стоял во главе армии народа. Зато помнят, что позже тот же Вашингтон возглавил расправу над восставшими народными массами, требовавшими лучшей жизни, обещанной во время войны.

Мы молча стояли у могилы, отдавая долг Вашингтону – солдату и генералу. А по дорожке подходили к мавзолею все новые и новые посетители. О чем думали они, стоя возле белой мраморной плиты?..

На обратном пути заехали к мистеру Адамсу проверить его меткость. Прежде чем один из нас встанет с папиросой под пистолет, решили дать Адамсу три выстрела на пристрелку, естественно – по «неживой мишени». И он все три раза промахнулся. Адамс долго извинялся перед нашим товарищем, изо рта которого должен был выбить папиросу. А

мы уезжали довольные. «Фокус с запугиванием русских журналистов не удался», – шутили на следующий день вашингтонские репортеры.

Не удался и еще один фокус.

Нам показывали здание сената Соединенных Штатов. Вместе с другими экскурсантами брели мы по его коридорам, уставленным мраморными, бронзовыми, гранитными скульптурами президентов. Неожиданно наш спутник г-н Глен предложил встретиться с сенатором О'Махони. Мы отказались, ответив, что у нас нет никаких вопросов к этому сенатору.

Г-н Глен сделал виноватые, просящие глаза:

– Все уже условлено, сенатор ждет вас.

– Но мы никого не просили об этом.

– Зато просил сенатор.

– Передайте ему, что делегация условилась о другой встрече.

Чувствовалось, что готовится нечистая проделка, но отказываться дольше было невозможно.

В кабинете сенатора никого не оказалось.

Но только мы собрались уйти, как в комнату не вошел, а скорее вбежал какой-то взлохмаченный господин.

– Это они? – бросил он на ходу секретарше.

И с привычной для говоруна легкостью сенатор начал выкрикивать:

– Вы хотели встречи со мной?.. Но кто вы? Представляете

ли вы свободную прессу? Пишете ли вы, что думаете? Я всю жизнь пишу и говорю, что думаю. Я...

Борис Полевой перебил сенатора:

– Во-первых, здравствуйте...

Борис Изаков прибавил по-английски:

– ...как принято начинать знакомство в цивилизованном обществе.

– Я должен сказать, что ваши газеты... – неся дальше О'Махони.

– А вы читали советские газеты? – снова вставил реплику Борис Изаков.

– Нет, я никогда их не видел...

– А часто вы говорите так громко о том, чего не знаете?

– В нашей конституции записано о свободе печати в Америке...

– Читали ли вы Советскую Конституцию?

– Нет, я никогда ее не читал...

Остановить сенатора было невозможно. Он «зашелся» и болтал, не переводя духа, об «американской свободе», об «угрозе коммунизма» и еще о чем-то, что не запомнилось, поскольку было слишком общеизвестным. Хором, чтобы сенатор услышал, мы крикнули:

– Гуд бай!

– Постойте! – будто перевернулся с головы на ноги сенатор. – Здравствуйте.

Минут пять до этого его дергала за рукав секретарша и

все шептала:

– Мистер, придите в себя, ну, мистер...

– Здравствуйте, – повторил О'Махони, но мы были уже за дверью и там громко рассмеялись. Представьте, с нами смеялись и некоторые американские репортеры.

– Это он, – сказал один из репортеров, – хочет стать популярным. Выборы. Один раз его уже провалили, потому что ничего о нем не слышали, вот сенатор и подает голос.

За день до встречи с О'Махони этот репортер спросил, откуда берутся в «Крокодиле» материалы для карикатур на зарубежные темы? С условием, что ответ происходит в присутствии «черной кошки», мы, выйдя из здания сената, кивнули в сторону окон кабинета О'Махони. Только потому, что репортер не сдержался и написал об этом в своей газете, я тоже открываю, как говорится, секрет производства.

Дни пребывания в Вашингтоне подходили к концу. Был близок отлет на Родину. И как бы холодно ни прощались с нами «официальная Америка», в наших впечатлениях главенствовали не встречи с болтливым сенатором и бесчестным судьей. Помню, студия вашингтонского телевидения устроила в воскресный день передачу диспута между американскими и советскими журналистами. За П-образным столом собралось пятнадцать человек. Обычно в студию приглашают зрителей, чтобы передачи шли более живо. На этот раз встретиться с советскими журналистами, послушать их пришло очень много юношей и девушек. Они заполнили все ме-

ста, проходы, забрались на подставки для аппаратуры. Как только кончилась передача, продолжавшаяся более получаса, передача, которую смотрели пять миллионов американцев, молодежь начала второй – горячий, дружеский диспут. Он свидетельствовал об огромном желании простых людей Америки узнать правду о нашей жизни.

В этом мы убедились и на следующем собрании. На этот раз диспут шел в национальном прессклубе и в зале сидело около пятисот вашингтонских журналистов. Глядя на присутствующих, мы встречались, конечно, и с глазами злыми и с глазами равнодушными. Публика, сидевшая перед нами, в основной своей части была предубежденной и злобствующей. Борис Изаков прочел заявление делегации. В нем мы делились своими первыми впечатлениями, говорили о том, что понравилось и что не понравилось нам в Америке. Даже среди такой вот публики нашлось немало журналистов, которые аплодировали метким ответам делегатов.

В заключение советская делегация предложила учредить премию журналисту за статьи, способствующие лучшему взаимопониманию между СССР и США. Премия – поездка по стране. Руководители прессклуба обещали подумать. Нужна была консультация с «инстанциями». Ответа от вашингтонского прессклуба мы не получили и по сей день. Почему? Может быть, внесет некоторую ясность в этот вопрос наш визит к г-ну Мэрфи – одному из заместителей Даллеса.

Вот краткая запись беседы:

– Как господин Мэрфи относится к обмену делегациями?

– В целом «за», но... иногда это подрывает безопасность.

– Вы считаете, что Ойстрах и Гилельс подорвали вашу безопасность?

– У нас в СССР хорошо заботятся о безопасности, но мы не боимся пускать в страну иностранцев и не считаем, что «Порги и Бесс» подорвет нашу мощь.

– Но в СССР нет демобилизации.

– Недавно из Советских Вооруженных Сил демобилизовано шестьсот сорок тысяч человек.

– Но у вас есть Коминформ. Распустите его.

– А почему вы не распускаете советы капиталистов да еще тратите сто миллионов долларов на оплату шпионов?

Некоторая заминка.

– Так как же все-таки с обменом делегациями, господин Мэрфи?

Не буду затруднять читателя дальнейшим описанием разговора с Мэрфи. Он хотел уйти от прямого ответа. Но факты – упрямая вещь. Недавно в наших газетах появилось сообщение еще об одном отказе американцев выдать визы советским людям – специалистам по строительству дорог, приглашенным американскими коллегами. Не потому ли молчит и вашингтонский прессклуб? Правда, после предложения об установлении премий в американских газетах появились некоторые сообщения довольно странного характера: американец, получивший премию – поездку по СССР, бу-

дет поставлен в США в... «неловкое положение», «поскольку его деятельность будет одобрена русскими». Ай-ай-ай! И это после стольких слов о «свободе американской печати»!..

И все-таки не хочется делать грустных выводов. Можно отказать в визах раз, другой, третий, подговорить еще пять сенаторов произнести какую-нибудь глупую речь, подкупить очередного судью, и он быстренько сменит свои взгляды. Можно! Но политика правды, равноправия народов, политика мира и взаимопонимания будет и впредь привлекать умы миллионов, в том числе и умы миллионов американцев. Сегодня больше, чем вчера, а завтра больше, чем сегодня, американцы будут видеть, что народы Советского Союза, занятые грандиозной стройкой, не хотят войны.

Когда делегация покидала Вашингтон, погода снова была не блестящей. Висел туман, хмурилось небо. Можно было бы закончить словами: погода соответствовала настроению некоторых официальных американских лиц, провожавших нас. Но погода отнюдь не соответствовала нашему настроению: оно было превосходным, поскольку известно – тучи проходят, а солнце остается.

ПОЕТ ПОЛЬ РОБСОН

Прощаемся с Америкой.

Трое из нас стоят на сто втором этаже высочайшего здания Нью-Йорка – «Эмпайр стэйт билдинг». Город внизу не город, а нагромождение каких-то кубиков, брусков, пирамидок, как будто там, под нами, только что кончили играть ребяташки-строители. Не видно людей, а машины кажутся подвижными точечками. Даже громадины суда в Гудзоновом заливе напоминают маленькие лодочки.

С трехсотвосьмидесятиметровой высоты «Эмпайра стэйт билдинга» мы как бы вновь оглядываем весь маршрут поездки, и видятся в дымке те города и те дома в городах, где побывала делегация. Когда нам осталось быть на американской земле так немного времени, мы посылаем на запад, к берегу Тихого океана прощальные приветы хорошим и простым людям, с которыми познакомились во время путешествия: в далекий Феникс, в Лос-Анжелос, в Солт-Лэйк-сити, в Кливленд, в Вашингтон и в Сан-Франциско, где остроумные журналисты придумали веселую историю с «черной и серебряной кошками».

Читатели, верно, не забыли, что, действуя по правилу сан-францисского прессклуба, при «серебряной кошке» можно писать обо всем. В своих последних заметках об Америке я хочу еще раз воспользоваться этим репортерским правом.

Я делаю это с охотой, потому что мне предстоит написать о самой волнующей и самой замечательной встрече из всех, какие произошли у нас за время поездки. Среди сотен других и более длительных и даже более неожиданных встреч она выделяется особо. Мы слушали Поля Робсона, беседовали с Говардом Фастом, Альбертом Каном, Ллойдом Брауном, с их друзьями. Еще в Москве мы мечтали об этой встрече, и думаю, что она не забудется никем из делегатов.

...Нас было двадцать человек в небольшой уютной комнате. Но казалось, стены комнаты раздвинулись, и всем хватило места. Мы переходили от одной группы беседующих к другой и всюду встречали добрые, дружеские глаза.

Хотя прежде я никогда не видел Говарда Фаста, мне – да, впрочем, всем нам – казалось, что мы уже встречались с ним много раз и наш сегодняшний товарищеский горячий разговор – продолжение каких-то прежних бесед и прежних встреч. И это понятно. Мы ценим и любим книги Фаста, а писатель всегда присутствует в своих произведениях, и мы, таким образом, создаем впечатление о нем. Подвижный, энергичный, совсем еще молодой человек, Фаст шутил, смеялся, рассказывал о своей работе, о своих планах так, как будто и он час тому назад тоже виделся с нами.

Раздался еще один звонок. Пришел Поль Робсон вместе со своим сыном Полем – красивым молодым пареньком. Все бросились пожимать ему руки. Робсон давно не виделся и со своими американскими друзьями. Это был его первый вы-

ход в гости после серьезной операции. Операция стоила ему не одну тысячу долларов, так как лечение в Америке платное, дорогое. День пребывания в больнице или клинике стоит американцу свыше тридцати долларов. За роды приходится платить около пятисот долларов. Нам довелось разговаривать с доктором Рейнольдсом. Отнюдь не в шутку он произнес:

– Так сложились обстоятельства, что врачей в нашей стране кое-кто не без оснований называет «гангстерами, наживающимися на болезнях».

Робсон разделся и шагнул в комнату, большой, красивый, статный.

– Когда-нибудь надо делать первый шаг в жизни, – приветствовал он всех.

Двигался Поль Робсон медленно и как-то с опаской. Но глаза его не передавали ни усталости, ни боли. Необычайно мягкая, располагающая улыбка сообщала лицу Робсона притягательную силу. Если кто встречался с его глазами, тому тоже непременно хотелось улыбнуться.

Робсон присел к низкому круглому столику и стал расспрашивать нас о поездке. Мы рассказали обо всем, что видели в стране, а потом по просьбе Робсона и его друзей спели несколько песенок, сочиненных в Америке всей делегацией коллективно. Робсон слушал наши отнюдь не выдающиеся голоса внимательно и только с каждой строчкой новой песни улыбался шире, шире и веселее. Потом приложил ладонь к

уху, будто хотел проверить, как звучит его сильный, красивый голос, и подхватил вместе с нами по-русски:

Новый день не просто занимается,
Но таков уже двадцатый век, —
Безусловно, где-то повстречается
С человеком человек!

Кончилась наша песенка. В комнате стало тихо. И вдруг запел Робсон. Пел он вначале чуть слышно, прикрыв глаза, раскачиваясь в такт протяжной песне. Потом он начал петь громче, и голос зазвучал сильнее. Все как зачарованные слушали великого певца. Иные из нас не понимали слов, но Робсон пел так выразительно и так много говорило его лицо, что никто не просил переводить слова песни. Робсон смолк на какую-то секунду. Но вот глаза его открылись шире, он молодно тряхнул головой, распрямил плечи. В комнате, подобно клочкотанью весеннего грома, послышалось:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек.

– Он поет в первый раз после болезни, – тихо сказал Кан. – И поет так восхитительно!.. Через вас Робсон хочет передать привет Стране Советов.

– Ты прав, Альберт, – услышал фразу Кана Робсон. Он кончил петь, развел руками, вздохнул и проговорил: – За-

граничного паспорта все еще не дают. Впрочем, для песни нет границ.

Для песни нет границ! Но песню Робсона хотят спрятать в клетку. Выдающемуся артисту Америки и петь-то разрешают не всюду. Хозяева концертных залов не подписывают с ним контрактов. Радио и телевидение закрывают двери перед Робсоном. Разве это потому, что могучий талант певца не привлечет тысяч и тысяч зрителей?! Пусть кто-нибудь решится ответить так. Не смогут, ибо в таком случае легко подвергнуть себя всемирному осмеянию. А жизнь у певца нелегка. Сыну Робсона пришлось обучиться записи песен на пластинки. Он сам продает их тем, кто действительно ценит настоящее американское искусство. Но сколько пластинок может продать один человек?

И все-таки Робсон не падает духом. Мы виделись не с раздраженным, усталым и одиноким Робсоном, а с Робсоном сильным, энергичным и верящим в свою правоту. Когда были спеты все близкие нашему сердцу песни, Робсон поднялся во весь свой богатырский рост, прошелся от стены к стене по комнате, и мы услышали Отелло:

А если ты порочишь
Ее безвинно, мучая меня,
То больше не молись. Греши
без страха
И не раскаивайся. Громозди
Злодейство на злодейство.

Перед этим
Должно все побледнеть,
и ничего
Твоих грехов уже не увеличит.

Много лет оттачивает, шлифует, находит новые оттенки и краски для роли Отелло Поль Робсон. Его мечта – сыграть Отелло в нашем театре, и он выучил роль по-русски. Робсон работает как истинный, требовательный к себе художник, работает много, увлеченно. Он переводит на английский язык «Евгения Онегина», пишет тексты к нотам. Можно только позавидовать воле и собранности этого человека, стоящего выше отнюдь не мелких пакостей, которые совершают по отношению к нему реакционные силы в Америке.

И можно только гордиться, зная, что среди миллионов простых людей – борцов за справедливый, достойный человека мир есть Поль Робсон, есть его друзья-товарищи, замечательные американцы, с которыми нам довелось повидаться.

И, может быть, потому, что последний американский вечер мы провели вместе с Полем Робсоном и его друзьями, часы летели незаметно.

На следующий день мы уже двигались к аэродрому и вскоре поднялись на большом четырехмоторном самолете в воздух. Какие-то минуты был виден весь в огнях Нью-Йорк, а потом мгла атлантической ночи скрыла его от нас.

Когда делегация советских журналистов пробыла в Нью-Йорке дня три-четыре, бойкие репортеры на одной прессконференции задали нам вопрос:

– Ду ю лайк Америка? (Нравится ли вам Америка?)

– Подождите, коллеги, проедем по вашей стране и скажем совершенно честно все, что думаем о ней.

В своих заметках я и старался, как мог, рассказать о том, что мне нравится и что не нравится в Соединенных Штатах.

Теперь я отдаю в полное распоряжение сан-францисского прессклуба взятых там во временное пользование «черную кошку» и «серебряную кошку». А поскольку журналисты в этом городе – заядлые любители сувениров, можно оставить им на всякий случай и фигурку мышки с блестящими бусинками вместо глаз, ту самую мышку, которая помогала членам делегации в грустную минуту и которой мы награждали по общему согласию того из нас, кто оказывался самым находчивым. Я делаю это в твердой надежде, что «черная и серебряная кошки» сан-францисского клуба не поссорятся с нашей мышкой.

Тем более, что это будет зависеть не от выдуманных фигурок, а от людей.